Ж 05 Т3(2Р-6Мо)Я54
М792

Мордовский Научно-Исследовательский Институт
Социалистической Культуры при СНК МАССР

Записки

2

50116

1977

БИБЛИОТЕКА
М.Н.И.И.Я.Л.И.Э.

БИБЛИОТЕКА
№

Издательство МНИИСК
Саранск 1941

Д. Рузавин.

О большевистской агитации

Большевистская агитация является мощным оружием в руках партии. Сила большевистской агитации заключается в ее правдивости, ясности, высокой идейности, огромном воздействии на массы трудящихся, т. к. она соответствует их интересам.

Большевистская агитация призвана разъяснить трудящимся массам политику партии Ленина—Сталина и советского правительства.

Наша агитация воспитывает массы в коммунистическом духе.

В проведении агитационной работы наша партия исходит из указания тов. Сталина о том, что «Нужно весь народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох».

Большевистская политическая агитация в истории нашей партии всегда имела исключительно важное значение и она всегда играла и будет играть огромную роль, она поднимала пролетариат на борьбу с самодержавием, на борьбу с капитализмом, направляла массы на штурм капитализма в дни Октября 1917 года. В годы гражданской войны агитация большевиков воодушевляла бойцов Красной Армии на победоносную борьбу с белогвардейцами и интервентами. В годы Сталинских пятилеток посредством агитации наша партия проводила большую работу, мобилизуя всех трудящихся СССР на борьбу за выполнение планов социалистического строительства.

Большевистская агитация играла всегда большую роль потому, что наши агитаторы подходили к массам так, как учил Ленин. «...к массам надо научиться подходить особенно терпеливо и осторожно, чтобы уметь понять особенности, своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т. п. этой массы». [1]

Основным методом нашей агитации является настойчивое, глубокое, терпеливое разъяснение и убеждение масс. Примером широчайшего развертывания большевистской агитации являлись избирательные кампании по выборам в Верховный Совет СССР и в Верховные Советы союзных и автономных республик, а также выборы в местные Советы депутатов трудящихся.

Большая работа проведена среди трудящихся по разъяснению исторического доклада товарища Сталина на XVIII съезде партии и решений этого съезда. С помощью армии агитаторов—партийных и непартийных

---

[1] *Ленин*. т. XXV, стр. 318.

большевиков все выборы закончились блестящей победой сталинского блока коммунистов и беспартийных.

Прошедшие выборы в местные Советы депутатов трудящихся еще раз продемонстрировали морально-политическое единство советского народа и его беспредельную любовь и преданность к партии большевиков и ее вождю товарищу **Сталину.**

В 1931 году в выборах в сельские Советы по Мордовии явка избирателей составляла только 69,2 процента. В выборах в местные Советы депутатов трудящихся в декабре 1939 года участвовало 514.278 избирателей из 515.787 или 99,71 процента. За кандидатов блока коммунистов и беспартийных голосовало 508.720 избирателей или 98,95 процента.

В городах и районах Мордовской АССР в связи с выборами в местные органы власти было организовано 1046 агитколлективов с количеством агитаторов 15.609 человек, из них членов и кандидатов ВКП(б)—4.264 человека, что составляет 27,32 проц., комсомольцев 4.847 чел.—31,05 проц., беспартийных 6.498 чел.—41,63 проц., из общего количества агитаторов работало 3.711 женщин или 23,78 проц. к общему числу всех агитаторов. Агитаторами проведено среди избирателей 84,684 бесед, лекций и докладов, на которых присутствовало 1.148.889 избирателей.

Во всех городах и районах республики проведены 10-ти и 5-тидневные курсы агитаторов, на которых обучалось 2124 человека. В сентябре и первой половине октября месяца 1939 г. при ГК и РК ВКП(б) проведены пяти и трехдневные семинары руководителей агитколлективов, на которых обучалось 553 чел. В ряде районов были проведены 10-дневные курсы зав. клубами и избами-читальнями. Это дало возможность провести агитационную работу на высоком идейно-политическом уровне.

Чтобы лучше обслужить избирателей литературой, Мордгизом было отпечатано «Положение о выборах в районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся Мордовской АССР» на русском языке в количестве 80.000 экз., на мордовском-эрзя языке—10.000 экз., на мордовском-мокша языке—10.000 экз. и на татарском языке—5.000 экз.; «Конституция Мордовской АССР» на русском языке—20.000 экз., на мордовских языках: мокшанском—5.000 экз. и эрзянском—5.000 экз.

Отделом пропаганды и агитации Обкома ВКП(б) была выпущена брошюра «Агитаторы» тиражем 10.000 экз. В брошюре освещен опыт и задачи агитаторов в избирательной кампании. Отделом пропаганды и агитации Саранского ГК ВКП(б) издана брошюра «Саранск за годы сталинских пятилеток» (5.000 экз.). В ней помещены материалы в помощь агитаторам на избирательных участках города Саранска.

В период подготовки и проведения выборов в местные Советы депутатов трудящихся многие агитаторы хорошо вели агитационную работу. Тов. Арисова в г. Саранске на 6-м избирательном участке вела агитационную работу с начала выборов в Верховные Советы РСФСР и МАССР. Она тщательно готовилась к беседам, читала дополнительную литературу, привлекала географическую карту, фото-снимки и т. п. Поэтому занятия ее проходили оживленно. Хорошие результаты дало чтение ху-

дожественной литературы. Отрывок из произведения Максима Горького «Мать» о первомайской забастовке рабочих вызвал у всех слушателей глубокое чувство ненависти к эксплоататорам-капиталистам и царской полиции. Одна из слушательниц—Бабенкова Екатерина Александровна сказала:—«Вот если враги втянут нас в войну, то я так же, как мать Павла, пойду вместе с сыном защищать родную страну. Если оружие не дадут, так я чем-нибудь другим сумею помочь Красной Армии».

В Ичалковском районе хорошо работал агитатором преподаватель с/х. техникума тов. Хилько. Он проводил беседы по «Положению о выборах в местные Советы» на дому у избирателей. На каждой беседе он знакомил избирателей с международным положением, принося с собой на занятия политическую карту, к нему на занятия приходили избиратели из соседних улиц. Тов. Хилько сочетал агитационную работу с производственной работой, он принимал активное участие в организации ефремовских звеньев в колхозе имени Кагановича. Как хорошего преподавателя и агитатора избиратели его избрали депутатом в сельский Совет.

Во всех парткабинетах были организованы выставки, диаграммы о достижениях Советского Союза, Мордовской республики и районов. В парткабинете гор. Саранска была организована «комната агитатора», которую посетило 400 агитаторов. В «комнате агитатора» у дежурных консультантов посетители получали ответы на все интересующие их вопросы.

Наряду с положительным опытом работы в ряде районов имелись и недостатки в агитационно-массовой работе.

В Б.-Игнатовском районе хуже всех работали агитколлективы в Н. Селищах (руководитель тов. Журавлев) и в Ст. Селищах (руководитель тов. Егоров). В результате плохой работы не приняли участия в голосовании: по Н. Селищенскому сельсовету 14 человек и по Ст. Селищенскому 8 человек.

В Лямбирском районе плохо была развернута агитационно-массовая работа парторганизациями Смольковского и Болотниковского сельских Советов депутатов трудящихся. По этим сельским Советам агитаторы до 15 ноября не начинали работы с избирателями, и только после специального решения РК ВКП(б) о состоянии агитационной работы в этих сельских Советах положение было выправлено.

Вопрос о постановке агитационно-массовой работы в связи с подготовкой к выборам в местные Советы депутатов трудящихся был постоянно в центре внимания Областного Комитета ВКП(б). В октябре—декабре месяцах 1939 г. на заседаниях Бюро Обкома ВКП(б) и на декабрьском пленуме Обкома были заслушаны доклады ряда райкомов партии (Мельцанский, Рыбкинский, Рузаевский, Зубово-Полянский, Торбеевский и Инсарский) о подготовке и проведении выборов в местные Советы депутатов трудящихся. В решениях Бюро и Пленума Обкома по докладам указанных райкомов особое внимание уделено было вопросам организации и постановки агитационно-массовой работы среди избирателей.

Предвыборные собрания по выдвижению кандидатов в депутаты ме-

стных Советов по республике прошли с большим политическим подъемом и активностью.

День 24 декабря 1939 года население провело как большой праздник. Несмотря на неблагоприятную погоду (снежная мятель, заносы), голосование проходило дружно и с большим политическим подъемом.

На 8 ч. утра 24 декабря по Мордовской АССР проголосовало 22,0 процента избирателей, к 12 часам дня уже проголосовало 76,3 процента избирателей, к 16 часам—94,3 процента, а на 20 часов—97,9 проц.

К 12 часам дня голосование было закончено в 89 избирательных участках, а к 16 часам — в 368 участках.

В селе Урусове Ардатовского района первый бюллетень получил 97-летний Солдатов Федор Алексеевич, который, подходя к избирательной урне, заявил: «Голосую за счастливую радостную жизнь».

В местные органы государственной власти Мордовской АССР народ избрал своих лучших сынов и дочерей, преданных делу партии Ленина—Сталина, стойких борцов за коммунизм. Всего избрано депутатов во все местные Советы депутатов трудящихся Мордовской АССР 10.379 человек, в том числе женщин 3.167 или 30,5 проц., членов и кандидатов ВКП(б) 2.900, или 27,9 проц., комсомольцев — 1.077 человек, или 10,3 проц.

В период подготовки и проведения выборов в местные Советы депутатов трудящихся проведена большая агитационно-массовая работа по коммунистическому воспитанию трудящихся Мордовии.

26 декабря 1939 года Бюро Обкома ВКП(б), подводя итоги выборов в местные Советы депутатов трудящихся, вынесло решение не ослаблять агитационно-массовую работу среди населения, закрепить агитаторов на бывших избирательных участках, поднять качество агитационной работы, регулярно созывать на инструктаж руководителей агитколлективов.

В решении указано, что качество агитационно-массовой работы должно определяться не только количеством докладов, лекций, бесед, а результатами агитационно-массовой работы, успешным выполнением хозяйственно-политических задач каждым предприятием, колхозом, совхозом, Советом.

После выборов в местные Советы депутатов трудящихся, к сожалению, агитационная работа в Мордовской республике, благодаря формальному отношению, а подчас и безответственному отношению отдельных партийных работников, пущена на самотек. Некоторые партийные руководители пока что ограничиваются заседаниями и совещаниями, а не подкрепляют свои заседания конкретными делами. Есть и такие руководители, которые даже и заседаний не проводят, а считают, что агитация особого значения не имеет. Немало имеется и таких руководителей, которые заботятся только о количестве бесед, об охвате слушателей, совершенно не интересуясь идейно-политическим уровнем агитации, ее доходчивостью и действенностью. Стремление некоторых партийных работников руководить агитацией «вообще» приводит дело агитации к развалу.

Кадошкинский РК ВКП(б) даже не знает сколько агитаторов работают в районе. Отдел партийной пропаганды и агитации Райкома агитационной работой не руководит. Парторганизация Баевского сельского Совета, сос-

тоя из 15 человек, до сих пор в некоторых бригадах не ознакомила колхозников с постановлением Пленума ЦК ВКП(б) об изменении в политике заготовок.

В Ковылкинском районе в настоящее время имеется 36 агитколлективов, но большинство из них бездействуют, а незначительное количество агитколлективов работает очень плохо. В с. Троицке имеется большая парторганизация, имеется агитколлектив, который состоит из 120 человек, но работают из них сейчас только несколько человек. Агитколлективы не работают также при партийных организациях Токмовского сельского Совета, в с. с. Гумны, Ново-Пшенево.

В Кочкуровском районе сорвали в районном центре торжественные собрания, посвященные «Международному женскому дню», «Дню большевистской печати», формально без всякой подготовки провели торжественно-траурные собрания, посвященные «Дню Парижской коммуны», «Десятилетию со дня смерти В. В. Маяковского». Во время весенне-посевной кампании 1940 года агитколлективы работали очень плохо.

В вышеперечисленных и других районах, где плохо организована агитационно-массовая работа, политическая агитация, там плохо выполняются директивы партии и правительства как по хозяйственным, а также политическим кампаниям.

В Ромодановском и Атяшевском районах в 1940 году хорошо провели весенний сев, в этих районах была хорошо организована агитационно-массовая работа. Основная масса агитаторов, ранее работавших на выборах в местные Советы депутатов трудящихся, работала на весеннем севе. Агитаторы проводили беседы на полевых станах, в тракторных бригадах на международные темы, разъясняли решения партии и правительства. Агитаторы изучали свою аудиторию, изучали массы, изучали их нужды и запросы, на основе чего строили свои планы бесед, руководствуясь решениями партии и правительства.

Агитационной работой занимаются не только агитколлективы в лице их представителей — агитаторов. Агитационной работой занимаются все коммунисты, комсомольцы и активные общественники. Большую агитационную и массово-политическую работу мы проводим через кино, радио, газеты, журналы, выставки.

В борьбе за коммунизм политическая агитация имеет огромное значение. В строительстве коммунистического общества нет такой области работы, которая не служила бы предметом политической агитации. «Нет, и такого вопроса в области политической, который бы не служил предметом политической агитации».[1]

Исходя из указаний ЦК ВКП(б), все партийные организации должны улучшить агитационно-массовую работу среди трудящихся масс, поставив ее целью повседневное коммунистическое воспитание, привитие коммунистического отношения к труду и к социалистической собственности, воспитание любви и преданности к социалистической родине.

Райкомы и горкомы партии должны оперативно и конкретно руководить политической агитацией. Для этого необходимо хорошо знать кадры, руководить работой агитколлективов и агитаторов, держать с ними креп-

[1] *Ленин*, т. II, стр. 175.

кую связь, прислушиваться к их голосу, запросам. Не все партийные организации в лице их секретарей это делают. Практика показывает, что чаще всего отделы партийной пропаганды райкомов и горкомов партии созывают агитаторов перед очередной хозяйственно-политической кампанией и после — для подведения итогов, но не знают как они работают повседневно и как овладевают марксистско-ленинской теорией и в какой помощи нуждаются. Первичные партийные организации повседневно должны руководить делом постановки работы агитколлектива.

Политическая агитация в руках большевистской партии является мощным оружием. Необходимо ее постоянно оттачивать, совершенствовать, чтобы с успехом она служила делу коммунистического воспитания трудящихся масс. Поэтому партийные организации должны подбирать кадры агитаторов из лучших, политически-выдержанных и грамотных партийных и непартийных большевиков, умеющих защищать дело коммунистической партии, умеющих простым и ясным языком разъяснять трудящимся массам политику партии и советского правительства, пробуждать и поднимать их творческую энергию и инициативу.

Растущие политические запросы трудящихся ставят со всей остротой перед партийными организациями задачу решительного улучшения постановки политической агитации.

Эту задачу можно выполнить тогда, когда каждая партийная организация будет руководить агитаторами и агитацией конкретно, по существу, контролируя работу каждого агитатора с тем, чтобы все выше и выше поднимать качество политической агитации.

В. Самаркин и Т. Купряшкин.

Крестьянское движение в Мордовии в октябре месяце 1917 г.

Руководимые партией большевиков восставшие рабочие и крестьяне России в феврале м-це 1917 г. свергли царское самодержавие, заливавшее триста с лишним лет страну кровью рабочих и крестьян, душившее национальные меньшинства.

После свержения самодержавия благодаря недостаточной организованности и сознательности рабочего класса, буржуазия взяла власть в свои руки и образовала Временное правительство. В «Письмах из далека» В. И. Ленин писал: «Это правительство не случайное сборище лиц. Это—представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистических помещиков и буржуазии, которые давно правят нашей страной экономически»... [1] Пришедшая к власти буржуазия должна была разрешить три задачи: кончить войну, дать землю крестьянам и вывести страну из хозяйственного кризиса. Но «буржуазия, захватившая власть в свои руки, не в состоянии была решить ни одной задачи революции», т. к. она и власть брала для упрочения своего господства и борьбы с революцией.

Чтобы задушить революцию и упрочить свое господство, буржуазия и помещики использовали своих верных агентов—меньшевиков и эсеров. Последние всячески старались создать в народных массах веру во Временное правительство, доказывая, что оно будет выполнять волю революционного народа. Но Временное правительство выполнять народную волю и защищать его интересы не думало и не хотело. Преследуя свои классовые интересы, буржуазное Временное правительство продолжало вести политику сохранения незыблемости помещичьего землевладения и политику продолжения империалистической войны.

Скрываясь за ширмы Учредительного собрания, оно и не думало разрешать аграрного вопроса. В этом, как и в других вопросах, буржуазии помогали меньшевики и эсеры, уговаривая крестьян ждать Учредительного собрания. Они запугивали трудящихся тем, что аграрное движение, разгром помещиков только де усиливает контрреволюцию и ведет к ее победе над революцией.

Единственной партией, которая отстаивала интересы крестьянства

---

[1] *Ленин*, соч., т. XX, стр. 17.

и призывала их к немедленному захвату помещичьих земель, не дожидаясь Учредительного собрания, была партия большевиков.

Тов. Сталин в своей статье «Землю — крестьянам», написанной 14 апреля 1917 г., писал: «Мы обращаемся поэтому к крестьянам, ко всей крестьянской бедноте всей России—взять свое дело в свои собственные руки и двинуть его вперед. Мы призываем их организоваться в революционные крестьянские комитеты (волостные, уездные и пр.) и, забрав через них помещичьи земли, самовольно обрабатывать их организованным порядком. Мы призываем сделать это немедля, не дожидаясь Учредительного Собрания и не обращая внимания на реакционные министерские запрещения, ставящие палки под колеса революции».[1]

Преодолевая все препятствия, создаваемые буржуазией и помещиками и их агентами—меньшевиками и эсерами, голос большевистской партии, призывы Ленина и Сталина все больше и глубже проникали в широкие крестьянские массы современной Мордовии. Поэтому крестьяне начинают постепенно освобождаться от иллюзии доверия Временному правительству, начинают понимать, что оно не может дать им ни земли, ни мира. Уже в апреле м-це Пензенский губернский крестьянский съезд пошел за большевиками. «Крестьяне постановили конфисковать помещичью землю, а весь инвентарь передать в общественное пользование».[2]

Огромную роль в деле прояснения классового самосознания трудящихся сыграла газета «Правда»—центральный орган партии большевиков.

Крестьяне д. Красный яр, Темниковского уезда 4 июля 1917 г. на общем собрании вынесли решение: «Мы крестьяне, свободные граждане, в числе 80 старших домохозяев, на общем собрании, обсудив текущий момент, вынесли резолюцию: Выражаем Совету рабочих и солдатских депутатов самые горячие пожелания успеха для окончания кровавой бойни, которая уже три года уносит миллионы человеческих жизней. Признавая дальнейшее ведение войны бесполезным и приносящим только капиталистам обогащение, а крестьянам и рабочим—смерть и разорение, мы требуем, чтобы Совет рабочих и солдатских депутатов заставил Временное правительство разослать во все стороны воюющему народу вести о прекращении войны без аннексий и контрибуций, на самоопределениях наций. Шлем защитнице наших интересов газете «Правда» великое сочувствие».[3]

После корниловского восстания влияние большевистской партии среди широких масс крестьянства выросло еще сильнее. Трудящиеся массы окончательно убедились, что буржуазия и помещики вместе с меньшевиками и эсерами готовят разгром революции и возвращение старого режима в стране. «Широкие массы крестьянства стали понимать, что только партия большевиков может избавить их от войны, способна сокрушить помещиков и готова отдать землю крестьянам».[4]

[1] ***Ленин и Сталин***, Избранные произведения 1917 г., изд. 1938 г., стр., 57.
[2] История гражданской войны в СССР, т. I-й, стр. 170.
[3] Сборник „Советы крест. депут. и др. крест. орг"., т. I, ч. II, под ред. проф. Шестакова, изд. ком. акад. сов. стр., Москва, 1929 г., стр. 76—77.
[4] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 193.

Поэтому, начиная с сентября месяца, крестьянское движение против помещиков сильно возрастает. Однако решающим моментом в усилении крестьянского движения в Мордовии, в переходе его в крестьянскую войну, явился октябрь месяц. Публикуемые ниже документы показывают, что развернувшаяся борьба крестьян на современной территории МАССР против помещиков и кулаков в октябре месяце 1917 г. приняла громадные размеры и влилась в общий поток борьбы пролетариата в городах за победу социалистической революции. По неполным данным по одному только Инсарскому уезду в октябре месяце было 62 крестьянских выступления, причем 45 из них сопровождались разгромом помещичьих имений и кулацких хуторов. Таким образом 72 проц. всех выступлений крестьян Инсарского уезда падают на наиболее острую форму борьбы—разгром. Крестьянское восстание охватило все уезды, входящие в современную территорию МАССР.

Крестьяне в буквальном смысле этого слова уничтожали помещичьи имения, не оставляя от них и следа. Так, например, протоколы следственных органов по Наровчатскому уезду, составленные после разгромов помещичьих имений, почти во всех случаях констатировали: «В усадьбе... каких либо построек в целом или хотя бы в поврежденном виде совершенно нет, а лишь только хорошо заметны следы, показывающие, что в усадьбе хутора существовали постройки, а какие именно: определить на глаз совершенно не представляется возможным».[1]

Такое же положение было и по другим уездам. Дворянин Жуков в протоколе допроса следственным властям Саранского уезда показывал: «Все мое остальное (имение) расхищено, разграблено и увезено и не осталось камня на камне.» (док. № 6).

Основным лозунгом восстания крестьянства Мордовии в октябре м-це 1917 г. был лозунг—«стереть с лица земли клопов-помещиков».[2]

С этим лозунгом крестьяне Мордовии производят массовую порубку леса, захватывают помещичью землю, скот, инвентарь, хлеб, фураж и громят имения помещиков.

Бедняцко-середняцкие массы крестьянства, борясь против помещиков, одновременно боролись и против кулаков. По неполным данным по одному только Саранскому уезду в октябре 1917 г. было 20 выступлений против кулаков. Так же, как и у помещиков, крестьяне у кулаков забирали землю, скот, инвентарь и все имущество.

Приведем несколько из многих примеров. Кулак Юрков В. Д., живший при Больше-Сыропятовском хуторе Ладской волости, сообщал прокурору по Саранскому уезду, что крестьяне дер. Большой Сыропятовки в ночь на 20 октября «поставили вооруженных кольями над хутором человек в 20 караул, обставив мою усадьбу и других 4-х лиц соседей крестьян собственников... и нас никуда не выпустили, чтобы не было нам возможности сообщить властям и послать телеграммы». Сообщая далее, что на другой день все общество приехало и увезло кулацкий хлеб, а их самих предупредили, чтобы «до 1-го числа ноября с. г. с хутора убрались куда глаза глядят», он просил прокурора оградить его

[1] Пенз. обл. арх., ф. губ. и уезд. след. комиссий, д. 540.
[2] Гос. архив МАССР, ф. Саранского УИК-а., д. 10/15, л. 76.

«и соседей от окончательного разорения, какими найдете средствами и возможно поскорее».[1]

Борьбой крестьянства против помещиков и кулаков руководили сельские и волостные исполнительные комитеты, возвратившиеся с фронта солдаты и крестьяне-активисты.

Влияние большевистской партии в Мордовии в значительной мере осуществлялось через возвратившихся с фронта солдат-большевиков и через большевистскую печать. Председатель Б.-Березниковского райпродкома Букин в телеграмме на имя Симбирского губкомиссара Временного правительства от 3/XI—17 г. сообщал: «Граждане Мариополья, Елизаветинска, Петровки в экономии Бельгард самовольно продают скот, имущество. Меры были приняты, но безуспешно. Солдат мало. Солдаты-большевики убеждают население, что правительство арестовано. Его нет».[2]

Трудовые массы крестьянства Мордовии с великой радостью встретили известие о свержении Временного правительства и взятии власти пролетариатом в Петрограде и др. городах и под руководством партии большевиков развернули борьбу за полное уничтожение старых порядков и за организацию советской власти на местах.

1

Прошение землевладельца Борисова на имя Пензенского губернского комиссара Временного правительства, 14 октября 1917 г.[3] *и*[4]

Десятого числа текущего октября, около полдня, крестьяне села Протасова, Лукояновского уезда, Нижегородской губ. соседния по землевладению и территории с помянутым сельцом Грабовою, в коем находится мое имение, нагрянули ко мне в усадьбу скопом в несколько сот человек, причем, участие в таковом нашествии приняли и местные крестьяне сельца Грабовки. И вот все они вместе самочинно сломали у двух амбаров замки и разграбили тысячу пудов ржи, приготовленной мною для отправки в армию, даже в казенных мешках.

Подстрекать к такому и к лишению армии заготовленного мною хлеба приезжали числа 8-го октября из с. Трофимовщины два солдата, не только подстрекали их к такому грабежу, но и обещались дать им хлеба из моих амбаров; говорили, что хлеб нужно весь отобрать от меня; что теперь нет ни судов, ни тюрьмы, что теперь воля народа, который все может сделать и за это никакой ответственности ни кому не

---

[1] Пензен. обл. архив, ф. губ. и уезд. след. комиссий, д. 689.

[2] Куйбышевский обл. архив, ф. Симбирского губкомиссара, д. 21, л. 45.

[3] Пензенский обл. архив Октябрьск. рев., фонд губ. и уездных следственных комиссий, дело 567.

[4] Документы печатаются с сохранением стиля, пунктуации и орфографии подлинников.

будет и с 8-го они все время жили у Грабовского старосты и провокаторствовали.

Одиннадцатого октября в мою усадьбу приехали уже крестьяне села Трофимовщины, тоже несколько сот человек, причем за главнокомандующего этой бандой грабителей были указанные выше два солдата. Ключ от амбара от меня отобрали. Девятьсот пудов ржи, приготовленной также для армии, были взяты и увезены Трофимовскими крестьянами. Мало того, эти последние, под водительством указанных лиц и волостных властей сломали замок у амбара, в котором хранилась оставленная на продовольствие моей семьи и моего скота рожь, в количестве 980 пудов и всю ее, буквально до зерна, свезли в Трофимовщину, оставив меня и весь мой рабочий и домашний иной скот совершенно без хлеба.

После этого разгрома указанный выше фельдфебель подстрекал толпу в оба дни, т. е. 10 и 11, чтобы взять меня и арестовать, или точнеее убить, так как многие кричали «убить его». И если бы не угроза находящихся у меня трех солдат, что они только тогда смогут взять меня, когда сначала их убьют, а до тех пор они будут стрелять всякого, кто будет с насилием лезть в дом, то я наверно был бы взят и убит.

12 октября в Трофимовщину поехал командированный от Саранской уездной Продовольственной Управы прапорщик Николай Александрович, чтобы отобрать награбленный у меня хлеб, но и прапорщик, хотя и сопровождаемый отрядом солдат человек в 25, также ничего сделать не мог, так как руководящий толпою все тот же фельдфебель, так сумел влиять на нее, что, видимо, по составленному заранее плану ударили в набат, на который сбежалось все село и прапорщик едва сам убрался целым сам, рожь же крестьяне на отрез отказались возвратить.

Что же касается крестьян сельца Грабовки, то они категорически заявили мне, что они убьют меня, и за то именно, как я смел заявить на них, что они самозахватно запахали у меня землю, свезли с поля и присвоили мой хлеб и захватили также разбойничьим способом сад. Сегодня, 14 октября я явился к Саранскому Уездному Комиссару и подробно изложил ему весь ужас моего положения и усиливающего анархического настроения, а равно указал и главных виновников и подстрекателей этого анархизма, причем просил его убедительно оказать мне имеющимися у него в распоряжении и предоставленными ему законом средствами—защиту и охрану от грозящей мне и моей семье опасности.

На эту, мою просьбу г. Комиссар дал мне лишь совет: «Теперь такое время, что нужно делать обществу уступки, но, что он не может ничего сделать, так как у него нет в распоряжении военной силы. Да он и не обязан ничего делать относительно хлеба, так как для этого нужно обратиться в продовольственную управу».

И если г. Комиссар считает «ее своим делом» заниматься охраною лиц от разбойничьих погромов толпы, в которой допускается безнаказанно «пробуждать зверя» разным современным провокаторам фельдфебелям, безнаказанно руководить такими погромами председателям волостных управ и волостных продовольственных комитетов, то я покор-

нейше прошу напомнить г. Уездному Комиссару, что именно его обязанность во время пресекать развивающуюся анархию, неизмеримо опасную для свободы и революции; напомнить ему, что если даже закон старого правительства, действующий и поныне, обязывает всякое должностное лицо иметь зеркалом своих поступков и «усердие к общему добру» и «покровительство невинному и скорбящему», то тем более закон революционной свободы и братства налагает большие обязанности пресекать в зародыше всякие анархические действия даже вооруженною силою; напомнить ему, что и по действующему у нас уложению о наказаниях и по неоднократным разъяснениям Временного правительства, такая ссылка на «не мое дело» составляет недопустимое бездействие власти.

Кроме того я покорнейше прошу сделать зависящее распоряжение о немедленном принятии г. уездным комиссаром мер как к возврату мне ограбленного у меня хлеба 980 пудов ржи, оставленного мне управою на содержание семьи и домашнего скота, а равно об отобрании от Грабовских и Протасовских крестьян и скорейшей отправки в армию, уже голодующую, хлеба выграбленного из моих амбаров, так и к охране меня, к устранению от должности руководивших грабежом, или правильнее разбойными нападениями Трофимовских Председателей Управы и Комитета, Трофимовского и Грабовского сельского старосты и преданию их уголовному суду и всех с ними бывших сообщников, в особенности же подстрекателей. И к тому объявленному революциею праву «Неприкосновенности личности, жилища и имущества» я предъявляю требование не на словах, а на деле осуществить по отношению ко мне это право и охранить его всеми к тому способами и подавить проявленные разбойные приемы достойными к тому мерами. О последующем же распоряжении мне объявить и выслать мне разрешение на проезд в Петроград и Москву, для личной жалобы г. г. Министрам и Верховному Временному Правительству на непринятие мер к подавлению развивающейся анархии и об описанном ограблении меня при благосклонному участию г. г. председателей волостной власти.

Октября 14 дня 1917 г. крестьянин землевладелец

Ермолай Борисов.

Саранскому Уездному Комиссару

Препровождается Вам для расследования дела, выяснения виновных на предмет привлечения их к ответственности и ограждения просителя от насилий, чинимых местными гражданами. О последующем прошу меня уведомить. Октября 20 дня 1917 г. № 9081

За Губерн. Комиссара (подпись)

Управляющий делами
Губернского Комиссара (подпись)

2

Заявление землевладельца Борисова на имя судебного следователя Пензенского окружного суда 2-го участка, Саранского уезда, 19-го декабря 1917 года. [1]

11 и 12 октября, текущего года, общество крестьян сельца Грабовки, Саранского уезда, за исключением лишь двух домов, а именно: крестьянина Дементия Метвеевича Иконникова и Лукьяна Петровича Ермакова, и в полном остальных всех крестьян в составе, совместно же с крестьянскими обществами: села Протасова, Протасовской волости, Лукояновского уезда, Нижегородской губ. и села Трофимовщины, Трофимовской волости, Саранского уезда, в полном этих последних обществ в составе, скопом, по предварительному уговору, действуя соединенными силами, вторглись в мою усадьбу при названном сельце Грабовке и самозахватно произвели разграбление из запертых амбаров принадлежащей мне ржи в зерне: Протасовское общество одну тысячу пудов, Трофимовские одну тысячу восемьсот пудов и Грабовские крестьяне — триста пудов, всего три тысячи сто пудов, вызвав этим грабежом необходимость докупать для своего прокормления хлеб у других людей и платить по 25 (двадцати пяти) и по двадцати восьми рублей. А так как в то время цены были несколько дешевле, то я и определяю стоймость причиненного мне убытка этим ограблением по двадцать рублей за пуд, хотя и сам в то время заплатил-бы и предлагал грабителям уплатить, если они возвратят мне ограбленное, по двадцать два рубля за пуд собственного имущества: замки у амбаров были грабителями сломаны.

II.

Кроме сказанного те же крестьяне сельца Грабовки, в составе того же общества и за исключением тех-же, вышепоименованных двух дворов, также скопом, увезли и присвоили принадлежащую мне и мною же сжатую рожь с поля в количестве двухсот телег, с умолотом таковых в две тысячи пудов, по указанной выше стоймости и со стоймостью ржаной соломы минимум по (15) пятнадцати рублей за телегу (телега определена в 100 сто снопов). Хотя самому мне теперь приходится платить по тридцати рублей за сотню, да и управляющий Починковской казенной конюшней покупает по двадцати восьми рублей за сотню. Этот самозахват произведен 3-го августа с. г. и в имении моем при указанном выше сельце Грабовке, Саранского уезда.

III.

Тем же обществом крестьян сельца Грабовки и в том же составе, также скопом, в том-же имении моем при сельце Грабовки, Саранского уезда, в августе месяце сего года, сжали и свезли к себе и присвоили принадлежащий мне и мною сеянный посев овса с тридцати трех деся-

[1] Пензенский обл. архив Октябрьской рев., ф. губ. и уездн. следств. комиссий, дело 567.

тин и десяти погонных сажень, стоющих минимум по двести рублей с десятины, за исключением всех расходов на уборку, возку и молотьбу его, так как с оставшихся у меня семи десятин я намолотил триста пудов овса, продающегося теперь по пятнадцати рублей за пуд, и солома овсяная по три рубля за пуд, каковой с десятины было по (60) шестидесяти пудов.

IV.

С 20 октября с. г. и в последующие за тем дни, в том же моем имении, при сельце Грабовке, тем же обществом крестьян сельца Грабовки, и в том же составе, также скопом, разграбили и все остальное мое имущество, как оставшиеся еще продукты и фураж, так и живой, и мертвый инвентарь и даже сломали и увезли по себе все постройки, при чем было сломано девятнадцать замков, коими были заперты разные с имуществом помещения.

Всего же разграблено у меня указанными грабителями на сумму двести семьдесят тысяч восемнадцать рублей, как подробно указано в особой, при сем прилагаемой описи.

Все перечисленные преступления предусмотрены 269—1 ст. Улож. о наказ.

V.

О том, что крестьяне сельца Грабовки категорически заявили мне о предстоящем разгроме моего имения и о разграблении всего имущества, с угрозой убить меня, я еще 14 октября заявил Саранскому Уездному Комиссару, убедительно ходатайствуя о принятии предупредительных мер и предоставлении мне защиты и охраны и о привлечении к ответственности подстрекателей крестьян к грабежу и погрому. Но уездный Комиссар не только не принял никаких мер к предупреждению грабежа и погрома, но даже и посланных ранее ко мне исправляющим должность у. Комиссара Поляковым солдат, для охраны, снял с охраны, после чего и последовал полный разгром моего имения и имущества. Иначе говоря уездный комиссар не только не исполнил лежащий на нем обязанности предупредить и пресечь готовящегося преступления, но отозвав и бывшую у меня охрану—тем самым способствовал разгрому и разграблению моего имущества, каковые деяния предусмотрены 338,3 ч. 341 и 342 ст. Улож. о наказ.

Да и Пензенский Губернский комиссар, коему я 14-го же октября послал письменное заявление о всем, с подробным указанием на преступное бездействие власти Саранского уездного комиссара, с просьбой о принятии законных мер к предупреждению готовящегося преступления и привлечении виновных к ответственности, точно также не принял должных мер и не привлек виновных к ответственности, чем также совершил преступление, предусмотренное 341 и 15 ст. Улож. о наказ.

Кроме того я представляю гражданский иск, за разграбленную рожь в отдельности с каждого общества. По размеру разграбленного за круговою, т. е. солидарною всех ответственностью, а за остальное имущество с Грабовского общества, тоже за солидарною ответственностью.

19—XII—17 г. Е. Борисов.

3

Заявление землевладельца Федорова на имя Наровчатской уездной продовольственной управы. [1]

1917 года Октября 12 дня крестьяне села Веденяпино в 12 часов дня пришли ко мне в имение и приступили к грабежу, в то время как я еще сам находился в имении и 10 человек драгун. Драгуны хотели остановить грабеж, но старший из них их остановил «сказав, что их отправляли без патрон» В это время грабеж разгорался. Срывали замки, разбивали двери и все тащили. Видя бездействие драгун я решился покинуть имение и выехать, но уже не было ни одной лошади и ни одного экипажа, так что я из имения ушел пешком. Грабеж произведен только кр-нами села Веденяпина.

Перечень крупного разграбленного имущества.

	Стоимость.
42 рабоч. лошади от 3 до 12 лет разной масти	10500 р.
4 лошади кровных из них 3 вороных, одна гнедая 3 лет.	2400 р.
2 сосуна не кровных	200 р.
1 сосун матка гнедая кровная	300 р.
3 коровы	1500 р.
1 телка годовалая	150 р.
1 бычек годовалый	200 р.
1 боров племенный	100 р.
60 уток, 42 индюшки, 60 кур	510 р.
Овса семянного 750 пудов по 8 р.	6000 р.
Ржи 750 пуд. по 4 руб. 53 к.	3770 р.
Семянного картофеля 1500 пуд.	3000 р.
1800 пуд. сена (сеянного)	4500 р.
1000 телег оржанной соломы 10000 пуд.	3600 р.
900 телег овсянной соломы 10800 пуд.	8640 р.
1500 пуд. овсянной половы	2000 р.
8-ми сильная паровая молотильная гарнитура	1200 р.
10 штук новых 4-х лемешных плугов —	1500 р.
7 шт. 2-х лемешных плугов	910 р.
2 шт. однолемешных плугов	110 р.
2 шт. картоф. окучники	40 р.
3 шт. разбросных сеялок	600 р.
1 шт. рядовая сеялка	250 р.
1 шт. косилка для травы	250 р.
8 шт. жнилок из них 3 сноповязалки	3800 р.
6 пар железных борон	360 р.
15 борон с железными зубьями	300 р.
3 грифа оруд. 20 века	255 р.
8 шт. скоропашек фельзара	400 р.

[1] Пензенский обл. архив Октябрьской рев., ф. губ. и уезд. след. комиссий, д. 1024.

50-16

БИБЛИОТЕКА М.Н.И.И.Я.Л.И.Э.

2 шт. конных грабель	150 р.
40 шт. окованных рыдванов	1200 р.
200 шт. новых досок разных	1000 р.
35 раб. хомутов и 20 хомутов крыт. возовых	950 р.
3 шт. ресорных крытых колясок	1200 р.
2 шт. новых сортировки Клеаток, Вараксино.	250 р.
4 шт. парадных новых дрожек	500 р.
1 линейка тройная	200 р.
1 шт. тележка тройная	200 р.
2 шт. ресорных шарабана	500 р.
1 Кожанный возок	300 р.
1 Кожаная повозка откладная	300 р.
6 шт. саней парадных одиночек	800 р.
1 сани беговые	75 р.
20 шт. саней рабочих	400 р.
2 тройки наборной сбруи	400 р.
1 гарнитура дышловая	175 р.
2 тройки не наборной сбруи	300 р.
3 Одиночки (гарнитуры) узда, хомут, шлея, вожжи, седелка, дуга	180 р.
3 хомута только со шлеями	90 р.
Мастерская при ней кузница	800 р.

Опись дома.

2. чайных буфета больших и 2 малых	800 р.
4 шкафа для одежи	300 р
6 кроватей хороших	550 р.
5 кроватей простых железных	125 р.
3 больших обеденных стола	200 р.
2 стенных часов	300 р.
40 шт. стульев столовых зальных и мягких гостиных	400 р.
2 дивана	300 р.
2 простых простеночных зеркала	600 р.
1 пианино	800 р.
1 велосипед	200 р.
1 письменный кабин. больш. стол и 1 мал.	300 р.
4 шт. висячих больших ламп	300 р.
1 стоячая лампа со столиками	
Библиотека	500 р.
Водопровод ванна	300 р.
Кульменное серебро у Овчинника:	
1 поднос серебряный	200 р.
24 столовых ложки	400 р.
24 ложки чайных	300 р.
24 вилки и 24 ножа	500 р.
10 шелковых и бархатных платьев	2000 р.
1 шуба плюшевая с скопусовым воротником	500 р.
1 муфта скопусовая	150 р.

3 костюма мужских (парадных)	600 р.
1 мех беличий	150 р.
1 крытый тулуп	100 р.
5 пар валенок	200 р.
2 пары охотнич. сапог	150 р.
2 черные 2 сыромят. 1 желт. кожи	350 р.
6 шт. медных хороших самоваров	500 р.
6 мешков шпагату	270 р.
1 пуд шерсти	160 р.
Посуда кухоная, медная и некилированая	400 р.
1 сепаратор, 1 маслобойка.	450 р.
14 пуд. мяса	350 р.
25 пуд. яблок антонов. анис	500 р.
2 шкафа с слесарным и плот. инструмен.	500 р.
14 шт. пуховых подушек	300 р.
При хуторе Лайнин	
1 флигерь	1000 р.
1 сарай	300 р.
1 инструм. кузнеца	300 р.
	85120 руб.

Все выше изложенное могу подтвердить свидетельскими показаниями. Покорнейше прошу Наровчатский Уездный Комиссариат немедленно сделать у меня в имении опись оставших целых и разграбленных построек.

М. И. Федоров.

4

Прошение землевладельцев Щелчкова, Малышева и Поповой на имя судебного следователя Пензенского окружного суда по Наровчатско-Краснослободскому уезду, 29-го октября 1917 года и протокол дознания. [1]

В ночь с 15 на 16 октября 1917 года в имении нашем при селе Никольском, Ушивые Буды тож, Казенно-Майданской вол. Наровчатского уезда началось расхищение нашего имущества, была похищена движимость, живой и мертвый инвентарь, поломаны замки, разбиты окна, наконец, разобраны и похищены часть построек, а затем очевидно для скрытия следов преступления постройки подожжены. Хищение продолжалось в течение нескольких дней.

Зачинщиками и главными виновниками преступления являются крестьяне ближайшей к имению деревни Самоволыки, той-же волости и

[1] Пензенский обл. архив Октябрьской рев., фонд губ. и уездных следств. комиссий, д. 69.

уезда: Семен Чашников с детьми, Аниси́м Кочегаров, Фома Кочегаров. Эти лица в вышеупомянутую ночь стали стучаться в помещение экономического старосты крестьянина села Вьюнок Дурасовской волости, Наровчатского уезда Дмитрия Ивановича Костина: в этом же помещении жил член Казенно-Майданской Волостной Продовольственной Управы Борис Степанов Королев, они закричали, что Костин долго не отпирает им двери и начал бить окна, а когда вышел Костин ударили его по голове и причинили тяжелую рану. Вот как было начато преступление продолжавшееся несколько дней. Костин и Королев обознали преступников, так как ночь была лунная, светлая. Сообщая об изложенном просим о производстве установленного законом следствия и о привлечении к суду в качестве обвиняемых вышеупомянутых крестьян дер. Самоволки. Производства следствия желательно для пользы дела в самом скорейшем времени, потому что помимо доказательств виновности названных лиц при производстве обыска у них должно оказаться и много из похищенного имущества нам принадлежащего.

1917 года октября 29 дня.

Землевладельцы Иван Мартынов Щелчков, Иван Иванович Малышев. По доверенности мужа моего Ивана Ивановича Попова — Пелагея Ивановна Попова.

Протокол

1917 года ноября 3-го дня Начальник Милиции 2-го участка Наровчатского уезда Смольский производил дознание по делу разгрома и расхищения хутора Ивана Ивановича Попова, Ивана Мартыновича Щелчкова и Ивана Ивановича Малышева в ночь 15 на 16 октября сего года при селе Будах, причем нижеименованные лица дали следующее объяснение:

1. Член Казенно-Майданской волости Продовольственной Управы Борис Степанович Королев 48 лет объяснил, что он был командирован Продовольственной Управой в начале сентября на хутор при селе Будах для хранения экономического хлеба, который принят был на учет Продовольственной Управой и жил в названной экономии вплоть до разгрома. 15 октября ночью пришла толпа народа, преимущественно происходящая из гр. дер. Самоволевки, вооруженная кто чем попало и начала бить в окнах рамы с криком «выходи». На этот крик он вышел первый, толпа обратилась к нему и потребовала ключи от каретника, за которыми он воротился обратно в помещение, но когда с таковыми вышел, то толпа их не взяла, а оказалось, что замки у каретника были уже поломаны. Особенно выделяющими себя из толпы показали гражданин деревни Самоволевки Семен Чашников под руководством этих зачинщиков толпа начала ломать двери в каретник и начали накладывать на подводы, что попадется под руки, а также начали ломать замок у амбара с мукой и начали насыпать муку; после чего толпа начала спрашивать его где плуга, на что Королев ответил, что не знаю, потому что этим я не заведывал. После чего толпа от него отстала и приступила к амбарам к расхищению разного инвентаря, а он Королев отправился на конюшню, где ему попался одноузник, обратал лошадь и поспешил отправиться в Ка-

зенный Майдан доложить Продовольственной управе о случившемся, а также и участковому Начальнику Милиции, но последний уже был на месте происшествия. На следующий день 16 октября в 7 часов утра он Королев во главе Председателя Продовольственной Управы и членов отправился на расхищенный хутор, где и увидели гр. Чашникова, который разъезжал верхом по экономии с криком ломай и тащи все, после чего он и прочие члены Продовольственной управы пригнали подводы и начали насыпать из экономии уцелевший хлеб—более объяснить ничего по настоящему делу не может, причем добавил, что у него Королева похитили нагольные сапоги, бобриковый чапан и подушку на сумму 200 рублей.

Борис Степанович Королев.

Председатель волостного Исполнительного Комитета Михаил Васильевич Есин 43-х лет объяснил, что 16 октября утром часов в 5-ть он услышал, что член Продовольственной управы Борис Степанович Королев ночью возвратился из экономии, он как председатель волостного комитета заинтересовался этим, почему Королев возвратился ночью, пошел к нему узнать в чем дело, почему именно он пришел ночью, когда взошел в дом Королева он спросил, что за причина, что он пришел ночью, последний ответил, что громят экономию Щелчкова и др., тогда он поспешил в волостное правление, а оттуда к участковому начальнику милиции, но последний был уже там и вторично обещался поехать, что и было им выполнено, он Есин немедля поспешил отправиться на место происшествия на волостных лошадях, приехавши в экономию он увидел, что в деревянном большом дому окна были разбиты, а вошедши во внутрь помещения увидел, что шкафы, столы и стулья были разбиты и даже икона лежала на полу, вышедши из названного дома наружу он Есин увидел, что гр. дер. Самоволевки Семен Чашников разъезжал по экономии верхом, но с какой целью он не знает, при этом Чашников говорил, что убирайте живей из экономии хлеб, но для чего им были сказаны эти слова, ему также неизвестно. Возвратясь из экономии он, Есин, немедленно дал приказание председателю сельского комитета о наряде подвод для привоза оставшего хлеба в распоряжение продовольственного комитета, более объяснить ничего не может.

Михаил Васильевич Есин.

Секретарь Казенно-Майданской волостной продовольственной управы Никонор Григорьевич Ступеньков 27 лет объяснил, что 16 октября в 8 часов утра явился в Продовольственную Управу член таковой Борис Степанов Королев и объяснил, что экономия Щелчкова и др. разграблена, тогда он Ступеньков сообщил о случившемся Председателю Продовольственной управы Ступенькову и совместно с ним и членом Акимовым отправились на место происшествия, на дороге они встретили экономического старосту, который шел из села Буд (Иван Федоров Гусев) Дмитрий Иванов Костин, последний им сообщил, что ночью произошел погром экономии и его избили неизвестно кто деревянной палкой. Захватив и его, они отправились в экономию, по прибытии в экономию он увидел, что окна в большом деревянном доме были выбиты, обстановка в доме была

разрушена, у некоторых амбаров двери были отворены, в сарае, в котором помещались земледельческие орудия, также были двери отворены, во дворе экономии была толпа, преимущественно из граждан дер. Самоволевки, через некоторое время явился гр. той же деревни Семен Чашников, который заявил, что скорее убирайте хлеб, при этом он Чашников говорил, чтобы и мы присоединились к этому разгрому, т. е. Казенно-Майданские граждане, на что он ответил, что присоединиться не желаем, после чего Чашников обратился к председателю Продовольственной Управы Ступенькову и что то с ним начал говорить, но он не слышал и более объяснить ничего не может.

Никонор Григорьевич Ступеньков.

Председатель Казенно-Майданской Волостной Продовольственной Управы Ефим Петрович Ступеньков 43-х лет объяснил тоже самое, что и секретарь Ступеньков и добавил, что Семен Чашников говорил ему в экономии присоединяйтесь к нам, давайте сожжем и разорим это гнездо, на что он Ступеньков ответил что не согласен на такие бесчинные действия (повет) тогда Чашников повернул свою лошадь и поехал к толпе, продолжал говорить ему Степенькову, чтобы скорее убирали хлеб; по всему видно, что Чашников был организатором разгрома экономии, так как толпа подчинялась ему и исполняла его приказания, более объяснить ничего не может.

Ефим Ступеньков.

Экономический староста из граждан села Вьюнок, Дурасовской волости, Дмитрий Иванов Костин 61 года объяснил, во время разгрома в ночь на 16 октября около 12 часов ночи пришла толпа народа из граждан деревни Самолевки в экономию при с. Буд товарищества Ивана Мартыновича Щелчкова, Ивана Ивановича Малышева и Ивана Ивановича Попова и подступила к дому начали бить окна с криком кто есть выходи, в доме находится он со своей женой членом продовольственной управы Борисом Степановичем Королевым, из толпы по адресу его Костина, так как он экономический староста, раздавались крики выходи подставляй свою голову, тогда он поторопился выйти к толпе и начал последних увещевать его не трогать, а что нужно пусть брали, в то время из толпы выделился гр-н из деревни Самоволек Семен Чашников, которого отечество он не знает и нанес ему удар каким-то твердым орудием по голове, после чего он повалился к стене дома, в то время охватил его за грудки гражданин дер. Самоволевки, которого звать Моисей по отечество и фамилия ему неизвестно, но личность запомнить может, в то время послышались из толпы голоса не тронь его, он не виноват, тогда Моисей его отпустил и толпа направилась к экономическим амбарам и конюшням и начала растаскивать все имущество и инвентарь, после чего он поспешил скрыться в село Буды, Казенно-Майданской волости, пришедши в село Буды и зашел в дом гражданина с. Буд Василия Алексеевича Белокурова, который объяснил о случившемся и стал его просить поехать вместе с ним на его лошади в экономию, на что последний согласился, тут-же запрягли лошадь в дроги и отправились на место

происшествия; приехав в названную экономию, где и убедились, что окна в жилом доме были все выбиты у некоторых амбаров замки посшиблены, не успев тщательно осмотреть, как толпа вновь во главе с Семеном Чашниковым, который ехавши верхом на лошади в седле и приближались к экономии, тогда Костин из-за боязни поспешил от толпы скрыться и направиться в Казенный Майдан, где на дороге встретил он едущих в экономию председателя Продовольственной управы вместе с членами и секретарем, которые попросили его поехать вместе с ним в экономию, на что он и согласился, подъехав к экономии, где Чашников руководил толпой, в то время послышался из толпы по адресу его Костина крик, если желаешь жить на свете то уходи, не желаешь, то убьем, откуда он поспешил вновь отправиться в с. Буды, а утром 17 октября поспешил отправиться в г. Наровчат и доложить о случившемся товариществу, более объяснить ничего не сможем постановил: о вышеизложенном записать в настоящий протокол, который и представил г. Судебному Следователю Пензенского Окружного Суда по Наровчатско-Краснослободскому уезду в дополнение к протоколу осмотра от 28 октября сего года за № 84-м.

Начальник Милиции 2 уч. Наровчат. у. (подпись).

5

Прошение землевладельца Штейнман на имя судебного следователя 1-го участка Саранского уезда, 31-го октября 1917 г. [1]

Граждане села Протасова и деревни Николаевки Нижегородской губ. Лукояновского уезда скопом разгромили мой хутор до основания 19 октября с/г. увезли весь хлеб, инвентарь мертвый. Из дома унесли все, что только можно было, как-то: мебель посуду, носильное, постельное и другое белье, теплое верхнее и холодное платье и одежду и др. вещи. Главные грабители дома и хутора были граждане дер. Николаевки. Убытки от погрома 19 октября приблизительно указаны в протоколе местного милиционера. 20, 21, 22 октября продолжался разгром имения гражданами дер. Варваровки и с. Богородского Голицина Пен. губ. Саранского уезда, которыми увезено 1.200 пуд. картофеля, более 1.400 пудов овса, более 1.200 пудов ржи, 600 пудов ржаной муки, ржаной яровой соломы, сена, разгромлен винокуренный завод (мукомольная мельница и все надворные и жилые постройки, подробностей не знаю, так как 22 октября я выехал с хутора под угрозою лишения меня и моих семейных жизни. Варваровскими гражданами кроме того уведено 10 лошадей и 12 голов рогатого скота, 12 свиней, пчелы и многое другое, чего я не могу припомнить, так как я человек больной после

---

[1] Пензенский обл. архив Октябрьск. рев., фонд губ. и уезд. следствен. комиссий, дело 690.

всего пережитого и потому до сих пор не мог заявить Вам о случившемся разгроме. Убыток от погрома и хищения заявлено более 240 тысяч рублей.

В настоящее время я проживаю в заштат. городе Починки Нижегородской губ. Лукоян. уезда, Аптека Гетлин.

31 октября 1917 года

Я. Штейнман.

6

Протоколы допроса помещика Жукова и его приказчика Чистякова по делу разгрома имения первого при с. Салмы, 20-го декабря 1917 г. [1]

Протокол

1917 года декабря 20 дня в своей камере Судебный Следователь Пензенского Окружного Суда 2-го участка Саранского у. собл. ст. 307 и 443 уст. угол. суд. допрашивал нижеименованного в качестве потерпевшего и он показал:

Сергей Петрович Жуков 52 лет, дворянин, Пензенской губ. живу в г. Саранске по Трехсвятской ул. в доме Кубанцевой, православный, под судом не был.

22-го и 23-го октября крестьяне села Салмы разграбили все мое движимое имущество, находящееся на хуторе при с. Салмы, а затем продали и развезли все без исключения постройки. Обстоятельства, предшествовавшие этому событию были следующие:

19-го числа вечером мы узнали, что землевладелец Яков Андреевич Штейман был ограблен крестьянами Протасовской вол. Лукояновского уезда Нижегородской губ. 20-го числа, мы узнали, что был разграблен хутор Юрия Ивановича Юрлова, теми же крестьянами. 21 го октября отовсюду понеслись слухи, что крестьяне Нижегородской губ. имеют намерение ограбить всех находящихся невдалеке от границ. Того же 21-го числа крестьянин дер. Дракиной Андрей Иванов Дергунов сказал мне, что крестьяне с. Салмы имеют намерение разграбить все хутора, находящиеся в черте земли леса Салмы, как-то: хутор наследников Яковлевой, Панова, Мердер, мой и некоторые другие более мелкие. Ночь мы провели в тревоге. Утром 22-го октября мы решили отправить в Саранск наиболее необходимые вещи из платья и белья, что и было исполнено в 12 часов дня. Все утро мы провели за укладкой вещей. Между прочим утром же я продал корову одному крестьянину с. Салмы и получил от него деньги имя его и фамилия Никита Фев-

[1] Пензенск. обл. архив Октябрьск. рев., ф. губ. и уездн. след. комиссий, д. 714.

ралев, он же уверял что Салмы нам бояться нечего и салминские ничего нам не сделают. В первом часу к нам приехала моя сестра Елизавета Петровна на одной лошади в простой телеге и объявила нам, что ее имение разграблено крестьянами дер. Дракиной. Семейство мое состояло в этот момент из больной жены и двух племянниц Нины и Веры Николаевны Томсон, нервы были страшно напряжены. В это время пришла дракинская женщина Авдотья Силетина и сказала нам, что на нас уже идут крестьяне дер. Кадышевки и мы решили уехать с хутора. Оставивши там все как было под управлением приказчика Захара Андреевича Чистякова. Я пошел из дома чтобы распорядиться лошадьми и подходя к своим хуторским постройкам увидел несколько человек в солдатской форме, которые весьма приветливо со мной поздоровались и заявили, что пришли охранять мой хутор от набега нижегородских, оказалось, что это были крестьяне с. Салмы и некоторых я знал лично, имена и фамилии их следующие: Дмитрий Бурмистров, Василий Комиссаров, Константин Коновалов и сын Никиты Февралева имени не знаю. Все они наперерыв начали уверять меня, что они не дадут никому нас в обиду и умрут за нас, но что самое лучшее нам самим уехать с хутора, чтобы не беспокоить Ольгу Николаевну т. е. мою жену, при этом они попросили у меня все мое оружие, чтобы защищать нас и я велел приказчику отдать им все оружие, заключающееся в одной австрийской винтовке, двух берданках и трех дробовиков с 300 патронами, в этот момент подошел к нам крестьянин с. Салмы Захар Федоров Мартынов известный мне много лет и заявил, что он уполномоченный обществом пригласить нас в с. Салму, причем для помещения нам предлагается казенная винная лавка или же барский дом Мердер, а эту ночь он приглашал поместиться у него. Я был расстроган до слез этим приглашением и пошел передать его своим домашним, которые согласились на это. Вскоре подъехали три телеги на которые были положены кое какие вещи, перины и матрацы и мы поехали в Салму, в сопровождении Мартынова. На хуторе остались приказчик и вся прислуга , а охрана поклялась, что все будет в целости. В Салму мы приехали к вечеру и по всему селу нас приглашали к себе на эту ночь, но мы поместились у Захара Мартынова. В течение всего вечера приходили знакомые крестьяне и разговаривали весьма дружелюбно, и между прочим сельский староста Майоров попросил у меня записку к приказчику относительно отпуска им хлеба по твердой цене, причем мне оставляли 200 пудов, записку я ему дал, т. к. временами в этом разговоре сквозил намек, что за целость хлеба он не ручается. Во время наших разговоров выяснилось следующее: в 11-часов дня в Салму прискакал посланный от управляющего хутором Яковлевой Николая Алексеевича Барабанова и объявил крестьянам, чтобы они ехали на хутор и брали бы хлеб, так как иначе он может достаться Нижегородским. Тут же ударил в набат и поехали туда, а та охрана которая пришла ко мне побывала на хуторе Яковлевой и у Панова и везде взяла оружие под предлогом охраны. В этот же вечер выяснилось, что хутор Яковлевой уже начали грабить крестьяне с. Салмы и у меня зародилось сомнение в искренности намерений крестьян. Рано утром наш хозяин с сокрушением сказал мне, что лучше нам уехать в

Саранск, так как за ночь настроение крестьян резко изменилось к худшему и моему хутору угрожает опасность быть разгромленым, мы решили что все поедут в Саранск а я на хутор, где должен был взять верховую лошадь и догнать своих, так и было сделано: все мои поехали в Саранск, а я с Захаром Мартыновым ко мне на хутор. Не доезжая полверсты я уже увидал, что грабеж начался и решил не ехать туда, а только заехать к Панову. Его я нашел на его хуторе вооруженным и совершенно одного и на все мои убеждения уехать он отказался. Тогда я решил не заезжая на свой хутор, ехать в Саранск, но Захар Мартынов отказался везти меня и я ушел пешком. Больше на своем хуторе я не был и дальнейшие мои показания будут со слов свидетелей. Панов рассказал мне, что вскоре после моего ухода, приехали драгуны и грабеж временно был приостановлен; драгуны отпускали хлеб по записи и взяли со старосты Майорова расписку. 25-го октября в Саранск приехал мой приказчик Чистяков и рассказал, что охрана начала грабеж ночью, один из них съездил верхом в Салму и пригнал оттуда 6 подвод, которые были нагружены и направлены в Салму. Самого его в 2 часа ночи они попросили уйти с хутора на том основании, что ему уже больше нечего делать там, он ушел и жил два дня в Еремееве в 3-х верстах от хутора. В это время несмотря на прибывание на хуторе Панова драгун, имущество на моем хуторе понемногу расхищалось. 26-го октября я получил от комиссара записку драгунскому патрулю, что мне не возбраняется продавать постройки, а на другой день мой приказчик поехал туда и начал продавать их. В это самое время драгуны были сняты. Салминские крестьяне вновь нахлынули на хутор, прогнали всех покупателей, и начали с торгов продавать все постройки и в настоящее время от моего хутора остался только сад, который по немногу рубится. Все мое остальное расхищено, разграблено и увезено и не осталось камня на камне. Опись и стоймость всего по существующим ценам на продукты и материалы всякого рода при сем представляю. Свидетели всего этого: 1) Захар Андреевич Чистяков дер. Потбалка Симбуховской вол., Лукояновского уезда, Нижегородской губ. 2) Герасим Семенович Черняев с. Еремеево, Саранского уезда, 3) Нина Николаевна и Вера Николаевна Томсон. 4) Алексей Дмитриевич и Татьяна Евгеньевна Пановы, Трехсвятская ул. дом Кубанцева. Более показать ничего не имею, показания написал собственноручно. Сергей Петрович Жуков. Вр. И. д. Судебного Следователя (подпись).

Протокол

1917 года декабря 20 дня в своей камере Судебный следователь Пензенского Окружного Суда 1-го участка Саранского уезда собл. ст. 443 уст. угол. суд. допрашивал нижеименованного в качестве свидетеля и он показал:

Захар Андреевич Чистяков крестьянин дер. Потболовки Лукояновского уезда Нижегородской губ. где и живу православный, под судом не был грамотный, по делу посторонний.

Я в течение 20 лет служил приказчиком в имении Сергея Петрови-

ча Жукова при селе Салмы. 22-го октября 1917 года Сергей Петрович Жуков решил отправить некоторые необходимые самые вещи в Саранск, так как жить на хуторе стало не безопасно ввиду разных слухов о разграбленных хуторах и отправили их на 2-х подводах в 9 часов утра. Около обеда приехала Елизавета Петровна Жукова и сказала, что крестьяне д. Дракино разграбили, в это время пришла одна крестьянка и сообщила... что крестьяне д. Кадышевки идут грабить наш хутор. Не прошло после этого полчаса как прибежал наш пастух военнопленный Шомубем и сказал, что на Шуваловской хутор расположенный в 2-х верстах от нашего хутора бежит народ из Салмы пешком и на лошадях, тогда я пошел за сад и видел, что к нашему хутору гонят 2 подводы, я подумал, что это бегут служащие с Шуваловского хутора, тогда я их подождал и увидал, что сидят 8 человек в солдатской форме, оказалось что я из них многих знаю, а потом узнал и всех, это были следующие крестьяне с. Салмы: Дмитрий Бурмистров, Василий Комиссаров, Парфирий Февралев, они все поздоровались со мной я их спросил, что им надо, они мне на это сказали, что в Салме услыхали, что наш хутор идут грабить Нижегородская чернь. Тогда они мне сказали, что их послало О-во защищать нас и тут же они меня спросили сколько у нас есть оружия, я им сказал, что есть три винтовки и три дробовика, они поехали вперед меня на хутор, а я пошел пешком через сад. Между тем у них было уже три ружья. Когда я дошел до дому, то они были уже вооружены и тут я услыхал, что они уговаривают Сергея Петровича ехать к ним в Салму, чтобы не беспокоить нашу больную барыню, а сами остаются охранять наш хутор. Тогда Сергей Петрович согласился уехать в Салму и Сергей Петрович сказал мне, чтобы я охрану кормил, ничего не жалея. В 5 часов вечера я увидал, что приехали еще две подводы и отправили лошадей. Затем в 10 часов вечера все приехавшие грабители стали похищать вещи из дому тогда я им сказал, что же это вы делаете, в это время под'ехали еще 4 подводы, один из грабителей заявил мне, что уже здесь больше не хозяин и что сейчас придет вся Салма, которая будет хозяйничать, при этом он добавил, чтобы я уходил с хутора, в противном случае меня могут убить. Я ушел в село Еремеево в час или 2 ночи. 24-го я пошел посмотреть, что осталось от нашего хутора и нашел там полный разгром. Салминских людей было очень много, но меня никто не тронул, все были заняты разгромом и тащили последнюю сбрую и хлеб. Потом мне удалось выяснить как они поступят с постройками, они при сельском старосте сказали мне, что мы заявим комиссару, что мы от постройки отказываемся и как хочет комиссар так он сам и хранит, я после этого поехал в Саранск и передал их слова Сергею Петровичу. Тогда Сергей Петрович достал от комиссара разрешение на продажу построек и соломы, и я с этим разрешением поехал назад на хутор для продажи построек и было мною продано скотный двор, людская и баня крестьянам с. Еремеева, задатки я брал маленькие на условиях если постройки сожгут или разграбят я задатки возвращаю. Ночевать я уехал в Еремеево, там в Еремееве мне заявили, чтобы я на хутор больше не ехал, а иначе меня там убьют салминские крестьяне. Я переночевал в Еремееве и сильно за-

болел, тогда я послал за себя нашего садовника Василия Семеновича Черняева. Когда приехали на хутор Еремеевские крестьяне за купленными зданиями и видят, что едут салминские, они ничего не взяли уехали обратно. Я им задаток возвратил назад, а садовника салминские побили и он от них убежал.

Больше я на хуторе не был. Грабители разграбили и унесли с хутора Сергея Петровича Жукова нижеследующие вещи и постройки: мельничные амбары, кухню, амбары, каретный сарай, 2 людских избы, конюшню, подвал, дом, избу для машиниста, баню, 2 погреба, скотный двор, молотильный сарай, масленную. В доме кровать, шкафчик, стол, умывальник туалет, кушетка, гардироп, конторка с 10 язиками, рояль, машина швейная, этажерка, 4 кресла, диван, зеркало, стекл. шкаф; стол красного дерева, ширма, буфет, дюжина стульев, еще кровать, шкаф красного дерева, столовая чайная посуда, токарный станок с инструментами, стол, книги, лыжи, заячье одеяло, луку 10 пудов, диван; 2 кровати, 3 стола, камод, ширма, умывальник, меду 2 пуда, 50 банок, всякая сухая провизия, лавки, стол, плита, сепаратор, посуда, 3 кровати, 2 стола, 3 табуретки, 20 полотенец, 2 самовара, маслобойка, 300 пустых бутылок, веревок 2 пуда, слесарный инструмент, 4 черных кожи, проволоки 6 пудов, ремень молотильный, 3 пуда шерсти, запасные вещи к машинам, семь кошм, яблоков картофелю 600 пуд. капусты 100 ведер, разных корений 30 мер, свежей капусты 100 вилков, цветной брюсельской капусты, кормовой свеклы 100 пудов, керосину—11 пудов, олинафту—1 пуд, огурцов—15 мер, морс—30 бут., фасоли—6 пудов, мяса—1½ пуда, весы с гирями, 2 простых бороны, соломорезка, соха, 4 хомута упряжных, 2 пропашника, 2 рыхлителя, 2 пружинных бороны, 10 седелок, 18 крытых хомута, 5 пуд. каната, 10 дуг, 3 пары выездных вожжей, выездная сбруя на пару и одиночку, 2 весов с гирями, кузницу на полном ходу, с запасом меди, железа, стали, чугуна, 15 кадушек, 3 нефт. бочки, 2 лейки, 2 вод. бочки, седло серебрянное, седло каваллерийское, 21 ведро, 9 боченков, пожарная труба, 6 мотыг, 10 топоров, 12 жел. лопат, шарабан, 5 уздечек верховых, фура 4-х конная, 3 запашника, санки городские, молотилка, зиг-заг борона, 2 тяж. бороны, 10 тачек, плуг, 6 дрог, борона дробилка, столярный верстак, 5 развальных, дубовых досок—3 шт лес, в бревнах, 3 чана, тесу—100 шт. две колоды, жнейка, сеноповязка, дров 7 кубов, 2 берданки винтовка, 3 ружья дробовых, 300 патронов, водоварка, котел в бане, котел в людской 20 ведер, медный луженый кипятильник с двойным дном на 7 ведер, 12 ульев с пчелами, 12 пуд. меду, 9 пустых ульев, лавки, стол, посуда, принадлежности пчеловодства, 1 пуд. вощины, 1 лошадь чистокровная, 3 коровы, 2 телки, 3 гуся, 40 уток, 100 кур; 45 индюшек, 1200 пуд. ржи, овса 35 пуд. семя конон. 15 пудов, проса—15 пуд. сена—500 п. новой соломы и мякины с 50 дес. прошлогодней соломы 12 сажень по 1000 п. в каждой, 12 замков, 6 кинжалов, 3 топора, 10 овчин, 15 вил, чугун, печка, 3 п. шпагату, 8 коз, 120 мешков; труба чугун. 9 арш., 2 жел. котла, однолемешный плуг, сабля, весы садовые, 3 опойки, 2 торпища, 2 пилы. Все эти вещи и вообще имущество я очень хорошо знаю и помню, так как оно всегда было у меня

на руках и оцениваю все это имущество приблизительно 70000 руб. Более ничего показать не могу показание мне прочитано. Захар Андреевич Чистяков.

В. и. д. Судебного следователя 1-го уч. Саранск. у. (подпись).

7

Заявление опекуна помещицы Мердер Солнцева в Саранский уездный революционный штаб, 1-го ноября 1917 г. [1]

Находящийся во вверенном мне имении хутор при с. Салме был разграблен 23 и 24 октября с/г. Безобразовским обществом крестьян с. Салмы (в полном составе всего общества). О начавшемся грабеже мною было сообщено 23 октября г. Саранскому Комиссару, с ходатайством о принятии немедленных мер к отобранию имущества и спасению от полного разгрома.

Ввиду того обстоятельства, что со стороны г-на уездного Комиссара, ввиду массового погрома имений и отсутствия в наличности вооруженных сил, до сего времени не было принято никаких надлежащих мер к спасению имущества, я имею честь покорнейше просить Революционный штаб сделать немедленное распоряжение об отобрании от Безобразовского общества всего имущества занятого незаконным, насильственным путем, тем более стоймость этого имущества равняется по самому скромному подсчету не менее 75000 руб. не считая построек.

Было увезено ржи и муки 1.500 пудов, овса 200 пуд., картофеля 300 мер. Уведено скота: лошадей один племенной заводской жеребец и 5 племенных маток; рогатого скота один племенный бык и 5 племенных маток, свиней 3 головы, племенных рабочих лошадей 22 голов заводской породы, одна корова, 5 телков, и 7 штук свиней (птица была вся порезана на хуторе же).

Также отобран весь сельскохозяйственный инвентарь: локомобили, молотильная машина, зерносушилка, 3 жнейки, 4 сеялки (14 плугов, 6 борон «ЗИГ—ЗАГ» 1 сортировка, 1 ветрогон веялки десятичные весы, обыкновенные сохи бороны, телеги, конные грабли и все, что касается хозяйственного инвентаря. Взяты все экипажи: карета, возок, линейки, двое дрожек, 3-е саней, взята вся мебель из дома на хуторе и все находившееся в нем имущество. Взят весь корм для скота до 600 возов ржаной и овсяной соломы.

Опись всего находившегося в имении имущества находится у меня, а также инвентарная и хлебная книга. Все имущество хорошо известно служившему на хуторе по день разгрома экономическому старосте Василию Никоноровичу Мадахову, проживающему в селе Салме, кроме сего

---

[1] Пензенск. обл. арх. Октябрьск. рев., ф. губ. и уездн. след. ком., д. 666.

прошу оградить от расхищения постройки опустевшего хутора и мельницы при нем, так как стоимость таковых составляет очень значительную сумму.

1917 года ноября 1-го дня Опекун над имениями Мердер Вячеслав Васильевич Солнец. Весь хлеб прошу передать в Саранский Продовольственный Комитет.

Опекун Солнцев

8

Заявление землевладельца Рыкова в Саранский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. [1]

В селе Пятине я имею собственность: земельный участок в количестве 11 десятин с усадьбой и садом, каменный дом с надворной постройкой и кроме сего водяную 2-х поставную мукомольную мельницу, с садом в общем владении с товарищем Семеном Ивановым Новиковым, на каковом и вел свое вобразное сельское хозяйство, при чем при доме вел торговлю мелочных, бакалейных, мануфактурных и хлебных товаров из мелочной лавки.

26 числа сего октября в 9 час. утра ко мне в дом заявилась партия крестьян из села Пятины и соседних деревень: Лыковщины, Дмитриевки и Александровки, почти поголовной артелью всего населения всех возрастов и обоего пола и настоятельно требовали от меня оставить дом лавку и все мое имущество и взять всю семью, состоящую из жены и четырех малолетних детей и выйти вон, куда хочешь, не беря ничего из имущества, товара, овощных, хлебных и мануфактурных запасов, при этом я во избежание насилия, и избиения с семьей был вынужден оставить все имущество и товар, ушел из дома взяв лишь по ихнему согласию на мою просьбу постель для детей, две лошади и корову и уехал в город Саранск, при чем еще при мне вся артель бросилась расхищать добро и брали кому что попало под руку, разграбив прежде лавку; потом коснулись дома, палатки, погреба, и амбара, все терзая кому как надо, растащили по домам, кроме того сломали часть постройки и городьбу сада и развезли запас дров, сняв и бревна, при грабеже не стеснялись даже и с иконами, разбивали на них стекла, осматривая ризы на них, тоже растащили по домам. Опись разграбленного имущества и товаров при сем представляю с оценкою такового по действительной стоимости.

Вследствие чего и имею честь покорнейше просить общее соединенное собрание расследовать настоящий погромный случай на месте и произвести обыск расхищенных у меня вещей у жителей сказанных селений, по возможности в скорейшем времени, дабы застать их на местах, не допуская распродажи, каковые отобрать и передать мне, а оставшийся мой дом с надворными постройками не дать дальнейшему

[1] Пензенский обл. архив., фонд губ. и уезд. следствен. комиссий, дело 688.

расхищению, виновных в расхищении моего имущества прошу привлечь к ответственности вашим судом по закону заявленного.

Дмитрий Иванов Рыков.

9

Прошение землевладельцев Шпеер на имя прокурора Пензенского окружного суда, 4-го ноября 1917 года. [1]

26 октября сего года наше имение разграблено и частью постройки в нем сожжены крестьянами села Н. Троицкого и дер. Н. Верченки. По словам управляющего Степана Евгеньевича Иванова разгром начался с того, что 24-го октября явились к нему в экономию крестьяне Н. Троицкие и Н. Верченские и запретили ему продавать солому, объявив их собственностью и потребовав 140 руб. денег вырученных от продажи ее. Под угрозой насилия Иванов выдал им 140 руб. и они в 2 дня 24-го и 25-го октября увезли с гумна 600 возов ржаной соломы, весом более 15000 пудов и 3000 п. овсяной, не уплатив ни копейки, чем и причинили нам убытку, считая по 10 р. за воз ржаной соломы и по 17 р. воз яровой всего на 8040 р. Когда был увезен с гумна последний воз соломы, приехавшие на подводах грабители, мужики и бабы, которых было не менее 1000 человек, разделили и угнали с конного двора 20 заводских лошадей, разного возраста и пола (конный завод утвержден главным управлением государ. Коннозаводов) стоящих по меньшей мере 10000 руб. Разделили также 11 племенных с аттестатами коров и телиц (¾ крови симменталов и бестужев), стоящих 5500 рубл., 5—свиней 10 месячного возраста йоркширской породы, стоящих 1½ тысячи руб., утки и куры были также увезены грабителями. Дом мой в 12 комнат, стоящей 15000 руб. после ограбления всей обстановки, мебель, сундуков с платьями, бельем, мехами, сахаром, песком и рафинадом 15 пудов, пшеничной муки, библиотеки в 1000 томов, разных запасных частей к жнейкам, сноповязалкам, и паровой молотилки и других запасов, которые в нашем хозяйстве, расположенном в 35 верстах от г. Саранска и в 35 от ближайшей станции ж. д. Рузаевка, всегда держались в большом количестве (граждане грабители сожгли дом во славу Революции и, выгнав управляющего имением, стали расхищать три жилых флигеля: управляющего, контору с жильем для конторщика, людскую рабочую избу с помещением для старосты. От расхищения домашней обстановки и запасов в дому находившихся мы потерпели убытку 25000 руб., так как оттуда нами вывезены были только 4 кровати и летние платья, все же остальное имущество скоплявшееся в течение 40 летней жизни нашей в имении разграблено. Оставшийся в амбарах наших

---

[1] Пензенск. обл. арх. Октябрьск. рев., ф. губ. и уездн. след. ком., д. 197.

хлеб ржаной в количестве 1500 пуд. и 700 мер овса, несмотря на то, что он был сдан на учет Н. Троицкому Продовольственному Комитету и ключ от амбара находился у комитета, как слышно тоже разграблено, так как говорят все 4 амбара по 30 аршин каждый также разобран по бревнам и увезены. Баня сожжена и сожжена кузница со всеми инструментами. От расхищения 3-х жилых флигелей, бани и кузницы мы терпим убытку—5000 руб. Если же расхищен оставшийся в амбарах хлеб, то от него убыток наш выразится в сумме—за рожь—7290 р. и за 500 пуд. овса—2250 р., а всего за хлеб 9540 р. Разобрано и увезены 4 амбарных связи по 30 арш. каждая крытые железом стоящие—6000 руб. Разобраны и увезены 3 конюшни по 43 арш. длины и 15 арш. ширины, дубовые крытые железом, каждая по 4000 руб. 12000 руб. Разобрана и увезена скотная изба с паровым картофель-запарником и железным на 150 ведер котлом для согревания воды телятам и дойным коровам, крытые железом дл. 27 арш. шириной—8 арш. стоящие с принадлежностями 4500 руб., разобрана и увезена конюшня на 6 стойлов для выездных лошадей в одной связи с каретным сараем дл. 25 арш. шир.—12 арш. крытые железом—3500 р. ценностью. Разобран и увезен молотильный сарай 60 арш. длины и 18 арш. ширины с полом в 2 вершка толщиной крытые железом стоящий вместе с кирпичным пристроем для паровой машины и парового котла 8500 руб., паровая горизонтальная машина 6 сил с арматурой и паровым котлом и паровой молотилкой 6 сил только 2 года работавшей стоящей 5000 руб. также увезено. Увезено 2 сортировки и ветрогон стоящие 230 руб., сушилка для сушки хлеба на колесах системы Растрыгина—350 р., соломорезка—Бенталя с конным к ней приводом, работавшая только 1 год и стоящая 400 руб., также увезены 3 жнейки, сноповязалки и 8 пуд. американского шпагата к ним, стоящие 1700 руб.—3—жатки и 1—сенокосилка стоящие 665 р., увезены 5 рядовых сеялок—1000 руб. 5 пружинных культиваторов—250 р., 6 двух-корпусных—240 руб. и 2 однокорпусных плугов—58 руб., увезены 7 борон «Зиг-заг», 3-х членных тяжелых 2 дисковых бороны, «Ранделя»,—стоящих 510 руб., увезены садовый инвентарь: 10 железных лопат, 12 жел. мотыг, 2—ручных пропашника, ручная сеялка, садовые ножницы для газона, 3 сакатора, алмаз для вставки стекол, 36 парниковых рам, 10 фонарей на парники, 30 ульев Дадана с пчелами, все это стоящие 1730 руб., увезено и поломано изба для пчел, — стоящая 70 руб. Увезены картофельные и яблочные подвалы, оба дубового леса, каждый на 5000 пудов продуктов, увезены, цена им 1200 руб., лес строевой также стали рубить, его всего 30 десятин оценены 1000 руб. десятина. Сколько вырубили неизвестно будет сообщено дополнительно. Прошу виновных Н. Троицких и Н. Верченских крестьян привлечь к ответственности и с них взыскать все мои убытки, при несостоятельности же их отнести все убытки на счет казны.

Землевладелец Инсарского уезда Николай Николаевич Шпеер Землевладелица Инсарского уезда Анастасия Павловна Шпеер.

4 ноября 1917 г.

10

Прошение землевладельца Левочкина на имя прокурора Пензенского окружного суда, 20 ноября 1917 г. [1]

Я имею рядом с хутором землевладелицы Сатиной Натальи Николаевны при селе Старой Акшине, Инсарского уезда, участок земли с разными жилыми постройками и полным сельским хозяйством. В окружных со мной экономиях стали происходить грабежи и меня в этом предупредили, что крестьяне с. Ст. Акшина делают угрозу разграбить мое имущество и даже меня убить. Из боязни погромов я решил за полцены продавать скотину, конечно от продажи потерпел убытку более 1000 рубл. Получив достоверное известие, что меня хотят грабить, я нарочно пригласил к себе ночить крестьянина с. Ст. Акшина Федора Федоровича Луконина, который мог бы для меня быть свидетелем. Решили в случае кто придет не выходить из избы, из боязни как бы не убили кого, и вот на 31 октября ночью приехали вооруженные с кольями крестьяне с. Ст. Акшина, из которых я мог лишь узнать как первого погромщика Константина Новичкова и др. которых я не узнал. Первым долгом стали взламывать дверь амбара, из страха я убежал. Возвратясь домой, имущество было разграблено, а именно: ржаной муки — 100 п. ржи — 50 мер, из амбара на сумму 2000 руб. плуг на 3-х колесах Якорь Берлинской фирмы — 200 руб. 2—оральных хомута — 50 руб. 2 хомута езжалых — 50 руб. 25 ф. черной шерсти — 150 руб., 14 кур — 45 р., разного плотничного инструмента на 100 руб. 4 американских косы— 100 руб. санки проезжие, трое кресел и одни дровни сани — 150 руб. кадушка с железными обручами — 20 руб. 2 омета ржаной соломы — 50 телег ст. 1000 руб. последние грабили при мне, но я не выходил к ним, а только опознал из крестьян накладывавших солому кр. дер. Бугро-Ключей Н. Акшинской волости Гаврила Бузунова, а остальных не узнал. Все это не безизвестно Федору Луконину и таким путем мне предъявили от разграбления вышеупомянутыми крестьянами убытку на сумму 5465 руб. Объяснив об изложенном, я прошу Вас господин Прокурор поручить расследовать настоящее дело, отобрать мое имущество от вышеназванных крестьян и передать мне, а виновных привлечь к законной ответственности, при этом присовокупляю, что мой плуг находится зарытым в соломе в селе Ст. Акшине у Якова Усжалкина, а лошадь в этом же селе у Федора Вихляева. После такого разграбления, я был вынужден продать последние свои постройки с хутора и итти на родину в с. Сиалеевскую Пятину и жить на квартире.

1917 года ноября 20 дня

Василий Иванович Левочкин.

---

[1] Пензенск. обл. арх. Октябр. рев., ф. губ. и уездн. следств. ком., д. 202.

11

Заявление землевладельца Беликова на имя прокурора Пензенского окружного суда, 30-го октября 1917 г. [1]

28-го сего октября в 7 часов утра толпа крестьян села Старого Акшина Инсарского уезда, Ново-Акшинской волости и крестьян села Лемдяй того же уезда Ново-Троицкой волости напала на имения жены моей, находящееся при с. Старом Акшине. Во время этого нападения было разграблено все имущество, увезен скот, расхищен весь хлеб и сельско-хозяйственный инвентарь. После расхищения имущества толпа сожгла дом.

Были ли сожжены остальные постройки я в настоящее время сказать не могу, так как получил предостережение, что крестьяне хотят убить нас, я и жена бежали из имения.

Прошу Вашего содействия для расследования изложенного и отобрания похищенного.

В. И. Беликов.

30 октября 1917 г.

12

Прошение доверенного землевладельца Габбе Осипова Инсарскому революционному штабу, 19-го ноября 1917 года. [2]

26-го октября 1917 года гражданами села Мельцан разгромлено имение моего доверителя Габбе, при с. Мельцанах и в то же время гражданами с. Шигонь разграблен и сожжен принадлежащий моему доверителю хутор, находящийся в 4-х верстах от усадьбы.

В усадьбе, где находился дом владельца, службы, конюшня, скотные дворы и амбар, разграбление началось в 11 часов утра 26-го октября, причем участвовали исключительно граждане с. Мельцан, которые прежде всего разграбили обстановку дома, посуду, белье, одежду и все заготовки, затем развели по себе 18 голов рогатого скота, 10 телят, 68 заводских рысистых и тяжеловозных лошадей, 12 жеребят, 6 жеребцов, 2—маток, 3—свиньи с 22 поросятами; развезли по себе корма и затем при участии сельского комитета распределили по себе около 6000 пудов ржи и муки, 150 п. проса, 800 пуд. семя конопляного, мяса около 80 пуд., коровьего масла около 12 пуд., конопляного до 40 пуд., керосин, соль, др. заготовки и весь сельскохозяйственный инвентарь. На хуторе расхищено

---

[1] Пензенский обл. архив Октябрьской рев., фонд губ. и уезд. следств. комиссий, дело 196.

[2] Пенз. обл. арх. Октябр. рев., ф. губ. и уездн. след. ком., д. 198.

до 40 лошадей, в том числе 27 чужих, до 40 голов свиней с поросятами, около 300 возов сена, около 400 возов соломы и пудов до 300 разного хлеба. Там же на хуторе расхищено около 300 голов птицы, выкорчеван 20 летнего возраста плодовый сад, разобраны постройки и частью уничтожены огнем. Во время разгрома моего доверителя имущества доверитель мой вынужден был бежать из имения только в чем был одет, не имея при себе ничего необходимого для себя и его семьи. Причины к такому варварскому нападению ничем другим объяснить нельзя, как полнейшим невежеством и дикостью граждан, которые подстрекнуты врагами порядка совершили бессознательно свой поступок. Личные отношения владельца, а равно и отношение дел экономии, никогда не являлись нарушителями ни материальных, ни нравственных интересов граждан соседей. Во всех случаях доверитель мой шел навстречу желаниям граждан поскольку это не противоречило постановлениям местных организаций. Представляя изложенное на благовозрение Инсарского Революционного Штаба, как единственного защитника законных личных и имущественных прав гарждданина, имею честь покорнейше просить об отобрании имущества моего доверителя Габбе от граждан с. с. Мельцан и Шигонь и если возможно в первую очередь конный завод и прочий скот, который может быть легко растрачен путем продажи и убоя, а затем уже и все похищенное имущество, хлеб изъять от граждан и было бы желательно сдать на один из ссыпных пунктов продовольственного комитета по усмотрению штаба.

Ввиду того, что при отобрании имущества ни мой доверитель, ни я, Осипов, быть лично не можем, первый вследствие расстроенного здоровья, а последний по семейным обстоятельствам, я прошу Инсарский Революционный Штаб назначить одного из членов Штаба заведывать, на время отобрания имущества, хозяйственной частью и распоряжениями по перевозке и отправке отобранного имущества ко мне в Саранск, кроме сельско-хозяйственного инвентаря. Командированное лицо должно быть снабжено удостоверением Штаба и его инструкциями, вести записи расхода и прихода во время его пребывания в имении и сноситься со мной и получать от меня и моего доверителя деньги на расходы. При этом заявляю, что в случае надобности уполномоченный Штаба может пригласить в помощь себе из бывших моих служащих по имению граждан села Мельцан Ивана Васильевича Утина, Ивана Андреевича Демидова, Михаила Павловича Тимошкина и Петра Николаевича Черняева. В принятом решении по настоящему ходатайству Инсар. Революц. Штабом прошу не отказать меня уведомить.

Ноября 19 дня 1917 г.

Действующий по доверенности Габбе его управляющий гражданин Д. Осипов.

Адрес Габбе. Саранск, Рождественская, дом № 33.

13

Жалоба доверенного землевладельца Столыпина Тильца прокурору Пензенского окружного суда, 20-ноября 1917 года. [1]

У моего доверителя Столыпина при с. Пушкине Инсарского уезда имеется имение количеством около 3500 дес. земли.

Означенное имение состоит из Центральной экономии и пяти хуторов с полным оборудованием, живым и мертвым инвентарем, постройками, конным заводом, племенным скотом и т. п., а также около 600 дес. лесу.

Соседние крестьяне в течение лета и текущей осени все время тем или иным образом производили частичные расхищения имения: рубили лес, расхищали некоторую движимость, производили потравы и т. п. На все эти действия экономия приносила жалобы Комиссару, который и составлял протоколы. Дальнейшего движения этим протоколам я не давал, не желая возбуждать крестьян.

Проводимая мною политика однако очевидно ни к чему не привела. 29 октября в Центральную экономию явилась толпа крестьян из с. Шушкина, Нечаева дер. Высокое, с. Старо-Корсаковского Майдана, Маслово и др. и начали громить имение, разрушать постройки, расхищать хлеб, корма, живой и мертвый инвентарь, овец, заводских лошадей, племенной скот, птицу, свиней, образцовую пасеку и всю движимость, уничтожать конторские книги, словом все, что попадалось по пути. Затем погром перенесен был и на все хутора. В течение 3-х дней разгромлено и разграблено все имение. Остались только некоторые постройки, да те без окон, дверей, полов, потолков, а остальные постройки ими увезены или сожжены.

Поставляя вас, г. Прокурор, о выше изложенном в известность, прошу по расследовании дела привлечь виновных к ответственности по 269—1 ст. Улож. о Наказ.

Впоследствии предполагается предъявить иск об убытках, когда представится возможность их выяснить.

Прилагаю копию доверенности.

1917 года, ноября 20 дня

По доверенности Н. И. Столыпина И. Д. Тильца.

14

Прошение землевладельцев Ковториных на имя прокурора Пензенского окружного суда, 8 ноября 1917 г. [2]

30 октября 1917 года крестьянами деревни Хованщины, дер. Аксеновки, д. Гористовой и д. Ушлейки, Инсарского уезда, произведен разг-

---

[1] Пензенск. обл. арх. Октябрьск. рев., ф. губ. и уездн. след. ком., д. 262.
[2] Пензенский обл. архив, фонд губ. и уездн. следств. ком., дело 254.

ром принадлежащего нам имения, находящегося при дер. Хаванщине, Потижско-Слободской волости, Инсарского уезда, расхищено и увезено ржи 1000 п., 20 п. муки, 10 п. пшена, 485 п. овса, ржаной соломы 5000 п., яровой соломы—350 п., сена 200 п., 6 кадушек капусты, соленого мяса—5 пудов, домашняя обстановка, разная посуда, одежда, весь сельско-хоз. инвентарь, скот, птица, конская сбруя, и пр. движимость. Сожжено умышленно: сарай для инвентаря, амбар и погребица под одной связью, сломаны и развезены следующие постройки: большой амбар, маленький амбар, жилой дом, скотный сарай, молотильный сарай, баня и половина оставшегося старого скотного сарая.

На основании изложенного покорнейше просим Вас, Господин Прокурор, поручить произвести о вышеизложенном следствие и виновных привлечь к уголовной ответственности со взысканием с них убытков нам причиненных. При этом присовокупляем, что крестьянами села Латышовки и с. Потижской Слободы Инсарского уезда из числа 1000 пудов ржи удалось спасти приблизительно около 400 пудов.

1917 года 8 ноября.

Александр Гаврилов Ковторин. Петр Гаврилов Ковторин

15

Прошение землевладельца Юркова на имя прокурора Пензенского окружного суда по Саранскому уезду, 7 ноября 1917 г. [1]

30 числа октября сего года, гражд. дер. Большой Сыропятовки всем обществом при своем сельском старосте и Ладском милиционере потребовали отпереть амбар, чтобы осмотреть и проверить урожай овса, я пленным дал ключи, когда амбар отперли, то они на припасенные лошади забрали весь овес в числе 72 пуда, и также остаток, всю рожь в числе 93 пуд. чем поставили меня в безвыходное положение нищего ни себе с семьей, ни для служащих и корм скоту ржи и овса на посев не оставили. А приобрести нет возможности, вольные цены за пуд 20 руб. ну ее найти нет возможности. Затем увезли сметанное с 5 десятин луговое сено более 500 пуд. вернее 600 пуд., оставив во дворе пудов 25. Сено стоит по местной цене не менее 1.500 руб. сено стоит до 3-х руб. пуд, увезли и яровую солому с мякиной более шести возов, стоющих сто рублей, также увезли до 5-ти ходов колес с рабочих телег, стоющие до 150 рублей, из молотильного сарая молотильную машину, стоющую 250 руб. две машины—веялку и сортировку, стоющие 150 руб. две кормовых колоды, стоющие 40 руб. шесть оконных рам, вырванных из беседки и бани, стоющие 40 руб. вырезан из амбара брус для подушек к рабочим телегам, стоющий 5 руб., хлебного амбара висячий за-

[1] Пензенск. обл. арх. Октябрьск. рев., ф. губ. и уездн. след. ком., д. 689.

мок, стоющий 8 рубл. из беседки шкаф, окрашенный красною краской 25 руб., сорвали две двери с петлями от подвала, стоющие 20 руб., от телег взяли два железных шкворня, стоющие 5 руб. одни деревянные вилы стоющие 1 р. 50 к., железных вил трех рапир и двух рапир пять штук, стоящие 10 руб. 50 коп., сшибли замок у птичника, стоимость 1 р. 50 к., взяли три деревянные бороны, стоит 30 р., три стэлба и три бревна, стоящие 12 руб., увели лошадь мерина, масти гнедой, стоящей более 300 руб., корову рыжей масти, стоющей 400 руб., двух телок в возрасте 7—8 месяцев, стоящие 150 руб. выломан рамочный улей, унесено рамок с медом до одного пуда, стоимость 100 руб., пчелы погибли. Вокруг сада поломана городьба, похищено дубовых кольев до 50 руб. При нападении 24 октября после обнаружено еще похищено из чулана, сеней дома мелких гирь 19 ½ фунтов весов, чашка или скала, стоящие 10 руб. из дому, из шкафа похищены запасные пружины, винт с гайками, гаечный винтовой ключ и другие инструменты, всего рублей на 25, приводный к зерносушилке ремень три рубля. Всего на 3.486 р. 50 к. и особо забрано хлеба, ржи и овса в два раза 495 пудов 20 фунтов, затрудняюсь хлебу определить цену, при следствии выяснить. Следующие лица и соседи хутора свидетельствовать о всем вышеобъявленном будут военнопленные, жительствующий у меня Василий Мали, Иоган Степанюк, и Воцлав Санько и соседи: Филипп Соумов, Яков Ящин, Петр Толкущев и Трусов. О всем этом мною доведено до сведения начальника милиции 1-го уч. Саранского уезда. Просили произвести дознание, составить протокол, движимость имущества, скот, хлеб и сено с соломой и прочее собрать, но до сих пор предпринято не было, с 1 числа настоящего месяца имеем на хуторе охрану 12 человек патрулей солдат.

Граждане Б. Сыропятовки прислали мне и соседям бумаги подписанные сельским старостой с приложением печати, требованием, чтобы мы до 8 числа сего ноября убрались выселились с хутора, а сегодня приезжал хутором Сыропятовки орловской солдат говорил стряпке кр. д. Жуковки Марине Барышевой, чтобы она сказала мне, если я не уеду, то сожгут постройки. О всем этом прошу покорнейше произвести следствие, виновных привлечь к уголовной ответственности и принять меры к возвращению разграбленного выше объясненного имущества, скота, хлеба и движимого имущества.

7 ноября 1917 года Василий Дмитриевич Юрков.

16

Прошение землевладельца Овечкина на имя Саранского уездного комиссара Временного правительства, 31 октября 1917 года. [1]

На моем хуторе Померки 30 октября крестьяне деревни Куликовки и Солдатской Макаровской волости силою отобрали ключи у заведующе-

[1] Госархив МАССР, ф. 13, д. 2, л.л. 7—8.

го хутором, увезли из амбаров ржи 124 мешка — 496 пуд., овса семенного 62 мешка — 124 пуда и 9 возов без веса около 225 пудов, а всего 339 пудов. Муки 7 мешков 28 пудов, колоба 11 мешков 39 пудов, гороху 2 мешка 6 пудов. Принимая во внимание, что по моему ходатайству Саранский уездный продовольственный комитет и Революционный Штаб только что образовавшийся в Саранске, при участии Совета Солдатских депутатов обсудив положение моих поставок:

1. Всего удоя молока от 50 молочных моих коров Саранскому уездному продовольственному комитету на нужды населения г. Саранска.

2. Поставку 90 свиней 101-му пехотному запасному полку.

3. Поставку 496 пудов ржи Саранскому уездному продовольственному комитету на нужды населения г. Саранска.

4. Принадлежность 50 голов лошадей и с 3 заводскими жеребцами с другим сельско-хозяйственным имуществом мне Овечкину и необходимость охраны такового от начавшегося расхищения крестьянами деревни Куликовки и Солдатского **постановили:**

30 октября 1917 года командировать 5 солдат пеших и 10 конных для охраны этого моего имущества. Но на месте прибывший депутат командированный Карпов совместно с другими солдатами начал было останавливать расхищение моего имущества, но ему был приказ или распоряжение Макаровского волостного земства о снятии охраны и еще какое-то другое распоряжение. После чего в недоумении Карпов снял охрану и расхищение стало продолжаться. При чем увезли остальной семенной овес около 400 пудов, требовали выезда моих служащих, выгнали их и на 1 ноября 1917 года назначено расхищение всех лошадей, увода всего молочного скота и увода всех свиней и всего остального имущества. Ввиду состоявших постановлений об охране моего имущества от разграбления крестьянами дер. Куликовки и Солдатского и продолжающего расхищения не говоря о его преступности и незаконности, я имею честь просить Вас Господин Уездный Комиссар немедленно командировать более усиленный конный и пеший отряды, для пресечения в корне полный разнузданный грабеж моего имущества на десятки тысяч рублей отданный мною в большой части на нужды населения гор. Саранска, понимая страшный продовольственный кризис населения гор. Саранска и местного гарнизона совершаемый грабеж в восьми верстах от гор. Саранска крестьянами дер. Куликовки и Солдатского, забывшими все сколько нибудь законное и справедливое, почти на глазах власти и местной вооруженной силы конной и пешой, выяснив немедленно, что это за приказ или распоряжение Макаровского Волостного земства и от кого он исходил и почему распоряжению прося вместе с тем привлечь всех виновных к ответственности.

31 октября 1917 г.

Землевладелец Михаил Гаврилов Овечкин.

17

Рапорт настоятельницы Чуфаровского Троицкого женского монастыря в Пензенскую духовную консисторию, 6 ноября 1917 г. [1]

Сим с великим прискорбием считаем долгом донести Пензенской Духовной Консистории, что наш монастырский хутор при сельце Голубцовке, Ладской волости подвергся разгрому без всякого повода с нашей стороны крестьянами сельца Голубцовки, которые 31 октября около 12 часов дня прислали уполномоченных для какой то описи на хуторе, а в 4 дня по полудню того же числа заявились всем обществом не исключая женщин и начали забирать в свою пользу с хутора, кто что мог. Погром продолжался несколько дней, причем увезено от хутора и из леса погромщиками заготовленные дубовых и малую часть осиновых дров для отопления монастыря 45 сажень, считая по 75 руб. за сажень на 3000 руб., 100 дубовых бревень от 4 до 6 вершков толщины и разной длины на сумму—700 руб., разных лесостроительных обрезков на 300 рублей, старого железа от обгорелых в 1916 году молотильных машин на 400 руб., трое саней 75 руб., чугуный котел из бани—35 руб., канат для колодеза 13 сажень длины—50 руб., бадью—35 руб., трое железных вил—45 руб., две железных лопаты—24 р. нового сена около 4-х возов на 140 руб. Всего же на хуторе расхищено на 4905 руб. В первый день погрома мы обращались к комиссару в с. Ромоданово, просили прислать для защиты кавалерию, но получили от него отказ, за неимением таковой потому, что вся кавалерия, находящаяся в его ведении была разослана по разным усадьбам для прекращения погромов.

В настоящее время на хуторе остались только одни постройки, стоящие несколько тысяч рублей, которые охраняют пока сестры монастыря с великим страхом за свою жизнь.

Означенные крестьяне как слышно думают и постройки взять себе, но пока неизвестно.

Ввиду изложенного покорнейше просим Пензенскую духовную консисторию ходатайствовать перед кем следует о возвращении похищенного с хутора нашего достояния крестьянами сельца Голубцовки или же о вознаграждении монастыря за понесенные убытки в сумме 4905 руб.

Настоятельница игуменья Серафима

Казначея монахиня Таисия

И. д. благочинной монахиня Ефимия.

член совета монахиня Маврикия.

№ 188 6 ноября 1917 г.

---

[1] Пензенск. обл. арх. Октябр. рев., ф. губ. и уездн. след. ком., д. 696.

18

Рапорт настоятельницы Знаменского женского монастыря в Пензенскую духовную консисторию, 3-го ноября 1917 г. [1]

Осмеливаемся донести Пензенской духовной консистории, что 31 октября в 10 часов утра большая толпа крестьян села Яковлщины вошли в ограду монастыря, а за ними шли женщины и дети; увидев их сестры все перепугались и в слезах вышли к ним на встречу, остановив их около храма спросили причину их прихода, они ответили, что пришли отнимать у Вас хлеб и уничтожить все хозяйство, тут сестры еще более зарыдали и упадая пред ними на колени со смирением просили милости, но не тронуло их злобных сердец смирения, унижение и слезы сестер, они ответили, что вас не тронем, а возьмем что нужно и, закричав идите на конный двор, устремились бегом туда, а женщины побежали по корпусам и стали отбирать у сестер их собственность. Тут сестры, не зная что делать и где искать помощи, стали бить в набат, но не откуда не было помощи от посторонних лиц, мужики и женщины злобно бегали по всему монастырю с велием криком, брали скот, ломали замки и растаскивали все хозяйство, потом приступили к каменной кладовой и стали рубить дверь, сестры от крика и страха были многие в обмороке, но помощи не было, такая страшная картина, что невозможно описать и только в ночь приехал отряд солдат 15 человек, которые были вызваны из г. Инсара по телефону, в эту ночь ничего не брали, а на утро в присутствии этого отряда солдат приступили к амбару и стали увозить хлеб, унять их никто не мог, оставили лишь для сестер немного хлеба: 200 пудов ржи и 100 пудов муки.

Взято ими хлеба ржи—450 пуд. по 6 руб. на 2700 р., лошадей 10 езжалых и 5 неезжалых на 10000 руб., хомутов 20 шт. на 2000 р., возжей веровочных 10 на 30 р. и одне тканные с кожаными концами в 10 р., два тарантаса в 1000 руб., две тележки—550 р., еще старых в 100 р., телег на ходу 15, по 200 р. на 3000 р., колес 6 стан новых по 60 р. стан на 360 р., плугов 3 двух лем., по 70 р. на 210 р., сох 6 шт. по 20 р. на 120 р., борон 6 шт. по 20 р.—120 р., бочка для воды на ходу с железными обручами в 40 ведер—100 р., дегтю боченок 10 п. в 50 р. В избе рабочих взят самовар в 30 р., 4 чугуна 2-х вед. по 15 р. на 60 р., два ведра 4 р., две кадки для воды—30 р., ухватов и пр. мелочи на 5 р., кухонной посуды на 50 р., сняты 6 дверей по 25 р. на 150 р., ворота в 50 р., сена 7 возов на 300 р. На скотном дворе взято 10 коров по 350 р. на 3500 р., телок 7 голов по 320 р. на 2240 р., свиней 3 на 600 р., телят 6 на 600 р., дверей снято 20 по 5 р. на 100 р., в окнах 26 рам по 20 р. на 520 р., лавки в кухне 2 в 12 р. В леднике взято 3 чугуна двухведерных по 15 р.—45 р., горшков молочных 100 шт. по 30 к. на 30 р., из них половина взята, а половину переколотили. На курятном дворе взяты 50 кур по 3 р. на 150 р., сняты ворота в 50 р. В квасной сняты две рамы из окон по 10 р. на 20 р., две двери по 5 р.

---

[1] Пензенск. обл. арх. Октябр. рев., ф. губ. и уездн. след. ком., дело 260.

на 10 р. В молотильном сарае сняты с машины ремень в 20 арш. 20 р., веревка на саломотрясе 15 ар. в 7 р., веялка сортировка в 200 р., сеялка рядовая в 500 р., две жатки изломаны в 500 р., железных лопат 8 на 8 р., железные вилы 3 на 9 р., кос новых 10 на 100 р. В каменной кладовой изломана дверь в 25 р.. взято кровельного железа 15 п. по 20 р. на 300 р., кож сафьяных 8 по 80 р. на 640 р., сыромятных кож 6 на 480 р., холста 1000 арш. по 50 к. на 500 р., мыла стирального 1 пуд—40 р., церковного вина 30 бутылок по 3 р. на 90 р., меду 3 пуда по 120 р. за пуд на 360 р:, посуда столовая 4 дюж. на 24 р., чайная 3 дюж. на 18 р., 2 погреба разгромлены взято 13 кадок капусты или 500 ведер на 1000 руб., капусты и 2 кадки 100 р., огурцев одна кадка в 20 мер—40 р., капусты свежей 300 вилков по 30 р. сотня на 90 р., луку 20 п. на 100 р., картофель 20 мер на 60 р:, в 3-х банях сняты 7 дверей по 20 р. на 140 р., в окнах 7 рам по 5 р. на 35 р., 3 котла в 120 р., скамеек 4 по 6 р. на 24 р. В доме настоятельницы разбита дверь в 25 р., взято большое зеркало в 100 руб., швейная ручная машина 150 р. Всего убытку на сумму 34711 руб. Вернули 4 лошади в 2000 р., коров 7 голов и 1 телка на 2770 р. Всего в остатке убытков—29941 р.

Настоятельница игуменья Параскева

Казначея монахиня Серафима.

1917 г. ноября 3 дня.

19

Прошение землевладельца Кармилова на имя прокурора Пензенского окружного суда, 4-го января 1918 года. [1]

В конце октября 1917 года крестьяне села Городищ Пушкинской волости Саранского уезда Пензенской губернии совершили открытое разбойное нападение на мою жену Варвару Яковлевну Кармилову с малолетней пятилетней дочерью Лидией, проживающей в моем имении при селе городищах Пушкинской волости, Саранского уезда, Пензенской губ. грозя учинить над ними самосуд, в то время, как я находился призванным в армию и лишен был возможности протянуть руку помощи своим близким и дорогим, потому что дезертирством не занимался и самовольных отлучек не делал, при чем расхитили рожь, овес, просо, гречу—муку, сено, ржаную яровую солому, мебель, велосипед и другое разное имущество, чему составлен и приложен при сем список, великолепная дойная корова «Нарядка» рыжую, белыми пятнами, шести телят, стоящую тысячу пятьсот руб. и расхитив разные части в других надворных постройках. В совершении этих преступлений участвовало общество крестьян села Городищ Пушкинской вол. Саранского уезда Пенз. губ

[1] Пензен. обл. арх. Октябр. рев., ф. губ. и уезд. след. ком., д. 670.

главные зачинщики и подстрекатели были крестьяне села Городищ: Алексей Иванович Иванов, Абрам Васильевич Рощин и Василий Ушенин. Все расхищенное имущество находится у разных крестьян села Городищ Пушкинской волости Саранского уезда, а корова «Нарядка» у крестьянина села Городищ Пушкинской волости Саранского уезда Алексея Григорьевича Кузнецова. Кроме того, эти крестьяне всем обществом разломали изгородь, плетень находившийся вокруг сада.

На основании изложенного имею честь покорнейше просить господина Прокурора Пензенского Окружного суда привлечь всех вышеупомянутых крестьян села Городищ Пушкинской волости Саранского уезда, Пензенской губернии к уголовной ответственности тех, участие коих в открытом и разбойном нападении на мою жену Варвару Яковлевну с дочерью Лидией Владимировной Кармиловой и мое имение при селе Городищ Пушкинской волости Саранск. уезда Пензенск. губ. обнаружено будет следствием, и вчиняю к ним ко всем гражданский иск в сумме сорок пять тысяч двести восемьдесят восемь руб. пятьдесят коп. (45288 р. 50 коп.) допросив для подтверждения обвинения и событий преступлений, и размера гражданского иска мою жену Варвару Яковлевну Кармилову, проживающую в г. Саранске по Троицкой ул. д. № 9, Христинью Федоровну Пескову и военнопленного Валента Шперка, проживающих в г. Саранске по Троицкой улице д. №... священника села Голубцовки Ладской волости Саранского уезда Николая Алексеевича Быстрова, Марию Ивановну Вандайкину, проживающую на хуторе при селе Голубцовке Ладской волости Саранского уезда, Петра Гавриловича Ерофеева, проживающего в Н. Новгороде по Почаевской улице в доме Шприц № 3 и землевладельца Николая Владимировича Забродина, проживающего на своем хуторе при селе Голубцовке Ладской волости Саранского уезда и прилагаю список разграбленного имущества.

1918 года января 4 дня.

Землевладелец села Городищ Пушкинской волости, Саранского уезда, Пензенской губ.

Владимир Дмитриевич Кармилов.

П. Степанов.

Краткий отчет о работе археологической экспедиции 1940 г.

В задачи экспедиции входило отыскание памятников феодальной эпохи (XII—XVI в.) с тем, чтобы позднее организовать стационарную разработку их. Попутно намечалось открытие новых и обследование старых памятников, упоминаемых в литературе.

Обследованию подвергнуты были следующие места Ковылкинского района: берега реки Мокши от Кочелаева до Токмово и дальше до впадения в Мокшу р. Иссы; пространство от Ковылкина до Паньжи как древняя речная терраса, так и пойма; пространство от Ковылкина через Красный Яр на МТС и до Ст. Дракина и район вдоль дороги от Ковылкина на Инсар через Ямщину.

На указанной территории обнаружены следующие памятники: дюнная стоянка в С—З направлении, на расстоянии 1 км. от с. Токмово, расположена на правом берегу р. Иссы, недалеко от впадения ее в р. Мокшу, называется «Селище». Собрана керамика, характеризуемая орнаментом нарезками. Часть сосудов с прямыми стенками, баночной формы с плоским дном. Керамика близка поздне-бронзовой.

Близ с. Паньжи, в ССЗ направлении, в поле 2-й бригады, на расстоянии 1 км. от церкви есть два кургана. Оба они разрыты кладоискателями в 1923—24 г. В самом селе близ усадьбы Глазкова Трофима есть старое кладбище. При пахоте находили разные вещи. Раньше здесь была деревянная церковь.

К югу от села на расстоянии ½ кил., в пойменной части долины р. Мокши, на песчаном возвышении, называемом «Полянки», расположено селище. В песчаном карьере обнаружены остатки землянок. Керамика, железный нож и бусина свидетельствуют о поздней дате возникновения селища. Оно может быть отнесено к первой половине или средине II тысячелетия н. э.

В самом селе, в местности «Старое жилище», «Татарское жилище», расположено второе селище с огромным количеством керамики поздних форм. Здесь же находили сошники, мотыги и «сюлгамы» с лопастями татарского типа.

С. Шигаево. К Ю—З от села в ½ кил. в местности «Бутырки» на высоком древнем берегу, по словам населения, есть могильник.

С. Морд. Вечкенино. К В—ЮВ от села, близ левого берега р. Мокши, в пойме—дюнная стоянка с керамикой, аналогичной Токмовской.

Между с.с. Морд. Вечкенино и Парапино, по древнему берегу р. Мок-

ши, тянется развеянная дюна, на которой была древняя стоянка. Собрана керамика, аналогичная собранной на предыдущей дюнной стоянке.

С. Парапино. В самом селе, недалеко от церкви—мордовский могильник. Был раскопан в 1928 г. Алиховой.

С. Ст. Дракино. Между селом и урочищем «Казна Кужа», на высоком берегу р. Сеитьмы расположено селище с гладкой, но толстостенной керамикой. К С—З от села, близ дороги на Буды, повыше современного кладбища, расположен мордовский могильник. Был раскопан в 1928 г. Алиховой.

С. Нов. Дракино. В селе близ церкви расположен мордовский могильник. Раскопан в 1928 г. Алиховой.

По водоразделам между р. р. Мокшей и Сеитьмой не обнаружено никаких памятников.

В Инсарском районе обследование производилось как около самого города, так и в направлении на с. с. Ямщину, Адашево, Кр. Шадым и Сиалеевская Пятина.

Г. Инсар. Близ самого города на пашне к В., где располагался ранее военный городок, расположена группа из 4-х возвышений, которые могут быть курганами. Раскопки не производились.

В Ю—З направлении от больницы и совхоза, в ½ кл. на склоне, расположена группа из 10 курганов разной высоты и диаметра.

С. Ямщина. На расстоянии 1 кл. к Ю—ЮВ от села — селище, в местности «Старая деревня». Керамика поздняя, не ранее средины XIX в.

С. Адашево. Между с. с. Ямщиной и Адашево, в поле близ дороги—группа курганов из 5 штук. Ближе к реке имеется еще одна группа из 3-4 курганов. К Ю—В от села, на расстоянии 2-х кил., имеется мордовский могильник XVII—XVIII в. в., на котором обнаружено женское погребение с широколопастными «сюлгамами» и «пулокерью». Ориентирован покойник головой к Ю—З. Покойница лежала на спине в вытянутом положении, с руками, сложенными на животе.

С. Красн. Шадым. В самом селе имеется городище (№1), называемое «Городище». Культурный слой на городище скудный, к тому же почти весь уничтожен во время выемки земли для постройки плотины. Хорошо сохранился один вал и слабо—еще два вала. Городище имеет площадь 95×50 мт. и располагается на мысу. На городище собрана керамика с чеканным и вдавленным ямочками орнаментом, каменные ядра, обломки каменных предметов.

В «Яблоновом овраге» имеется мордовский могильник «Калмы», вероятно XVIII и нач. XIX в., т. к. старики еще помнили остатки крестов.

В урочище «Солдатов враг» имеется древнее селище по керамике близкое городищу № 1. Где-то здесь же имеется городище, нами ненайденное.

Близ колхоза «Единый труд» в овраге «Жулин враг» расположено городище № 2 с прекрасно сохранившимся валом и рвом, заросшее сплошь лесом. Размер городища 55×58 мт. На городище обнаружена керамика «рогожного типа». Найдена прекрасная по форме зернотерка с жернов-

ком, лежавшие вместе с обломками горшков около костра на месте древней постройки. Культурный слой незначительный и очень бедный.

В с. Сиалеевской Пятине сведения о древнем селище не подтвердились.

В В. направлении от г. Инсара на расстоянии до 1 кил. хорошо сохранился вал Инсарско-Ломовской «черты», идущий в направлении от р. Иссы в поле.

В Кадошкинском районе были обследованы окрестности: Сиалеевского Майдана, Ст. Пшенево, Экон. Полянок и Паево.

С. Силеевский Майдан. К З—СЗ от разъезда «Майдан», в 300 мт., обнаружено древнее селище, занятое в данное время скотским кладбищем. Культурный слой на селище очень незначительный и содержит керамику, аналогичную керамике Паевского городища, типологически близкую, керамике Шадымских городищ. Селище расположено на очень высоком вытянутом мысу вдали от реки.

С. Ст. Пшенево. В районе «Молебного оврага» крестьянами лет 50 тому назад был найден каменный шлифованный топор со сверленным отверстием для рукоятки. Топор этот получен экспедицией. По форме топор напоминает клин, с сильно расширенной средней частью. Имеется небольшой обушок.

В 1 клм. к С—З от села находится городище «Ош Панда», расположенное на высоком мысу. Вал городища распахан и почти не заметен. Размеры городища 125×32 мт. Культурный слой на городище слабый и содержит гл. обр. керамику с «рогожным» и чеканным орнаментом.

При слиянии ручья, текущего от Сиалеевского Майдана и р. Унуй, в $^1/_2$ клм. от села к Ю., находится мордовский могильник, который когда-то, неизвестно кем, раскапывался. По словам колхозников, при покойниках находили лопастные трехугольные бронзовые «сюлгамы» типа XVII—XVIII в.

С. Экон. Полянки. Близ села в урочище «Губина гора» 50 лет назад при раскорчевке леса под пашню, были найдены два каменных топорика. Один шлифованный, продолговатый, клинообразной формы с круглым обушком и со сверленным отверстием для рукоятки. Второй сделан из плотного песчанника в форме слегка утолщенного плоского кельта, с желобками с обоих сторон в узкой части рукоятки, прикреплялся к древку при помощи ремней. Топоры получены экспедицией. В той же местности, одновременно с топорами была обнаружена кольчуга. В сторону с. Нагор. Полянки в «Артюковом овраге», по слозам колхозников, имеется городище.

С. Паево. Около самого села, с Ю. конца, находится мордовский могильник, разрушенный при добывании песка и глины. По словам колхозников, обнаруживались разные железные вещи: пешни, стремена, седла и т. п. При женском погребении на этом могильнике были найдены: трехугольные лопастные сюлгамы с украшением зернью, без петелек, типа XIV—XV вв., обычные лопастные сюлгамы XVII—XVIII вв. а также монеты царя Михаила Федоровича. Ориентирована покойница головой к Ю—ЮЗ и лежала на спине в вытянутом положении, одна рука на животе.

К С—З от села за рекой Иссой в урочище «Казна Панда» расположено городище «Ош Панда».

Занимает городище длинный мыс с обрывистыми краями. Хорошо сохранился вал высотой до 2,5 мт. и ров. Размер городища 126×82 мт. На городище собрана керамика с чеканным и «рогожным» орнаментом. Обилие обломков горшков свидетельствует о богатом культурном слое. Подобраны также каменные шары, кости домашних животных и хороший кремневый скребок. На городище встречаются в большом количестве камни, возможно от очагов. Толщину культурного слоя установить не удалось.

Помимо указанных выше памятников экспедицией отмечены находки костей ископаемых животных: мамонта и быка. Такие находки имели место в с. Кочелаево, Ковылкинского района; в с. с. Засечная слобода, Ямщина, Ст. Петровка, Нов. Казеевка, Инсарского р-на; с. Потижский острог, Кадошкинского р-на.

Переходя к краткой характеристике собранных экспедицией вещей, мы считаем необходимым отметить, что все они являются по существу подъемным материалом и потому могут отчасти лишь служить для определения обнаруженных памятников. Все же, на основании характеристики их можно сделать некоторые выводы в частности по вопросу датировки.

Наиболее древними вещами будут, несомненно, поделки из камня: кремневый скребок и каменные топоры. Последние, хотя и получены из вторых рук, несомненно, тесно связаны с открытыми памятниками, т. к. хронологически с ними совпадают, не говоря о территориальной близости места находок.

Каменный топор, полученный в с. Эконом. Полянки, сделан из темно-серого диорита, в виде клина, довольно изящной формы и хорошо отшлифован.

Обушек высокий, цилиндрической формы. Лезвие несколько загнуто внутрь. Размеры: дл. 10,5 см., шир. 4,2 см., толщ. 3 см., диаметр отверстия 1,6 см., диаметр обушка 2,6 см., ширина лезвия 3 см.

Второй топор, полученный оттуда же, сделан из плотного песчаника. По форме он напоминает кельт, верхняя часть которого с плоских сторон имеет по желобку, благодаря которым его можно хорошо укрепить к рукоятке ремнями как в продольном, так и в поперечном направлении. Этот предмет мог служить землекопалкой, мотыгой, поперечным теслом. Размеры: дл. 12 см., шир. лезвия 5,8 см., толщина в центре 3 см., шир. верхней части 3 см., толщина верхней части 1,6 см.

Третий топор, полученный в с. Ст. Пшенево, сделан из темно-зеленого гранита и имеет форму грубого толстого клина. Обушковая часть имеет такой же скос, как и часть, идущая к лезвию. Размер: дл. 9,5 см., шир. 5,4 см., толщ. 3,8 см., диаметр отверстия 2,3 см. По своей форме, материалу и технике описанные выше предметы аналогичны подобным же вещам, датируемым бронзовой эпохой. Эта датировка не расходится с датировкой, которую можно дать на основе изучения керамического материала, собранного на памятниках обследованной территории. Сюда надо отнести керамику с Токмовского и

Сиалей Майданского селища и городища «Ош Панда» (с. Паево), которая по технике, материалу и характеру орнамента также типична для бронзовой эпохи. Керамика этого типа характеризуется: грубым составом глины с крупными примесями, лепкой от руки, толстыми стенками, богатым разнообразным орнаментом, а также разнообразием форм сосудов. Орнамент наносился при помощи чекана, ногтем, концом палочки, иногда применялась налепка на венчике поясков и карнизов. Чеканом наносился орнамент и на самый срез края сосудов. Донышки у всех сосудов плоские.

Вторую группу предметов составляют находки на городищах, куда входят зернотерки и керамика с «рогожным» орнаментом и гладкостенная. Особый интерес представляет находка зернотерки вместе с горшками с «рогожной» керамикой, лежавших около кострища. Зернотерка была сделана из крупнозернистого гранита и имела в дл. 32 см., шир. 22 см., толщ. 9 см., найдена в разбитом состоянии. Здесь же был поднят жерновок из булыжника размером в дл. 18 см., толщ. 9 см.

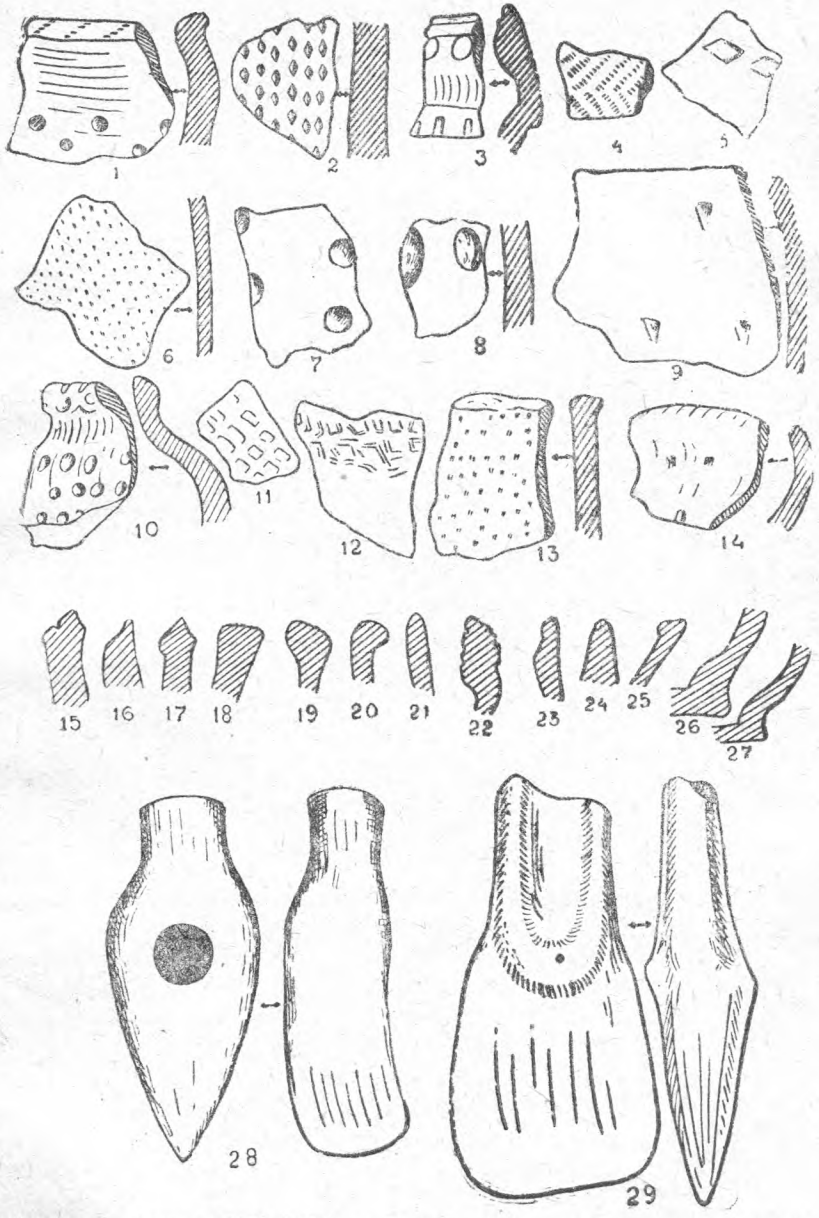
Датирующими вещами являются обломки керамики с «рогожным» орнаментом, собранные на этих городищах. Можно, следовательно, все городища датировать временем не позднее VI — VII в. в. н. э. и не ранее первых веков до н. э. Некоторые городища могли возникнуть на месте селищ более ранней эпохи, напр., Паевское «Ош Панда».

Третья группа предметов — находки на селище «Полянки» в с. Паньжа датируются 1-й полов. II тысячелетия н. э. на основании находки золотоордынской керамики с волнистым орнаментом. (Раскопки Горюновой уточнили эту датировку, селище относится к XIII—XIV в. в. н. э.).

И последняя группа вещей—вещи взятые из могил Адашевского и Паевского могильников. Здесь датирующими являются серебряные монеты Михаила Федоровича, лопастные сюлгамы и особая форма «пулокеря», в виде деревянной трубочки с расширяющимися концами и обмоткой из медной проволоки. Памятники эти датируются XVII—XVIII в. в., причем Паевский могильник следует считать более ранним, т. к. там найдены лопастные сюлгамы, более ранние по форме.

Подводя общий итог, можно, следовательно, отметить широкое распространение дюнных стоянок в долине реки Мокши, поздних мордовских могильников около всех мордовских селений, городищ и селищ с «рогожной» керамикой в системе реки Иссы (Кр. Шадым, Ст. Пшенево, Паево), расположенных преимущественно на высотах. Обнаружены также две группы курганов в системе р. Иссы. Раскопка курганов представляет в данной местности особый интерес, т. к. в них могут быть найдены захоронения с вещами, аналогичными находкам на городищах, а также аналогичными случайным находкам—каменные топорики. Значительный интерес представляет селище около с. Паньжи, как единственный памятник, относящийся к концу I-й половины II тысячелетия н. э.

Задача, поставленная перед экспедицией—отыскание памятников феодальной эпохи (XII—XVI в.), выполнена. Одновременно открыто большое количество памятников более ранних и более поздних времен.



Каменные топоры: №№ 28,29—с. Эконом. Полянки. Образцы керамики: №№ 1,23,24—селище, с. Сиалей Майдан; №№ 2,6,9,11,12,17,18,19,20,21.—городище, с. Ст. Пшенево; № 8—город. № 1, с. Кр. Шадым; №№ 3,4,5,7,10, 13,14,15,16,22,26,27,—город., с. Паево; № 25—дюна, с. Нов. Дубровки. Все вещи ½ натуральной величины.

Проф. Д. В. Бубрих.

Мордовская система фонем

Состав фонем

Мордовские языки принадлежат к числу тех языков, где гласных фонем относительно мало, а согласных фонем относительно много. В этом отношении мордовские языки резко отличаются, например, от финского языка.

Гласных фонем у эрзи пять, а у мокши семь.

У эрзи гласные фонемы следующие: **а, о, у, є, и (ы).** Последняя из этих фонем обнаруживает два существенно различных варианта, передний и оттянутый назад: передний обычно, а оттянутый назад—после твердых переднеязычных согласных, т. е. после твердых **д, т, з, с, ц, л, р, н,** а также **ж, ш, ч.** * Транскрибируя эрзянскую речь фонематически, мы должны были бы не считаться с различием указанных двух вариантов, избрав некое „нейтральное" начертание. По типографским причинам это однако невозможно, и нам придется пользоваться знаками **и** и **ы**, памятуя, что они обозначают два варианта одной и той же фонемы. Нам придется писать, например, с одной стороны, **с-а-и, к-о-л$_ь$-г-и, й-а-к-и, т-о-м-б-и, п-у-п-и, с-о-в-и, к-є-м-и, л$_ь$-є-д$_ь$-и, в-є-т$_ь$-и, к-у-з$_ь$-и, н-а-л-к-с$_ь$-и, п-а-ц$_ь$-и-н$_ь$-є, м-о-л$_ь$-и, п-о-р$_ь$-и, п-а-н$_ь$-и,** а с другой стороны, **с-о-д-ы, п-у-т-ы, л-а-з-ы, к-а-с-ы, а-ц-ы, п-а-л-ы, м-о-р-ы, л-о-в-н-ы,** а также **й-а-ж-ы, в-є-ш-ы, к-у-ч-ы.**

В литературном письме указанные пять гласных фонем передаются десятью различными буквами: **а** и **я, о** и **ё, у** и **ю, е** и **э, и** и **ы.** Находясь в начале слога, а следовательно и в начале слова, указанные пять гласных обозначаются буквами **а, о, у, э, и,** например, **а-ш-о—ашо, о-в-т-о—овто, у-р-о—уро, є-й—эй, и-з-а-м-с—изамс.** Находясь после заднеязычных согласных, т. е. **г, к, х,** после губных согласных, т. е. **б, п, в, ф, м,** а также после **ж, ш, ч,** указанные пять гласных обозначаются буквами **а, о, у, е, и,** например (во втором слоге),

* Под русским воздействием многие эрзяне впрочем употребляют мягкое **ч.**

р-у-н-г-о—рунго, п-и-н-г-є—пинге, п-о-н-г-и—понги, с-о-к-а—сока, п-є-к-є—пеке, л-а-к-и—лаки, $л_ь$-и-м-б-а-м-с—лимбамс, $л_ь$-є-м-б-є—лембе, т-о-м-б-и—томби, л-о-п-а—лопа, $л_ь$-є-п-є—лепе, п-у-п-и—пупи, ч-а-в-о—чаво, к-и-в-є—киве, с-о-в-и—сови, т-у-м-о—тумо, к-є-м-є—кеме, к-є-м-и—кеми, к-у-ж-о—кужо, п-и-ж-є—пиже, й-а-ж-ы—яжи, а-ш-о—ашо, $т_ь$-и-к-ш-є—тикше, в-є-ш-ы—веши, ч-а-ч-о-м-с—чачомс, п-и-ч-є—пиче, к-у-ч-ы—кучи. Находясь после твердых переднеязычных согласных, кроме **ж, ш, ч,** указанные пять гласных обозначаются через **а, о, у, э, ы,** например во втором слоге, **к-о-д-а-м-с—кодамс, и-л-д-є—илдэ, с-о-д-ы—соды, к-о-р-т-а-м-с—кортамс, $с_ь$-є-с-т-є—сестэ, п-у-т-ы—путы, п-о-з-а—поза, п-и-з-є—пизэ, л-а-з-ы—лазы, м-а-к-с-о-м-с—максомс, $т_ь$-є-с-є—тесэ, к-а-с-ы—касы, а-ц-а-м-с—ацамс, а-ц-ы—ацы, п-у-л-о—пуло, п-а-л-ы—палы, $ц_ь$-о-р-а—цёра, м-о-р-ы—моры, п-о-н-а-м-с—понамс, с-у-р-н-є—сурнэ, л-о-в-н-ы—ловны.** Находясь после мягких переднеязычных согласных, т. е. $д_ь$, $т_ь$, $з_ь$, $с_ь$, $ц_ь$, $л_ь$, $р_ь$, $н_ь$, указанные пять гласных обозначаются буквами **я, ё, ю, е, и,** причем обозначение мягкости согласного опускается, например (во втором слоге), **а-$д_ь$-а—адя, в-и-$д_ь$-є-м-с—видемс, $л_ь$-є-$д_ь$-и—леди, а-$т_ь$-а—атя, в-и-$т_ь$-є-м-с—витемс, в-є-$т_ь$-и—вети, а-$з_ь$-о—азё, п-а-$з_ь$-є—пазе, к-у-$з_ь$-и—кузи, п-а-к-$с_ь$-а—пакся, в-є-$с_ь$-є—весе, н-а-л-к-$с_ь$-и—налкси, п-а-$ц_ь$-а—паця, п-а-$ц_ь$-и-$н_ь$-є—пацине, а-$л_ь$-а—аля, в-є-$л_ь$-є—веле, м-о-$л_ь$-и—моли, $т_ь$-у-$р_ь$-а-н—тюрян, п-и-$р_ь$-є—пире, п-о-$р_ь$-и—пори, к-о-$н_ь$-а—коня, ч-и-$н_ь$-є—чине, п-а-$н_ь$-и—пани.** Находясь после **й,** указанные пять гласных обозначаются опять-таки буквами **я, ё, ю, е, и,** причем обозначение **й** опускается, например, **й-а-к-а-м-с—якамс, $с_ь$-є-й-а—сея, й-о-в-к-с—ёвкс, й-у-т-а-м-с—ютамс, с-а-й-є-м-с—саемс.** В словах, полученных в революционное

время из русского языка или через русский язык, указанные пять гласных обозначаются так же, как в русском письме.

Гласных фонем, встречающихся лишь в части эрзянских диалектов, здесь не отмечаем. Исключение надо сделать лишь в одном случае: в части эрзянских диалектов фонеме **є** противостоит фонема **ӓ**; говорят, например, **к-є-д$_ь$** „рука", но **к-ӓ-д$_ь$** „кожа" (использование **є** и **ӓ** обратное по сравнению с мокшанским языком).

У мокши к тем гласным фонемам, которые наличествуют у эрзи, прибавляется еще две: **ӓ** и редуцированный (ослабленный) гласный **ə**. Последний обнаруживает самые различные варианты. В зависимости от фонетической позиции он колеблется между задним и передним, верхне-средним и средним по высоте образованием, перед **в**, приобретая некоторую степень огубления (обычно же он неогубленный гласный). Употребляется он преимущественно в неударяемых слогах, но в силу действия морфологических ассоциаций может проникать и под ударение. Существенно важно отметить, что у мокши после **ж, ш, ч** выступает передний вариант фонемы **и(ы)**, который мы дальше будем передавать через **и**. Это объясняется тем, что **ж, ш, ч** у мокши отличаются от **ж, ш, ч** у эрзи, между прочим, относительной мягкостью, которая в разных диалектах выражена в разной степени.

В литературном письме те мокшанские гласные, которые сходствуют с эрзянскими, обозначаются так же, как эрзянские. „Основное" обозначение **ӓ—я** обозначения **ə—о** (обычно) и **е** в связи с мягкими **д$_ь$, т$_ь$, з$_ь$, с$_ь$, ц$_ь$, л$_ь$, р$_ь$, н$_ь$** и **й**).

Таблица гласных фонем (за исключением мокшанского **ə**, которое в силу своей многовариантности не поддается умещению в таблицу).

	Относительно задние		Относительно передние (неогубленн.)
	Огубленн.	Неогубленн.	
Верхние . .	**у**	—	**и (ы)**
Средние по высоте . .	**о**	—	**є**
Нижние . .	—	**а**	мокш. **ӓ**

Согласных фонем и у мокши, и у эрзи довольно много и притом у мокши больше, чем у эрзи (у мокши вообще значительно больше фонем, чем у эрзи).

У эрзи согласные фонемы, включая **й**, которое по функции в слове не отличается от согласных фонем, следующие: **г, к,** (в новых словах) **х, й, ж, ш, ч, д, т, з, с, ц, л, р, н, $д_ь$, $т_ь$, $з_ь$, $с_ь$, $ц_ь$, $л_ь$, $р_ь$, $н_ь$, б, п, в,** (в новых словах) **ф, м.** Обращает на себя внимание наличие восьми пар твердых (непалатализованных) и мягких (палатализованных) согласных, которые все принадлежат к числу переднеязычных согласных; это переднеязычные согласные, кроме шипящих. Что **$д_ь$, $т_ь$, $з_ь$, $с_ь$, $ц_ь$, $л_ь$, $р_ь$, $н_ь$** являются отдельными фонемами, это ясно из того обстоятельства, что мягкость их на современном этапе развития эрзянского языка ни в какой зависимости от соседних фонем не находится. Эти мягкие согласные могут выступать в соседстве задних гласных, например, **$т_ь$-у-$р_ь$-є-м-с, $с_ь$-а-д-о, $с_ь$-о-р-м-а, $с_ь$-у-р-о, $ц_ь$-а-т-о-р-д-о-м-с, $ц_ь$-о-р-а, $ц_ь$-у-л-к-а, $л_ь$-о-м-$з_ь$-о-р, $н_ь$-а-к-а, а-$д_ь$-а, а-$т_ь$-а, к-у-$з_ь$-а-н, п-а-к-$с_ь$-а, п-а-$ц_ь$-а, а-$л_ь$-а, п-о-$р_ь$-а-н, к-о-$н_ь$-а.** Относительно заднеязычных и губных согласных надо сказать, что они тоже могут выступать как мягкие, но это отнюдь не отдельные фонемы, а мягкие варианты заднеязычных и губных согласных. Это ясно из того обстоятельства, что мягкость в данном случае строжайшим образом зависит от соседних фонем. Она, мягкость, в данном случае, наблюдается закономерно в положении перед **є, и (ы),** а также между **є, и (ы),** с одной стороны, и мягким согласным, с другой, т. е. в таких случаях, как **к-о-$л_ь$-г-є-м-с, к-о-$л_ь$-г-и, п-є-к-є, й-а-к-и, $л_ь$-є-м-б-є, т-о-м-б-и, $л_ь$-є-п-є, п-у-п-и, к-и-в-є, с-о-в-и, к-є-м-є, к-є-м-и,** а также **п-и-к-$с_ь$-и** (между **и** и **$с_ь$**—мягкий вариант **к**), **$л_ь$-є-п-$н_ь$-є** (между **є** и **$н_ь$**—мягкий вариант **п**), **к-є-в-$т_ь$-$н_ь$-є** (между **є** и **$т_ь$**—мягкий вариант **в**), **$с_ь$-и-м-$т_ь$** (между **и** и **$т_ь$**—мягкий вариант **м**). Транскрибируя эрзянскую речь фонематически и, следовательно, не считаясь с вариантами фонем, мы мягкости заднеязычных и губных согласных не должны обозначать. По вопросу о важных вариантах согласных фонем следует добавить еще следующее. В положении перед **г** и **к** фонема **н** (если она не мягка) приобретает характер заднеязычного носового согласного. В исходе слова **в** приближается к такому **у**, которое функционирует как согласный (к неслоговому **у**).

В литературном письме указанные согласные фонемы обоз-

начаются в основном адэкватно. Особо дело обстоит только с мягкими переднеязычными согласными и **й**. Если мягкий переднеязычный согласный находится перед гласным, то мягкость обозначается посредством соответствующего выбора буквы для обозначения гласного, см. выше. В других случаях мягкость обозначается посредством прибавления буквы **ь**. Впрочем в тех случаях, где мягкость согласных явствует и без специального обозначения, буква **ь** опускается. Относительно **й** надо указать следующее. Если **й** находится перед гласным, то оно обозначается посредством соответствующего выбора буквы для обозначения гласного, см. выше. В других случаях **й** обозначается буквой **й**. Заметим: буква **щ** в мордовских условиях обозначает сочетание фонем **ш** и **ч**; фонемы **щ** не существует. В словах, полученных в революционное время из русского языка или через русский язык, согласные обозначаются в соответствии с русскими написаниями.

Согласных фонем, встречающихся лишь в части эрзянских диалектов, здесь не отмечаем. Исключение надо сделать лишь для заднеязычного носового, который выступает как отдельная фонема, вне зависимости от фонетического окружения, в эрзянских говорах, расположенных полукольцом к югу, востоку и отчасти к северу от г. Ардатова МАССР. Этот заднеязычный носовой выступает в таких случаях, как **л-о-н^{г}**, **к-и-л$_{ь}$-е-н^{г}**, **с-о-д-о-н^{г}**, **с-е-р$_{ь}$-э-н^{г}**, **к-у-д-о-н^{г}**, **в-е-л$_{ь}$-е-н^{г}**.

У мокши к тем согласным фонемам, которые наличествуют у эрзи, прибавляется еще несколько: глухие **й^{х}**, **л^{х}**, **л$_{ь}^{х}$**, **р^{х}**, **р$_{ь}^{х}$**, соответствующие звонким **й,л,л$_{ь}$**, **р,р$_{ь}$**. Фонема **ф**, в противоположность эрзе, у мокши является старой фонемой, соответствующей звонкому **в**. Она сложилась в том же историческом плане, что и вышеперечисленные глухие фонемы. На современном этапе эти глухие согласные выступают вне зависимости от соседних фонем. Ср. хотя бы, с одной стороны, формы множественного числа **л$_{ь}$-ӓ-й^{х}-т$_{ь}$**, **к-а-л^{х}-т**, **к-а-л$_{ь}^{х}$-т$_{ь}$** и т. д., а с другой стороны, формы генитива единственного числа (по определенному склонению) **л$_{ь}$-ӓ-й-т$_{ь}$**, **к-а-л-т$_{ь}$**, **к-а-л$_{ь}$-т$_{ь}$** и т. д. (когда-то было **л$_{ь}$-а-й-э-т$_{ь}$**, **к-а-л-э-т$_{ь}$**, **к-а-л$_{ь}$-э-т$_{ь}$** и т. д.) или, с одной стороны, такое образование,

как **к-у-н-д-а-й^{х}-т$_{ь}$**, а с другой стороны, такое образование, как **к-у-н-д-а-с-а-м-а-й-т$_{ь}$** (когда-то было **к-у-н-д-а-с-а-м-а-й-э-т$_{ь}$**).

Ср. также, с одной стороны, уменьшительные **л$_{ь}$-а-й-н$_{ь}$-ӓ**, **к-а-л-н$_{ь}$-ӓ**, **к-а-л$_{ь}$-н$_{ь}$-ӓ** и т. д., а с другой стороны, формы номинатива множ. ч. (по определенному склонению) **л$_{ь}$-а-й^{х}-н$_{ь}$-ӓ**, **к-а-л^{х}-н$_{ь}$-ӓ**, **к-а-л$^{х}_{ь}$-н$_{ь}$-ӓ** и т. д. (когда-то было **л$_{ь}$-а-й^{х}-т$_{ь}$-н$_{ь}$-ӓ**, **к-а-л^{х}-т$_{ь}$-н$_{ь}$-ӓ**, **к-а-л$^{х}_{ь}$-т$_{ь}$-н$_{ь}$-ӓ** и т.д.). Существенно важно дополнительно указать одно обстоятельство, касающееся вариантов согласных фонем: заднеязычные и губные согласные перед **ӓ** выступают в мягких вариантах (точно так же, как перед **є,и**), а перед **э** в твердых вариантах.

В литературном письме те мокшанские согласные фонемы, которые сходствуют с эрзянскими, обозначаются так же, как эрзянские.

Обозначения **й^{х}**, **л^{х}**,**л$_{ь}^{х}$** и т. д.—**х**, **лх**, **льх** и т. д.

Таблица согласных фонем:

	Задне-язычные	Переднеязычные		Губн.
Шумные				
Мгнов.				
Звонк.	**г**	**д,д$_{ь}$**		**б**
Глух.	**к**	**т,т$_{ь}$**		**п**
Длит.		**Свист.**	**Шип.**	
Звонк.		**з,з$_{ь}$**	**ж**	**в**
Глух.		**с,с$_{ь}$**	**ш**	мокш. **ф**

	Задне-язычные	Переднеязычные	Губн.
Аффрикаты			
(глух.)		ц,ц$_{ь}$ ч	
Сонорные			
Боковые			
Звонк.		л,л$_{ь}$	
Глух.		мокш. л^{х}, л$_{ь}^{х}$	
Дрожащие			
Звонк.		р,р$_{ь}$	
Глух.		мокш. р^{х},р$_{ь}^{х}$	
Носовые			
Звонк.		н,н$_{ь}$	м
Гл. в функции согл.			
Звонк.		й	
Глух.		мокш. й^{х}	

Из истории фонем

Историю мордовских фонем можно проследить до некоторой исторической глубины.

Сначала несколько указаний по истории гласных фонем. Мы уже указывали, что в части эрзянских диалектов есть различение **є** и **ӓ**, использованное обратно по сравнению с мокшанским языком. Здесь налицо **к-є-д$_{ь}$** „рука“ при мокшанском **к-ӓ-д$_{ь}$** и **к-ӓ-д$_{ь}$** „кожа“ при мокш. **к-є-д$_{ь}$** и т. п. Это дает основание думать, что эрзянский язык в данном случае идет от двух разных фонем. Не приходится сомневаться, что когда-то эрзянский язык использовал фонемы **є** и **ӓ** не обратно по сравнению с мокшанским языком, а в соответствии с последним, т. е. знал не **к-є-д$_{ь}$** „рука“, а **к-ӓ-д$_{ь}$**, не **к-ӓ-д$_{ь}$** „кожа“, а **к-є-д$_{ь}$** и т. п. Использование мокшанских

фонем **є** и **ӓ** поддерживается как более древнее показаниями других языков финно-угорской системы. То обстоятельство, что в части эрзянских диалектов установилось обратное по сравнению с мокшанским языком использование фонем **є** и **ӓ**, ничего особенного не представляет. В истории различных языков можно найти большое количество примеров установления подобного обратного отношения между фонемами. Мы полагаем, что, когда у нас будет больше диалектологических материалов, установить причину своеобразного использования фонем **є** и **ӓ** в части эрзянских диалектов можно будет без труда. Некоторые соображения на этот счет можно было бы высказать уже сейчас (руководясь параллелями в некоторых русских диалектах).

При суждении о фонеме **ӓ** надо иметь в виду, что у мокши эта фонема в части случаев вторичного порядка. Во многих случаях мокшанское **ӓ** восходит к старому **а**. Надо иметь в виду, что старое **а** у мокши перешло в **ӓ**, во-первых, в конце слова после мягкого согласного (или **й**) и, во-вторых, в середине слова между двумя мягкими согласными (или **й**). Примеры: старое **а-л$_ь$-а** (ср. эрз. **а-л$_ь$-а**) перешло у мокши в **а-л$_ь$-ӓ**, старое **а-л$_ь$-а-н$_ь$** (ср. эрз. **а-л$_ь$-а-н$_ь$**) перешло у мокши в **а-л$_ь$-ӓ-н$_ь$**, в то время как старое **а-л$_ь$-а-т** (ср. эрз. **а-л$_ь$-а-т**) осталось у мокши без изменения—тут старое **а** было не между двумя мягкими согласными, а между мягким и твердым согласными. Кроме того, надо иметь в виду, что в значительной части мокшанских диалектов из того же источника, что **э**, в исходе слова получилось в одних случаях **а**, а в других—**ӓ**. Суть дела станет ясна из дальнейшего. Примеры: при **т-у-м-э-н$_ь$** —**т-у-м-а** (ср. эрз. при **т-у-м-о-н$_ь$**—**т-у-м-о**), при **в-є-л$_ь$-э-н$_ь$**—**в-є-л$_ь$-ӓ** (ср. эрз. при **в-є-л$_ь$-є-н$_ь$**—**в-є-л$_ь$-є**).

Если по отношению к фонеме **ӓ** в первичных случаях ее употребления мокшанский язык отражает относительную древность, то по отношению к фонеме **э** он, наоборот, никакой особенной древности не отражает. Вполне очевидно, что мокшанская фонема **э** возникла не слишком давно из **у** и **и(ы)** в неударяемом положении, после чего в отдельных случаях, в силу действия морфологических ассоциаций, могла проникать и под ударение. Возникновение мокшанского **э** из **у** и **и(ы)** можно проиллюстрировать хотя бы следующими примерами:

мокш. **к-э-р$_{ь}^{х}$-к-с-к-ӓ** (ударение на **ӓ**) при мокш. **к-и-р$_{ь}^{х}$-к-с**, мокш. **с$_{ь}$-т$_{ь}$-э-р$_{ь}$-н$_{ь}$-ӓ** (ударение на **ӓ**) при мокш. **с$_{ь}$-т$_{ь}$-и-р$_{ь}$**, мокш. **к-э-д$_{ь}$-н$_{ь}$-ӓ** (ударение на **ӓ**) при мокш. **к-у-д**, мокш. **с-э-р-к-с-к-ӓ** (ударение на **ӓ**) при мокш. **с-у-р-к-с**, мокш. **в-э-р$_{ь}$-н$_{ь}$-ӓ** (ударение на **ӓ**) при мокш. **в-и-р$_{ь}$** и т. п., а с другой стороны, мокш. **э-р$_{ь}$-в-ӓ** (ударение на **ӓ**) при эрз. **у-р$_{ь}$-в-а**, мокш. **п-э-л^{х}-т-а-м-с** (ударение на **а**) при эрз. **п-у-л-т-а-м-с**, мокш. **м-э-р-д-а-м-с** (ударение на **а**) при эрз. **м-у-р-д-а-м-с**, мокш. **п-э-л-з$_{ь}$-а-м-с** (ударение на **а**) при эрз. **п-у-л-з$_{ь}$-а-м-с**, мокш. **п-э-р-н-а-м-с** (ударение на **а**) при эрз. **п-у-р-н-а-м-с**, мокш. **т-э-р-в-а** (ударение на **а**) при эрз. **т-у-р-в-а**, мокш. **к-э-р$_{ь}$-н$_{ь}$-ӓ** (ударение на **ӓ**) при эрз. **к-и-р$_{ь}$-и-н$_{ь}$-є** и т. д. Перенесение **э** под ударение можно проиллюстрировать хотя бы следующими примерами: сначала были и сейчас во многих диалектах сохраняются **с$_{ь}$-т$_{ь}$-и-р** и **с$_{ь}$-т$_{ь}$-э-р$_{ь}$-н$_{ь}$-ӓ** (ударение на **ӓ**), но затем в части диалектов под воздействием **с$_{ь}$-т$_{ь}$-э-р$_{ь}$-н$_{ь}$-ӓ** возникло и **с$_{ь}$-т$_{ь}$-э-р$_{ь}$**; сначала были и сейчас в некоторых диалектах сохраняются **п-э-т-а-н** (ударение на **а**) и **п-у-т-э-м-с** (ударение на **у**), но затем в некоторых диалектах под воздействием **п-э-т-а-н** возникло и **п-э-т-э-м-с**, равно как в некоторых диалектах, наоборот, под воздействием **п-у-т-э-м-с** возникло **п-у-т-а-н.**

То обстоятельство, что мокшанское **э** восходит к старым **у** и **и(ы)**, дает ключ к пониманию старого мордовского вокализма не-первых (т. е. второго, третьего и т. д.) слогов слова.

В мокшанском языке в не-первых слогах слова когда-то были известны лишь **а**, **у** и **и(ы)**. Из них **у** и **и(ы)** в безударном положении перешли вообще в **э**, а в исходе слова в значительной части диалектов в **а** и **ӓ**. Ср. вышеоб. **а** и **ӓ**.

В эрзянском языке в не-первых слогах слова когда-то были известны тоже лишь **а**, **у** и **и (ы)**. Именно из этих **а**, **у** и **и (ы)** полностью объясняется вокализм не-первых слогов слова в эр-

зянских диалектах различных типов. Согласно классификации эрзянских диалектов по вокализму не-первых слогов слова, установленной нами в 1928 г., среди эрзянских диалектов следует различать диалекты простейшего типа, диалекты регрессивно-ассимиляторного типа и диалекты прогрессивно-ассимиляторного типа. Трактовка старого **а** в не-первых слогах слова во всех этих диалектах в существенном одна и та же. Различие наблюдается в трактовке старых **у** и **и (ы)** в не-первых слогах слова.

В диалектах простейшего типа старые **у** и **и (ы)** в не-первых слогах слова получили простейшее развитие. Есть диалекты, где старые **у** и **и (ы)** в не-первых слогах слова сохранились как **у** и **и (ы)**. Таких диалектов весьма немного; к ним относятся, между прочим, теньгушевские. Есть диалекты, где старые **у** и **и (ы)** в не-первых слогах слова развились в **о** и **є**. Таких диалектов, наоборот, весьма много, и литературный эрзянский язык в своих последовательно употребляемых **о** и **є** отражает именно их.

В диалектах регрессивно-ассимиляторного типа **у** и **и(ы)** в не-первых слогах слова испытали двоякое развитие. В последнем слоге слова они развились в **о** и **є**. В таком серединном слоге, за которым следовал слог с **о** или **є**, старые **у** и **и (ы)** развились тоже в **о** и **є**. В других случаях старые **у** и **и(ы)** остались без изменения. Как видно, в данных диалектах существовало ассимиляторное воздействие последующих **о** и **є** на предшествующие **у** и **и(ы)**, которые превращались тоже в **о** и **є**. Ассимиляция шла в направлении от конца слова к началу и потому была, как выражаются в науке, регрессивной ассимиляцией. Особенности диалектов данного типа можно проиллюстрировать следующими примерами: старые **к-у-н-ц-у-л-у м-у, к-у-н-ц-у-л-у-м-а, к-у-н-ц-у-л-у-д-у, к-у-н-ц-у-л-а-н** развились в **к-у-н-ц-о-л-о-м-о** (последнее **о** появилось вместо **у**, как в данных диалектах всегда в последнем слоге, предпоследнее **о**—по ассимиляции последнему, третье от конца **о** — по ассимиляции предпоследнему), **к-у-н-ц-у-л-у-м-а** (здесь неоткуда было начаться ассимиляции), **к-у-н-ц-о-л-о-д-о** (последнее **о** появилось вместо **у**, как в данных диалектах всегда в последнем слоге, предпоследнее **о** — по ассимиляции последнему, третье от конца **о**—по ассимиляции предпоследнему), **к-у-н-ц-у-л-а-н** (здесь неоткуда было начаться ассимиляции); **к-є-н-г-и-л$_ь$-и-м-и, к-є-н-г-и-л$_ь$-и-м-а, к-є-н-г-и-л$_ь$-и-д$_ь$-и, к-є-н-г-и-л$_ь$-а-н** развились в **к-є-н-г-є-л$_ь$-є-м-є** (последнее **є** появилось вместо **и**, как в данных диалектах всегда в послед-

нем слоге, предпоследнее **є** — по ассимиляции последнему, третье от конца **є** — по ассимиляции предпоследнему), **к-є-н-г-и-л$_ь$-и-м-а** (здесь неоткуда было начаться ассимиляции), **к-є-н-г-є-л$_ь$-є-д$_ь$-є** (последнее **є** появилось вместо **и**, как в данных диалектах всегда в последнем слоге, предпоследнее **є** — по ассимиляции последнему, третье от конца **є** — по ассимиляции предпоследнему), **к-є-н-г-и-л$_ь$-а-н** (здесь неоткуда было начаться ассимиляции). В трактовке старых **у** и **и(ы)** в непервых слогах слова данные диалекты нередко обнаруживают сдвиги, обязанные действию морфологических ассоциаций. Так, под воздействием **к-у-д-о, к-у-д-о-н$_ь$, к-у-д-о-д-о** и т. д. наблюдается и **к-у-д-о-в-а** (вместо фонетического для этих диалектов **к-у-д-у-в-а**), **к-у-д-о-ш-к-а** (вместо фонетического для этих диалектов **к-у-д-у-ш-к-а**) или под воздействием **в-є-л$_ь$-є, в-є-л$_ь$-є-н$_ь$, в-є-л$_ь$-є-д$_ь$-є** и т. д. — **в-є-л$_ь$-є-в-а** (вместо фонетического для этих диалектов **в-є-л$_ь$-и-в-а**), **в-є-л$_ь$-є-ш-к-а** (вместо фонетического для этих диалектов **в-є-л$_ь$-и-ш-к-а**).

В диалектах прогрессивно-ассимиляторного типа **у** и **и(ы)** в не-первых слогах слова тоже испытали двоякое развитие, но на иных началах, чем в диалектах регрессивно-ассимиляторного типа. В таком серединном или последнем слоге, которому предшествовал слог с **о** или **є**, старые **у** и **и(ы)** развились в **о** и **є**. В других случаях старые **у** и **и(ы)** остались без изменения. Как видно, в данных диалектах существовало ассимиляторное воздействие предшествующих **о** и **є** на последующие **у** и **и(ы)**, которые превращались тоже в **о** и **є**. Ассимиляция шла в направлении от начала слова к концу и потому была, как выражаются в науке, прогрессивной ассимиляцией. Особенности диалектов данного типа можно проиллюстрировать следующими примерами: **п-о-ч-к-у, п-о-ч-к-у-н$_ь$, п-о-ч-к-у-д-у** и т. д. развились в **п-о-ч-к-о** (второе **о** — по ассимиляции первому), **п-о-ч-к-о-н$_ь$** (здесь то же самое), **п-о-ч-к-о-д-о** (второе **о** — по ассимиляции первому, третье **о** — по ассимиляции второму) и т. д., но **к-у-д-у, к-у-д-у-н$_ь$, к-у-д-у-д-у** и т. д. или **п-а-н-д-у, п-а-н-д-у-н$_ь$, п-а-н-д-у-д-у** и т. д. остались без изменения (здесь неоткуда было начаться ассимиляции); **в-є-л$_ь$-и, в-є-л$_ь$-**

и-н$_ь$, **в-є-л$_ь$-и-д$_ь$-и** и т. д. развились в **в-є-л$_ь$-є** (второе **є**— по ассимиляции первому), **в-є-л$_ь$-є-н$_ь$** (здесь то же самое), **в-є-л$_ь$-є-д$_ь$-є** (второе **є** —по ассимиляции первому, третье **є** — по ассимиляции второму) и т. д., но **п-и-р$_ь$-и**, **п-и-р$_ь$-и-н$_ь$**, **п-и-р$_ь$-и-д$_ь$-и** и т. д. или **п-а-з$_ь$-и**, **п-а-з$_ь$-и-н$_ь$**, **п-а-з$_ь$-и-д$_ь$-и** и т. д. остались без изменения (здесь неоткуда было начаться ассимиляции). Интересно дело слагается в тех диалектах данного типа, где в первом слоге различаются **є** и **ӓ**. Тут, например, **т-є-л$_ь$-и**, **т$_ь$-є-л$_ь$-и-н$_ь$**, **т$_ь$-є-л$_ь$-и-д$_ь$-и** и т. д. развились в **т$_ь$-є-л$_ь$-є**, **т$_ь$-є-л$_ь$-є-н$_ь$**, **т$_ь$-є-л$_ь$-є-д$_ь$-є** (второе **є** — по ассимиляции первому, третье **є**—по ассимиляции второму) и т. д., но **в-ӓ-л$_ь$-и**, **в-ӓ-л$_ь$-и-н$_ь$**, **в-ӓ-л$_ь$-и-д$_ь$-и** и т. д. остались без изменения (здесь неоткуда было начаться ассимиляции).

Указанные явления в диалектах всех трех типов могут получать различные осложнения. Укажем одно: во многих диалектах первого, второго и третьего типов заканчивающие слово **у** и **о** перешли (в результате понижения образования в связи с утратой огубления) в **а**, и это уже после тех перемен, которые мы описали. Произношение **п-о-ч-к-а**, **к-у-д-а** (дом), **п-а-н-д-а** и т. п. имеет в диалектах всех трех типов довольно значительное распространение.

Чтобы указанное не оставляло неясностей, необходимо проследить особо историю старых сочетаний **а-й, у-й, и-й(ы-й)** в не-первых слогах слова.

У эрзи история старых **а-й, у-й, и-й (ы-й)** в не-первых слогах слова весьма проста: все они сначала совпали в **и-й (ы-й)**, а затем — в том случае, если непосредственно дальше не было гласного — упростились в **и(ы)**. Отметим следующие два момента. Первый: **й** развило ассимиляторное воздействие на предшествующий гласный не-первого слога, преобразовав его в **и(ы)**. Второй: то же **й** оказало ассимиляторную поддержку предшествующему **и(ы)**, воспрепятствовав ему (в соответствующих диалектах и в соответствующих положениях) переходить в **є**. Примеры для случая, когда непосредственно дальше был гласный: **м-о-д-а-й-а-м-с** перешло в **м-о-д-ы-й-а-м-с**, **а-л-у-й-а-м-с** перешло **а-л-ы-й-а-м-с**, **о-й-и-й-а-м-с** осталось как **о-й-и-й-а-м-с**, **о-и-й-а-м-с**. Примеры для случая, когда непосредственно дальше гласного не было: **с-о-к а-й**

перешло в **с-о-к-и-й** и далее **с-о-к-и** (ср. мокш. **с-о-к-а-й**), **с-о-к-а-й-т$_ь$** перешло в **с-о-к-и-й-т$_ь$** и далее **с-о-к-и-т$_ь$** (ср. мокш. **с-о-к-а-й^х-т$_ь$**), **п-у-т-у-й** перешло в **п-у-т-ы-й** и далее **п-у-т-ы, п-у-т-у-й-т$_ь$** перешло в **п-у-т-ы-й-т$_ь$** и далее **п-у-т-ы-т$_ь$**, **п-є-л$_ь$-и-й** упростилось в **п-є-л$_ь$-и, п-є-л$_ь$-и-й-т$_ь$** упростилось в **п-є-л$_ь$-и-т$_ь$**. Некоторых диалектальных явлений здесь не касаемся.

У мокши история старых **а-й, у-й, и-й (ы-й)** в не-первых слогах слова гораздо сложнее. Перед нами целый ряд друг за другом следовавших сдвигов.

Первый сдвиг: в положении перед звонкими согласными **а-й, у-й, и-й (ы-й)** в не-первых слогах слова упростились в **а, у, и (ы)**, т. е. утеряли **й**. Примеры: **с-о-к-а-й-н$_ь$** „я пахал“ перешло в **с-о-к-а-н$_ь$** (ср. эрз. **с-о-к-и-н$_ь$**), **с-о-к-а-й-м-и** „мы пахали“—в **с-о-к-а-м-и** и далее **с-о-к-а-м-ӓ** (ср. эрз. диал. **с-о-к-и-м-є**, обычно **с-о-к-и-н$_ь$-є-к**), **с-о-к-а-й-д$_ь$-и** „вы пахали“—в **с-о-к-а-д$_ь$-и** и далее **с-о-к-а-д$_ь$-ӓ** (ср. эрз. **с-о-к-и-д$_ь$-є**); **п-у-т-у-й-н$_ь$** „я положил“ перешло в **п-у-т-у-н$_ь$** и далее **п-у-т-ə-н$_ь$** (ср. эрз. **п-у-т-ы-н$_ь$**), **п-у-т-у-й-м-и** „мы положили“ в **п-у-т-у-м-и** и далее **п-у-т-ə-м-ӓ** (ср. эрз. диал. **п-у-т-ы-м-є**, обычно **п-у-т-ы-н$_ь$-є-к**), **п-у-т-у-й-д$_ь$-и** „вы положили“—в **п-у-т-у-д$_ь$-и** и далее **п-у-т-ə-д$_ь$-ӓ** (ср. эрз. **п-у-т-ы-д$_ь$-є**); **п-є-л$_ь$-и-й-н$_ь$** „я боялся“ перешло в **п-є-л$_ь$-и-н$_ь$** и далее **п-є-л$_ь$-ə-н$_ь$** (ср. эрз. **п-є-л$_ь$-и-н$_ь$**), **п-є-л$_ь$-и-й-м-и** „мы боялись“—в **п-є-л$_ь$-и-м-и** и далее **п-є-л$_ь$-ə-м-ӓ** (ср. эрз. диал. **п-є-л$_ь$-и-м-є**, обычно **п-є-л$_ь$-и-н$_ь$-є-к**), **п-є-л$_ь$-и-й-д$_ь$-и** „вы боялись“ — в **п-є-л$_ь$-и-д$_ь$-и** и далее **п-є-л$_ь$-ə-д$_ь$-ӓ** (ср. эрз. **п-є-л$_ь$-и-д$_ь$-є**). По образцу **с-о-к-а-н$_ь$** „я пахал“, **с-о-к-а-м-ӓ** „мы пахали“, **с-о-к-а-д$_ь$-ӓ** „вы пахали“ появилось и **с-о-к-а-т$_ь$** „ты пахал“, по образцу **п-у-т-ə-н$_ь$**

„я положил", **п-у-т-э-м-а** „мы положили", **п-у-т-э-д$_{ь}$-а** „вы положили"— и **п-у-т-э-т$_{ь}$** „ты положил", по образцу **п-є-л$_{ь}$-э-н$_{ь}$** „я боялся", **п-є-л$_{ь}$-э-м-а** „мы боялись", **п-є-л$_{ь}$-э-д$_{ь}$-а** „вы боялись"—и **п-є-л$_{ь}$-э-т$_{ь}$** „ты боялся".

Второй сдвиг, охватывающий те **а-й, у-й, и-й(ы-й)**, которые сохранились перед гласными, в конце слова и перед глухими согласными: в то время как **а-й** сохранилось без изменения, **у-й** и **и-й(ы-й)** совпали в одном **и-й(ы-й)**. Примеры для случая, когда непосредственно дальше был гласный: **м-о-д-а-й-а-м-с** сохранилось без изменений, **а-л-у-й-а-м-с** перешло в **а-л-ы-й-а-м-с, в-а-й-и-й-а-м-с** осталось как **в-а-й-и-й-а-м-с, в-а-и-й-а-м-с.** Примеры для конца слова: **с-о-к-а-й** сохранилось без изменения, **п-у-т-у-й** перешло в **п-у-т-ы-й,** с тем чтобы впоследствии (см. ниже) упроститься в **п-у-т-ы, п-є-л$_{ь}$-и-й** осталось как **п-є-л$_{ь}$-и-й,** с тем чтобы впоследствии (см. ниже) упроститься в **п-є-л$_{ь}$-и.** Примеры для случая, когда непосредственно дальше был глухой согласный: **с-о-к-а-й-с** „в пахаря" сохранилось как **с-о-к-а-й-с, п-у-т-у-й-с** „в кладущего" перешло в **п-у-т-ы-й-с,** с тем чтобы впоследствии (см. ниже) упроститься в **п-у-т-ы-с, п-є-л$_{ь}$-и-й-с** „в боящегося" осталось как **п-є-л$_{ь}$-и-й-с,** с тем чтобы впоследствии (см. ниже) упроститься в **п-є-л$_{ь}$-и-с, с-о-к-а-й-т$_{ь}$** „пашут" сохранилось как **с-о-к-а-й-т$_{ь}$,** с тем чтобы впоследствии (см. ниже) перейти в **с-о-к-а-й^{х}-т$_{ь}$, п-у-т-у-й-т$_{ь}$** „кладут" перешло в **п-у-т-ы-й-т$_{ь}$,** с тем чтобы впоследствии (см. ниже) перейти в **п-у-т-ы-й^{х}-т$_{ь}$, п-є-л$_{ь}$-и-й-т$_{ь}$** „боятся" осталось как **п-є-л$_{ь}$-и-й-т$_{ь}$,** с тем чтобы впоследствии (см. ниже) перейти в **п-є-л$_{ь}$-и-й^{х}-т$_{ь}$.**

Третий сдвиг, захвативший сохранившиеся случаи в положении перед **т, т$_{ь}$: а-й** и **и-й(ы-й)** изменились в **а-й^{х}** и **и-й^{х}(ы-й^{х}).** Примеры: **с-о-к-а-й-т$_{ь}$** „пашут" перешло в **с-о-**

к-а-й^{X}-т$_{ь}$, п-у-т-ы-й-т$_{ь}$ „кладут“ перешло в п-у-т-ы-й^{X}-т$_{ь}$, п-є-л$_{ь}$-и-й-т$_{ь}$ „боятся“ перешло в п-є-л$_{ь}$-и-й^{X}-т$_{ь}$.

Четвертый сдвиг, захвативший сохранившиеся случаи в других положениях, кроме положения перед гласным: в то время как а-й избежало дальнейших изменений, и-й (ы-й) упростилось в и(ы). Примеры: с-о-к-а-й сохранилось без изменений, п-у-т-ы-й упростилось в п-у-т-ы, п-є-л$_{ь}$-и-й упростилось в п-є-л$_{ь}$-и, с-о-к-а-й-с „в пахаря“ сохранилось без изменений, п-у-т ы-й-с „в кладущего“ упростилось в п-у-т-ы-с, п-є-л$_{ь}$-и-й-с „в боящегося“ упростилось в п-є-л$_{ь}$-и-с.

Своеобразны случаи, где после й относительно недавно выпало э. Эти случаи прошли в общем ту же историю, что и случаи, где после й был гласный. Однако выпадение э, случившееся непосредственно перед четвертым из указанных сдвигов, отделило их от случаев, где после й был гласный, и подчинило их упомянутому четвертому сдвигу. Примеры: с-о-к-а-й-э-т$_{ь}$ „этого пахаря“ перешло в с-о-к-а-й-т$_{ь}$, п-у-т-ы-й-э-т$_{ь}$ „этого кладущего“ перешло в п-у-т-ы-й-т$_{ь}$, а потом (в связи с четвертым сдвигом) в п-у-т-ы-т$_{ь}$, п-є-л$_{ь}$-и-й-э-т$_{ь}$ „этого боящегося“ перешло в п-є-л$_{ь}$-и-й-т$_{ь}$, а затем (в связи с четвертым сдвигом) в п-є-л$_{ь}$-и-т$_{ь}$; с-о-к-а-с-а-й-э-н$_{ь}$-ӓ „я их пашу“ перешло в с-о-к-а-с-а-й-н$_{ь}$-ӓ, с-о-к-а-с-а-й-э-т$_{ь}$ „ты их пашешь“ перешло в с-о-к-а-с-а-й-т$_{ь}$, с-о-к-а-с-ы-й-э-н$_{ь}$-ӓ „он их пашет“ перешло в с-о-к-а-с-ы-й-н$_{ь}$-ӓ, а затем (в связи с четвертым сдвигом) в с-о-к-а-с-ы-н$_{ь}$-ӓ, с-о-к-а-й-э-н$_{ь}$-ӓ „я их пахал“ перешло в с-о-к-а-й-н$_{ь}$-ӓ, с-о-к-а-й-э-т$_{ь}$ „ты их пахал“ перешло в с-о-к-а-й-т$_{ь}$, а-н-д-ы-й-э-н$_{ь}$-ӓ „я их кормил“ перешло в а-н-д-ы-й-н$_{ь}$-ӓ, а затем (в связи с четвертым сдвигом) в а-н-д-ы-н$_{ь}$-ӓ, а-н-д-ы-й-э-т$_{ь}$ „ты их кормил“ перешло в а-н-д-ы-й-т$_{ь}$, а затем (в связи с четвертым

сдвигом) в **а-н-д-ы-т$_{ь}$, с$_{ь}$-и-м-д$_{ь}$-и-й-э-н$_{ь}$-ӓ** „я их поил“ перешло в **с$_{ь}$-и-м-д$_{ь}$-и-й-н$_{ь}$-ӓ**, а затем (в связи с четвертым сдвигом) в **с$_{ь}$-и-м-д$_{ь}$-и-н$_{ь}$-ӓ, с$_{ь}$-и-м-д$_{ь}$-и-й-э-т$_{ь}$** „ты их поил“ перешло в **с$_{ь}$-и-м-д$_{ь}$-и-й-т$_{ь}$**, а затем (в связи с четвертым сдвигом) в **с$_{ь}$-и-м-д$_{ь}$-и-т$_{ь}$**. Некоторых диалектологических явлений здесь не касаемся.

Нелишне заметить, что у мокши процессы, захватившие **а-й, у-й, и-й (ы-й)** в не-первых слогах слова, находят частичную параллель в процессах, захвативших **а-в, у-в, и-в (ы-в)** в не-первых слогах слова. Не распространяясь насчет последних процессов, обратим внимание на то, что в положении не перед гласным **у-в**, если не испытало других изменений, упростилось в **у**. Пример: **ш-у-ш-т-э-р-у-в** упростилось в **ш-у-ш-т-э-р-у**.

Ряда относительно мелких вопросов по истории гласных фонем в тех же хронологических рамках мы сейчас рассмотреть не можем.

То, что мы рассмотрели, уполномачивает нас к подведению такого итога: некогда и эрзя, и мокша в первом слоге слова знали шесть гласных фонем: **а, о, у, ӓ, є, и (ы)**, а в не-первых слогах слова только три гласных фонемы: **а, у, и (ы)**.

Теперь мы можем перейти к указаниям по истории согласных фонем.

Мы уже указывали, что в части эрзянских диалектов существует особая фонема **н^{г}** (**л-о-н^{г}, к-и-л$_{ь}$-є-н^{г}, с-о-д-о-н^{г}, с-є-р$_{ь}$-є-н^{г}, к-у-д-о-н^{г}, в-є-л$_{ь}$-є-н^{г}** и т. д.).

В других эрзянских диалектах вместо этой фонемы мы находим: после задних гласных **в**, а после передних **й**. В силу действия морфологических ассоциаций можно наблюдать частичное распространение **в** за счет **й**, а в некоторых диалектах и **й** за счет **в**. Примеры: вместо **л-о-н^{г}—л-о-в**, вместо **к-и-л$_{ь}$-є-н^{г}—к-и-л$_{ь}$-є-й**, вместо **с-о-д-о-н^{г}—с-о-д-о-в**, вместо **с-є-р$_{ь}$-є-н^{г}—с-є-р$_{ь}$-є-й**, вместо **п-и-т$_{ь}$-н$_{ь}$-є-н^{г}—п-и-т$_{ь}$-н$_{ь}$-є-й** или (под воздействием случаев типа **с-о-д-о-в**) **п-и-т$_{ь}$-н$_{ь}$-є-в**, вместо **к-у-д-о-н^{г}—к-у-д-о-в**, вместо **в-є-л$_{ь}$-є-н^{г}—в-є-л$_{ь}$-є-й**, но

чаще (под воздействием случаев типа **к-у-д-о-в**) **в-є-л$_ь$-є-в**, вместо **к-о-н^г—к-о-в**, вместо **т$_ь$-є-н^г—т$_ь$-є-й** или (под воздействием случаев типа **к-о-в**) **т$_ь$-є-в** и т. п. Есть полное основание полагать, что некогда фонема **н^г** была известна и другим эрзянским диалектам. Следует лишь подумать над случаями типа **с-є-р$_ь$-є-й.** Если бы в соответствующих диалектах тут никогда не было **н^г**, а было всегда **й**, то для эпохи, когда в не-первых слогах слова из гласных употреблялись только **а, у, и (ы)**, пришлось бы восстанавливать случаи типа **с-є-р$_ь$-и-й.** Но случаи типа **с-є-р$_ь$-и-й**, если бы они реально существовали в ту эпоху, в дальнейшем перешли бы в случаи типа **с-є-р$_ь$-и** (как случаи типа **п-є-л$_ь$-и-й** перешли в случаи типа **п-є-л$_ь$-и**, см. выше), и случаев типа **с-є-р$_ь$-є-й** никак не могло бы получиться. Таким образом, допущение, что в соответствующих диалектах никогда не было **н^г**, а было всегда **й**, делает случаи типа **с-є-р$_ь$-є-й** непонятными. Эти случаи делаются совершенно понятными, как только мы примем, что в соответствующих диалектах некогда тоже было **н^г**. Принимая это для эпохи, когда в не-первых слогах слова из гласных употреблялись только **а, у, и (ы)**, приходится восстанавливать случаи типа **с-є-р$_ь$-и-н^г**. Эти случаи закономерно перешли в случаи типа **с-є-р$_ь$-є-н^г**, а затем, в связи с заменой **н^г** после передних гласных через **й** (каковую замену надо считать поздней), в случаи типа **с-є-р$_ь$-є-й**. Есть и другое обоснование мысли, что некогда фонема **н^г** была известна и другим эрзянским диалектам. В эрзянском языке есть **й**, не чередующееся с **в**, далее, **в**, не чередующееся с **й**, наконец, **в** в чередовании с **й**. Исторически это не меньше трех различных вещей. Такие случаи, как **с-о-д-о-в**, нельзя подвести под случаи **в**, не чередующегося с **й**, ибо рядом есть такие случаи, как **п-и-т$_ь$-н$_ь$-є-й.** В то же время такие случаи, как **п-и-т$_ь$-н$_ь$-є-й**, нельзя подвести под случаи **й**, не чередующегося с **в**, ибо рядом

есть такие случаи, как **с-о-д-о-в.** Очевидно, что перед нами случаи чередования **в** с **й.** В таком случае надо предполагать не **в**-овое и не **й**-овое, а третье основание. Диалекты, где содержится **н**^{г}, подсказывают, что это—**н**^{г}-овое основание. Во избежание недоразумений следует сказать, что в некоторых других случаях **в** в чередовании с **й** может иметь иное основание — **г**-овое. Имеем в виду случаи, вроде **к-у-д-о-в-а** (по этому образцу и **в-є-л**$_{ь}$**-є-в-а**), **т-у-в-а** при **т**$_{ь}$**-и-й-а**, **с**$_{ь}$**-и-й-а** и рядом **с-у-р-г-а**, **в-и-р**$_{ь}$**-г-а**, или вроде **к-є-м-г-о-л-м-о-в-о** при **к-є-м-н**$_{ь}$**-и-л**$_{ь}$**-є-й-є** и рядом **к-є-м-з**$_{ь}$**-и-с**$_{ь}$**-є-м-г-є.**

Переходя от эрзянского языка к мокшанскому, мы можем сказать, что, хотя сейчас здесь фонемы **н**^{г} нет, но некогда она здесь тоже была. Тут приходится принять в расчет, что мокшанские случаи типов **с-о-д-у** (раньше **с-о-д-у-в**) и **п-и-т**$_{ь}$**-н**$_{ь}$**-и** (раньше **п-и-т**$_{ь}$**-н**$_{ь}$**-и-й**) отражают **в** в чередовании с **й.** А такие случаи предполагают не **в**-овое и не **й**-овое, а третье основание. Эрзянские диалекты, где сокращаются **н**^{г}, предсказывают, что это—**н**^{г}-овое основание.

Таким образом для прошлого мордовской речи приходится утверждать одну согласную фонему, которая сейчас почти везде исчезла—**н**^{г}.

С другой стороны, для прошлого мордовской речи приходится отрицать целую группу фонем, которая сейчас наличествует у мокши, именно **й**^{х},**л**^{х},**л**$_{ь}^{х}$ и т. д. У мокши этих фонем некогда не было. Возникли они в силу действия следующей закономерности: все звонкие согласные в положении перед глухими мгновенными и аффрикатами—но не перед длительными—т. е. перед **к, т, т**$_{ь}$**, ц, ц**$_{ь}$**,ч** (для **п** нет примеров)—но не перед **с,с**$_{ь}$**,ш**—заменились через глухие. Замену **г,д,д**$_{ь}$**, з, з**$_{ь}$**,ж** и т. д. через **к,т,т**$_{ь}$**,с,с**$_{ь}$**,ш** и т. д. вряд ли нужно иллюстрировать примерами, тем более что эта замена не знаменовала появления новых фонем. Прочие замены следует проиллюстрировать. Примеры замены **н,н**$_{ь}$**,м** через **т,т**$_{ь}$**,п** (каковая замена является заменой звонких через глухие и одновременно носовых через ротовые): **с-а-н-т** „жилы“ перешло в **с-а-т-т, л-о-м-а-н**$_{ь}$**-т**$_{ь}$ „люди“ перешло в **л-о-м-а-т**$_{ь}$**-т**$_{ь}$, **у-т-э-м-т** „амбары“

перешло в **у-т-ə-п-т.** Данная замена не знаменовала появления новых фонем. Пример замены **в** через **ф: к-є-в-т$_ь$** „камни“ перешло в **к-є-ф-т$_ь$**. Данная замена знаменовала появление новой фонемы (до этого у мокши **ф** не было). Пример замены **й** через **й^х:л$_ь$̤̤-а-й-т$_ь$** „реки“ перешло в **л$_ь$̤̤-а-й^х-т$_ь$**. Данная замена тоже знаменовала появление новой фонемы. Примеры замены **л,л$_ь$,р,р$_ь$** через **л^х,л$^х_ь$,р^х,р$^х_ь$: н-а-л-т** „стрелы“ перешло в **н-а-л^х-т, к-а-л$_ь$-т$_ь$** „ивы“—в **к-а-л$^х_ь$-т$_ь$, с-у-р-т** „пальцы“ в—**с-у-р^х-т, в-и-р$_ь$-т$_ь$** „леса“ —в **в-и-р$^х_ь$-т$_ь$**. Данная замена тоже знаменовала появление новых фонем. Есть некоторые случаи, где рассматриваемая закономерность не получила действия.

Одно ограничение—фонетического порядка: если согласный появился в результате замены звонких согласных через глухой, то он уже не обуславливал замены предшествующего звонкого согласного через глухой. Иными словами, замена звонких согласных через глухие не передавалась по цепи. Примеры: **а-н-д-т-а-м-а** перешло в **а-н-т-т-а-м-а**, но последнее уже не перешло в **а-т-т-т-а-м-а, а-т-т-а-м-а; к-а-н-д-т** перешло в **к-а-н-т-т,** но последнее уже не перешло в **к-а-т-т-т, к-а-т-т.**

Другое ограничение—морфологического порядка. Есть одна категория случаев, где рассматриваемая мокшанская закономерность не вступила в действие в силу противодействия морфологических ассоциаций. Это образования на **к-с,** поскольку они находятся в морфологической ассоциации с образованиями без **к-с**. Дело касается прежде всего транслативных образований на **к-с,** которые известны лишь в т. н. неопределенном оформлении и подверглись воздействию всех прочих образований в неопределенном оформлении, которые ни в одном случае не могли, по своему фонетическому оборудованию, испытать действия рассматриваемой закономерности: как **к-у-з, к-у-з-ə-н$_ь$, к-у-з-ə-н$_ь$-д$_ь$-и, к-у-з-д-а, к-у-з-с-а**—перед **с** звонкие сохранились—,**к-у-з-с-т-а**—перед **с** звонкие сохранились—, **к-у-з-с** —перед **с** звонкие сохранились—,**к-у-з-г-а, к-у-з-ш-к-а**—перед **ш** звонкие сохранились—,**к-у-з-ф-т-ə-м-а**—**ф** появилось в результате замены звонкого **в** через глухой **ф** (когда-то было **к-у-з-в-т-ə-м-а**) и само уже не могло обусловить замены предшествующего звонкого согласного через глухой (по цепи)—, **к-у-д-ə-н-к-с-а,**— так и **к-у-з-к-с** и т. п. Далее, дело ка-

сается имен со словообразовательным суффиксом **к-с**, которые находятся в тесной связи с транслативными образованиями на **к-с**: **л$_ь$-є-з-к-с** и т. п.

Важно заметить, что там, где звонкий согласный оказался перед **т,т$_ь$** и т. д. в результате недавнего выпадения **э** между тем и другими, рассматриваемая закономерность себя не проявляет: очевидно, к этому недавнему времени рассматриваемая закономерность уже успела утратить свое действие. Примеры: **к-у-з-э-т$_ь$** „этой ели“ (генитив) перешло в **к-у-з-т$_ь$**, **к-у-з-т$_ь$-и** „этой ели“ (датив) перешло в **к-у-з-т$_ь$-и**, **к-є-в-э-т$_ь$** „этого камня“ перешло в **к-є-в-т$_ь$**, **к-є в-э-т$_ь$-и** „этому камню“ перешло в **к-є-в-т$_ь$ и**, **л$_ь$-ӓ-й-э-т$_ь$** „этой реки“ перешло в **л$_ь$-ӓ-й-т$_ь$**, **л$_ь$-ӓ-й-э-т$_ь$-и** „этой реке“ перешло в **л$_ь$-ӓ-й-т$_ь$-и**, **к-а-л-э-т$_ь$** „этой рыбы“ перешло в **к-а-л-т$_ь$**, **к-а-л-э-т$_ь$-и** „этой рыбе“ перешло в **к-а-л-т$_ь$-и**, **с-о-к-а-с-а-й-э-т$_ь$** „ты их пашешь“ перешло в **с-о-к-а-с-а-й-т$_ь$**, **с-о-к-а-й-э-т$_ь$** „ты их пахал“ перешло в **с-о к-а-й-т$_ь$**. Сравните сказанное по поводу последнего рода образований выше, при обсуждении истории **а-й** и т. д.

Чтобы указанное не оставляло неясностей, необходимо остановиться немного на истории сочетаний **в-т**, **в-т$_ь$** у мокши, а заодно и у эрзи.

У мокши сочетания **в-т**, **в-т$_ь$** перешли закономерно в сочетания **ф-т**, **ф-т$_ь$**. В исходе слова эти сочетания, если **т**, **т$_ь$** в них не поддерживалось морфологическими ассоциациями, упростились в **ф**. Примеры: **к-у-н-д-а-в-т** „пойманный“ (ср. эрз. **т$_ь$-є-т$_ь$-а-н$_ь$ к-у-н-д-а-в-т** „отцом пойманный“) перешло в **к-у-н-д-а-ф-т** и далее в **к-у-н-д-а-ф**, в то время как **к-є-ф-т$_ь$** „камни“ в этом виде и осталось (**т$_ь$** как признак множественного числа в этом случае поддерживалось ассоциацией с **м-о-д-а-т**, **к-у-с-т**, **л$_ь$-ӓ-й^{х}-т$_ь$**, **к-а-л^{х}-т** и т. п.).

У эрзи сочетания **в-т**, **в-т$_ь$** в **ф-т**, **ф-т$_ь$** не переходили,

но в некоторой обстановке испытали другие изменения. В эрзянском языке существует закономерность, согласно которой звонкий согласный терпим только в соседстве с гласными (чем объясняется появление **а-н$_ь$-т$_ь$-н$_ь$-є-м-с** вместо **а-н$_ь$-д$_ь$-н$_ь$-є-м-с** и т. п.). Поэтому такие случаи, как **к-а-л-в-т-о-м-о, к-є-д$_ь$-в-т$_ь$-є-м-є,** т. е. случаи, где **в-т,в-т$_ь$** было бы после согласного, оказались в свое время невозможны. В таких случаях **в-т, в-т$_ь$** в эрзянском языке либо упростились в **т, т$_ь$,** либо перешли в **с-т, с$_ь$-т$_ь$,** так что получилось, например, **к-а-л-т-о-м-о, к-є-т$_ь$-т$_ь$-є-м-є** или **к-є-т$_ь$-с$_ь$-т$_ь$-є-м-є.** Особый пример: **к-а-н$_ь$-в-т$_ь$** перешло в **к-а-н$_ь$-с$_ь$-т$_ь$** (у мокши **к-а-н$_ь$-в-т$_ь$** перешло в **к-а-н$_ь$-ф-т$_ь$** и далее в **к-а-н$_ь$-ф,** а в части диалектов, с характерной для этих диалектов вставкой **т$_ь$** между **н$_ь$** и **ф,** в **к-а-н$_ь$-т$_ь$-ф**).

Ряд относительно мелких вопросов по истории согласных фонем в тех же хронологических рамках мы сейчас рассмотреть не можем.

То, что мы рассмотрели, уполномачивает нас к подведению такого итога: некогда и эрзя, и мокша знали согласные фонемы **г, к, н^г, й, ж, ш, ч, д, т, з, с, ц, л, р, н, д$_ь$, т$_ь$, з$_ь$, с$_ь$, ц$_ь$, л$_ь$, р$_ь$, н$_ь$, б, п, в, м.**

„Сингармонизм гласных“ и смягчение согласных

Если мы спустимся на тот этап развития мордовских языков, который с фонетической стороны обрисован перед нами в итоге исследования истории фонем, то на этом этапе мы должны признать существование разнообразных зависимостей между фонемами одного и того же слова. Зависимости эти касаются одни гласных, а другие согласных. Здесь мы остановимся на зависимостях, которые играют особенно важную роль: во-первых, на зависимостях, объединяемых под названием „сингармонизм гласных“, и, во-вторых, на зависимостях, объединяемых под названием смягчения согласных. Название „сингармонизм гласных“ мы берем в кавычки, так как это весьма распространенное название не подходит к обозначаемым им мордовским явлениям. Какое иное название следует установить, об этом мы скажем ниже, когда разберемся в существе соответствующих явлений.

На том этапе развития мордовских языков, который с фо-

нетической стороны обрисовался перед нами в итоге исследования истории фонем, по отношению к гласным существовала следующая закономерность:

у не-первого слога слова заменялось через **и (ы)**,

1) если ближайшим предшествующим гласным был передний гласный, т. е. **ӓ, є** или **и (ы)**, и

2) если на пути к ближайшему предшествующему гласному был мягкий согласный или **й**.

Эта закономерность была цепочной закономерностью: **у** не-первого слога заменялось через **и (ы)** и в том случае, если ближайшим предшествующим гласным оказывалось **и (ы)**, в свою очередь заменившее **у**.

Примеры: **к-у-д-у-д-у**, **к-у-д-у-с-у**, но **в-є-л$_ь$-и-д$_ь$-и** (о мягком **д$_ь$** будет ниже), **в-є-л$_ь$-и-с-ы**; **с-у-р-д-у**, **с-у-р-с-у**, но **к-а-р$_ь$-д$_ь$-и** (о мягком **д$_ь$** ниже), **к-а-р$_ь$-с-ы**, **л$_ь$-ӓ-й-д$_ь$-и** (о мягком **д$_ь$** ниже), **л$_ь$-ӓ-й-с-ы**; **к-у-д-у-д-у-н-у-к**, **к-у-д-у-с-у-н-у-к**, но **в-є-л$_ь$-и-д$_ь$-и-н$_ь$-и-к**, **в-є-л$_ь$-и-с-ы-н$_ь$-и-к** (о мягком **н$_ь$** ниже).

У эрзи данная закономерность отражается следующим образом:

Вместо **о** (диал. **у**) не-первого слога слова оказывается **є** (диал. **и, ы**),

1) если ближайшим предшествующим гласным является передний гласный, т. е. **є** или **и (ы)** (диал. также **ӓ**), и

2) если по пути к ближайшему предшествующему гласному имеется мягкий согласный или **й**.

Цепочный характер закономерности у эрзи отражается без изменений.

У мокши данная закономерность сохранила весьма мало отражений. Дело в том, что совпадение **у** и **и(ы)** не-первого слога слова в одном **ə** в громадном большинстве случаев затемнило старое положение вещей. Это обстоятельство в свою очередь не могло не вызвать явлений, которые представляют собою явления прямого разрушения старой закономерности,— по крайней мере в части диалектов. Несмотря на затемнение и явления разрушения старой закономерности, эта старая закономерность в материале мокшанского языка вскрывается самым отчетливым образом. Без нее множество явлений мокшанского языка были бы необъяснимы. Отметим одно обстоятельство: хотя старые **у** и **и(ы)** не-первого слога слова в мокшанском языке в громадном большинстве случаев и совпали

в э, но их былое различие сказывается в том, что после э из у перед нами нет смягчения согласных, а после э из и(ы) оно обычно есть. Такие случаи, как и-н-г-э-л$_ь$-к-с, объяснимы только из таких случаев, как и-н-г-и-л$_ь$-к-с, но никак не из таких случаев, как и-н-г-у-л$_ь$-к-с: мягкость л$_ь$ обусловлена в свое время предшествующим и.

Описываемая закономерность, повидимому, имела одно ограничение: у перед твердым л заменялось через и(ы) не всегда. Пример: п-и-з$_ь$-у-л, откуда эрз. п-и-з$_ь$-о-л. Существо этого ограничения вполне понятно, если принять в расчет, что во многих языках твердое л не только не подчиняется смягчающему воздействию предшествующего переднего гласного, но и превращает предшествующий передний гласный в задний. Здесь нелишне напомнить пример из истории русского языка, где в свое время мелко перешло в молко, а затем в молоко (ср. др.-болгарск. млеко), вьлкъ перешло в вълкъ, а затем в волк (ср. др.-болгарск. диал. вьлкъ, польск. вил$_ь$к).

Анализируя описываемую закономерность, мы легко подмечаем три важных ее особенности.

Первая особенность: рассматриваемая закономерность имеет дело с заменой у через и(ы), но не с обратной заменой и(ы) через у. У может выступать только в некоторых случаях, так как в силу рассматриваемой закономерности оно в соответствующих случаях должно заменяться через и(ы). Наоборот, и(ы) может выступать в любых случаях. Для употребления и(ы) нет ровно никаких ограничений. Это сказывается в эрзянском языке, который чрезвычайно точно отражает рассматриваемую закономерность. В эрзянском языке мы имеем такие случаи, как й-о-в-к-с-к-є (а вовсе не и-о-в-к-с-к-о), с-о-н-з-є (а вовсе не с-о-н-з-о — последнее известно только диалектально). Нет никакого нарушения рассматриваемой закономерности в том, что у эрзи, при п-о-ч-о-д-о-м-с и т. п. есть не только н$_ь$-є-ж-є-д$_ь$-є м-с и т. д., но и т-о-п-о-д$_ь$-є-м-с, при к-у-л-о-в-т-о-м-с и т. п. не только к-є-л$_ь$-м-є-в-т$_ь$-є-м-с и т. п., но и т-о-п-а-в-т$_ь$-є-м-с и т. п. Сходные наблюдения можно произвести и в мокшанском языке.

Вторая особенность: рассматриваемая закономерность имеет дело с заменой у через и(ы) вовсе не в слове (простом) в целом, а только в одном содержащем у слоге или в непрерывной цепи содержащих у слогов. Если на пути вырастает

другой гласный, действие рассматриваемой закономерности не может иметь места. Это сказывается в эрзянском языке, который чрезвычайно точно отражает закономерность. В эрзянском языке мы находим бесконечное количество совершенно закономерных случаев, вроде **п-є-л$_ь$-д$_ь$-а-н-о, п-є-л$_ь$-д$_ь$-а-д-о, н$_ь$-є-ж-є-т$_ь$-т$_ь$-а-н-о, н$_ь$-є-ж-є-т$_ь$-а-д-о, п-є-в-а-н-з-о, п-є-ш-к-а-н-з-о, в-є-л$_ь$-є-в-а-н-з-о, в-є-л$_ь$-є-ш-к-а-н-з-о, м-є-л$_ь$-а-в-т-о-м-с, л$_ь$-є-м-б-є-л-г-а-д-о-м-с.** Сходные наблюдения можно произвести и в мокшанском языке.

Третья особенность: рассматриваемая закономерность построена на воздействии на гласный **у** не только гласных, но и согласных. Комментариев не требуется.

Теперь, оставив на время „сингармонизм гласных", обратимся к смягчению согласных.

На том этапе развития мордовских языков, который с фонетической стороны обрисовался перед нами в итоге исследования истории фонем, существовала и следующая закономерность:

д, т, л, р, н смягчались,

1) если ближайшим предшествующим гласным был передний гласный, т. е. **а, є** или **и(ы)**, и

2) если на пути к ближайшему предшествующему гласному был мягкий согласный или **й** (и притом не было несмягчающихся твердых свистящих).

Примеры: **к-у-д-у-д-у,** но **в-є-л-и-д$_ь$-и; к-у-д-у-т,** но **в-є-л$_ь$-и-т$_ь$; в-а-с-у-л-у,** но **в-є-н$_ь$-и-л$_ь$-и; к-о-м-у-р-у,** но **у-з$_ь$-и-р$_ь$-и; к-у-д-у-н-у-к,** но **в-є-л$_ь$-и-н$_ь$-и-к; с-у-р-д-у,** но **к-а-р$_ь$-д$_ь$-и, л$_ь$-а-й-д$_ь$-и; с-у-р-т,** но **к-а-р$_ь$-т$_ь$, л$_ь$-а-й-т$_ь$; к-у-л-у-т-а-д-у,** но **с$_ь$-и-з$_ь$-и-т$_ь$-а-д-у; с$_ь$-о-р-м-а-т-т-а-д-у,** но **а-в-а-р$_ь$-т$_ь$-т$_ь$-а-д-у.**

У эрзи данная закономерность сохранялась почти без нарушений. У мокши, наоборот, нарушения данной закономерности нередки, по крайней мере в части диалектов. Нарушения данной закономерности связаны с нарушениями закономерности „сингармонизма гласных".

Данная закономерность, повидимому, имела одно ограничение: **л** смягчалось не всегда. Пример: **п-и-з$_ь$-у-л,** откуда эрз. **п-и з$_ь$-о-л.**

Анализируя данную закономерность, мы легко обнаруживаем три важные ее особенности.

Первая особенность: данная закономерность имеет дело со смягчением **д,т,л,р,н,** но не с отвердением $д_ь$, $т_ь$, $л_ь$, $р_ь$, $н_ь$. Твердые **д,т,л,р,н** могут выступать только в некоторых случаях, так как в силу указанной закономерности они в соответствующих случаях должны смягчаться. Наоборот, мягкие $д_ь$, $т_ь$, $л_ь$, $р_ь$, $н_ь$ могут выступать в любых случаях. Для употребления мягких $д_ь$, $т_ь$, $л_ь$, $р_ь$, $н_ь$ нет ровно никаких ограничений. Это достаточно хорошо сказывается в эрзянском языке. Примеры, где $д_ь$, $т_ь$, $л_ь$, $р_ь$, $н_ь$ выступают в окружении задних гласных: **в-а-**$д_ь$**-а-н, а-**$т_ь$**-а, а-**$л_ь$**-а, в-а-**$р_ь$**-а, к-о-**$н_ь$**-а.** Нет ровно никакого нарушения никакой закономерности в том, что у эрзи есть **к-у-д-о-**$н_ь$ и **в-є-**$л_ь$**-є-**$н_ь$ и т.п. Сходные вещи наблюдаются в мокшанском языке.

Вторая особенность: указанная закономерность имеет дело со смягчением **д,т,л,р,н** вовсе не в слове в целом, а только на некотором его участке. Комментарии вряд ли требуются.

Третья особенность: указанная закономерность построена на воздействии на согласные не только гласных, но и согласных. Комментариев не требуется.

Во избежание недоразумений: отношение между твердыми и мягкими согласными в мордовской речи регулируется не только указанной закономерностью, но и некоторыми другими, но указанная закономерность резко выделяется как по своему характеру (она отражает прогрессивное воздействие одних фонем на другие), так и по своей важности в системе мордовской фонетики.

Бросается в глаза параллелизм между закономерностью „сингармонизма гласных" и указанной закономерностью смягчения согласных. Параллелизм полнейший. Не может быть сомнений, что перед нами исторически не два разных явления, а одно в двух проявлениях. Обе закономерности могут быть объединены в одну следующим образом:

у не-первого слога заменилось через **и (ы)** и в то же время **д,т,л,р,н** смягчились,

1) если ближайшим предшествующим гласным был передний гласный, т. е. **ӓ, є** или **и (ы),** и

2) если на пути к ближайшему предшествующему гласному был мягкий согласный или **й.**

Изъятие: смягчения **д,т,л,р,н** не наступило, если на пути к ближайшему предшествующему согласному был несмягчающийся твердый свистящий согласный.

Суть этой широкой закономерности в том, что фонемы, будь они гласные или согласные—безразлично, повышали т. н.

собственный звук под воздействием предшествующих фонем, будь они гласные или согласные—безразлично.

Связь „сингармонизма гласных" со смягчением согласных дает исчерпывающий ответ на следующий вопрос: состоит ли мордовский „сингармонизм гласных" в историческом родстве с финским, карельским и т. д. или, дальше, турецким, монгольским и т. д. сингармонизмом гласных? Ответ на этот вопрос строится так. Мордовский „сингармонизм гласных" не оторвать от смягчения согласных. Поскольку в финском, карельском и т. д. или турецких, монгольских и т. д. языках сингармонизм гласных ни в каком отношении к смягчению согласных (прогрессивному) не находится, историческое существо мордовского „сингармонизма гласных" никак нельзя связать с историческим существом сингармонизма гласных в этих языках. Мордовский сингармонизм „гласных" вырос на мордовской почве, совершенно независимо от финского, карельского и т. д. или турецкого, монгольского и т. д. сингармонизма гласных.

Как только делается ясно, что мордовский „сингармонизм гласных" представляет выросшее на мордовской почве явление, обнаруживается беспочвенность попыток изобразить мордовский „сингармонизм гласных" как результат разрушения какого-то ранее существовавшего более полного сингармонизма гласных. Мордовский „сингармонизм гласных" оказывается чрезвычайно строгой закономерностью, ни в чем не обнаруживающей чего-либо похожего на разрушение и сохраняющей в эрзи полную силу (междометия, вроде **а-з$_{ь}$-о,** и новые слова, вроде **п-и-л-о-т,** не в счет.).

В этих условиях нельзя не обратить внимания на глубокие отличия, отделяющие мордовский „сингармонизм гласных" от финского, карельского и т. д. или турецкого, монгольского и т. д. сингармонизма гласных. Важных отличий три. Первое: в мордовской речи, в противоположность финской, карельской и т. д. или турецкой, монгольской и т. д., при замене заднего гласного через передний нет замены переднего гласного через задний. Второе: в мордовской речи, в противоположность финской, карельской и т. д. или турецкой, монгольской и т. д., нет того, чтобы однородный вокализм (задний или передний) захватывал слово в целом. Третье: в мордовской речи, в противоположность финской, карельской и т. д.. или турецкой, монгольской и т. д., налицо зависимость замены заднего гласного через передний не только от предшествующих гласных, но и от предшествующих согласных. К этим важным отличиям можно бы добавить и некоторые относительно маловажные.

Естественно поставить вопрос: есть ли смысл объединять под одним названием глубоко друг от друга отличающиеся явления? Такое объединение только вредно. Оно не только затемняет существо явлений, но и создает неверное представление об отношениях между различными языками.

Представляется существенно важным мордовское явление называть не „сингармонизмом гласного", а иначе. Это тем более важно, что установит, наконец, некоторый порядок в соответствующей области лингвистической терминологии. Пока что, в науке пользовались термином „сингармонизм гласных" самым безобразным образом, без всякой ясности и без всякой последовательности.

Весьма часто термин „сингармонизм гласных" пришпиливают к самым маленьким явлениям воздействия одного гласного на другой. Были случаи, что „сингармонизмом гласных" называли, например, такое явление, имеющее место в некоторых языках: если два гласных разделены фонемой X, то один из них уподобляется другому. Далее, весьма часто термин „сингармонизм гласных" применяется совершенно произвольно, т. е. применяется к одним явлениям, но не применяется к другим. Нелишне привести пример из истории обсуждения мордовской фонетики. Всегда было много любителей называть „сингармонизмом гласных" замену, скажем, эрз. **о** через **є** в зависимости от предшествующих фонем. Но почему в таком случае не называть „сингармонизмом гласных" замену, скажем, эрз. **у** через **о** и **и (ы)**, через **є** в зависимости от последующих (в диалектах регрессивно-ассимиляторного типа) или предшествующих (в диалектах прогрессивно-ассимиляторного типа) **о** или **є**? Вполне понятно, что при таком безобразии в пользовании термином „сингармонизм гласных" всякий мог утвердить сингармонизм гласных, где хотел.

Сингармонизмом гласных, на основании случаев, где он признается сингармонизмом гласных всеми, надо считать такое ассимиляторное по происхождению воздействие гласных (хотя бы не всех) на гласные (хотя бы не все), которые охватывают слово, по крайней мере, простое, в целом. Это определение сингармонизма гласных достаточно широко (оно предусматривает сингармонизм гласных прогрессивный, регрессивный, смешанный, сингармонизм гласных на основе противоположения передних и задних, огубленных и неогубленных, верхних и нижних гласных и т. д.). В то же время оно совершенно точно. Следует добавить, что оно имеет в виду весьма существенный момент. Пока ассимиляторное воздействие гласных на гласные не охватывает слова, по крайней мере, простого, в целом, оно лежит в плане только фонетики. Но как только оно охватывает слово, по крайней мере, простое, в целом, оно из плана фонетики выходит и входит в план морфологии и синтаксиса. Оно становится выражением единства слова внутри и противостояния слова другим словам вовне. С точки зрения проведенного определения сингармонизм гласных там, где количество ассимиляторного воздействия гласных на гласные перешло в новое качество (морфолого-синтактическое).

Под приведенное определение сингармонизма гласных полностью подходят финские, карельские и т. д. или турецкие,

монгольские и т. д. явления. Но под него совершенно не подходят явления мордовские. Существует ряд терминов, которые никакой тенденциозности в себе не таят и к мордовским явлениям могут быть приложены с полным успехом. Совокупность обще-мордовского прогрессивного „сингармонизма гласных" и прогрессивного смягчения (палатализации) согласных можно назвать обще-мордовской прогрессивной перезвуковкой. Обще-мордовский прогрессивный „сингармонизм гласных" можно назвать обще-мордовской перегласовкой, противопоставляя ее диалектальной эрзянской (в диалектах регрессивно-ассимиляторного типа) регрессивной перегласовке и диалектальной эрзянской (в диалектах прогрессивно-ассимиляторного типа) прогрессивной перегласовке.

Итак, будем в дальнейшем говорить не о мордовском „сингармонизме гласных", а о мордовской перегласовке.

Из истории освещения мордовской системы фонем

В традиционной науке в деле разработки мордовской фонетики сделано немало. Особенно много сделал финляндский ученый Х. Паасонен, представитель до-фашистской финляндской науки (он умер вскоре после отделения Финляндии от России). Его финно-угорская праязыковая концепция для нас неприемлема, но положительные его достижения могут быть легко вынуты из рамок этой концепции.

В советской науке сделано тоже немало. Состав мордовских фонем впервые точно определен у нас. У нас же в полной мере — и притом на иных началах чем в финляндской науке, — разрешены вопросы об истории мордовских гласных не-первого слога, в частности об истории **а-й, у-й, и-й,** и вопрос об истории мордовских звонких и глухих согласных, в частности об истории **в-т, в-т$_{ь}$**. У нас же в полной мере разрешен вопрос о мордовском „сингармонизме гласных".

Литература

1. *H. Paasonen, Mordwinische Lautlehre, Helsingfors*, 1903 г.
2. **А. А. Шахматов**, Мордовский этнографический сборник, Петербург, 1911 г.
3. **М. Е. Евсевьев**, Основы мордовской грамматики, Москва, 1929 г. и 1931 г.
4. **Д. В. Бубрих**, Звуки и формы эрзянской речи по говору с. Козловки, Москва, 1930 г.
5. **Д. В. Бубрих**, Эрзя-мордовский язык и урало-алтаистические построения (Советское языкознание, I, 1935 г.).
6. **Д. В. Бубрих**, Из истории мордовского вокализма (Советское языкознание, III, 1936 г.).
7. Морфология, орфография и грамматическая терминология эрзянского и мокшанского языков, Саранск, 1939 г.

Проф. Д. В. Бубрих.

Мордовское склонение

Состав форм мордовского именного словоизменения [1]

В мордовском именном словоизменении различается довольно большое число падежей, два числа — единственное и множественное—,три склонения — неопределенное (употребляемое в тех случаях, когда речь идет о «каком-то» или «каком-нибудь» предмете), определенное (употребляемое в тех случаях, когда речь идет об определенном, известном говорящим предмете) и притяжательное (употребляемое в тех случаях, когда речь идет о «моем», «твоем», «его», «нашем», «вашем», «их» предмете), а в рамках притяжательного склонения также шести рядов — «мой», «твой», «его», «наш», «ваш», «их».

Наиболее трудным является вопрос о составе падежей. Разные авторы выставляли разное число падежей, не трудясь мотивировать свое мнение. Доклады, которые были заслушаны на мордовских лингвистических конференциях, не подвели под вопрос теоретической основы.

Падежами в мордовских языках, как и во всех языках, где есть падежи, являются такие словоизменительные категории, которые указывают отношение между предметами (каковы бы эти отношения не были). Какими средствами показываются падежи, средствами ли аффиксации или какими-нибудь иными—это к существу падежей как морфологических категорий не имеет отношения.

Трудность выявления состава падежей в мордовских языках коренится в следующем. Чтобы та или иная категория могла быть признана падежной, нужно, во-первых, чтобы она была словоизменительной категорией, и, во-вторых, чтобы она указывала отношение между предметами. Одного того, что категория указывает отношение между предметами, мало для признания ее падежной категорией. Не секрет, что отношения между предметами могут указываться и словообразовательными категориями. Так, в русском языке отношение принадлежности может быть указано и родительным падежом (**дом учителя**), и притяжательным прилагательным (**учителев дом**). Очевидно, для признания той или иной категории падежной, нужно еще, чтобы она была словоизменительной. А в мордовских языках граница между словоизменением и словообразованием гораздо менее четка, чем, например, в русском языке. Что такое **валтомо** в словосочетании **валтомо моро:** падежная ли форма (ср. русск. **песня без слов**) или прилагательное (ср. русск.—правда, не сов-

[1] Таблица дана в приложении. Сказуемостного изменения имени мы в настоящей статье не касаемся (о нем—в следующей статье).

сем обычное, но грамматически вполне правильное—**бессловесная песня**)? А что такое **валтомо** в словосочетании **валтомо морамс:** падежная ли форма (ср. русск. **петь без слов**) или наречие (ср. русск.— опять таки не совсем обычное, но грамматически вполне правильное **—бессловесно петь**)?

Положение, казалось-бы, безвыходное. Однако это только на первый взгляд. Дело в том, что в мордовской речи есть некоторые именные категории, которые являются очевидным и бесспорным образом словоизменительными. Это именные категории чисел и склонений-рядов. По связи с ними можно выявить и падежные категории. Именные категории чисел и склонений-рядов являются очевидными и бесспорными словоизменительными категориями потому, что они удовлетворяют признаку всякой словоизменительной категории — обнаруживают себя синтактически, принимают участие в словосвязывании. Именные категории числа обнаруживают себя синтактически хотя бы в плане согласования подлежащего и сказуемого (ср. **те морось паро** «эта песня хороша» и **не моротне парт,** а не **не моротне паро** «эти песни хороши»). Именные категории склонений-рядов обнаруживают себя синтактически хоть бы в плане воздействия на употребление именительной или родительной форм (ср. **кудо вельке** «крыша дома» и **кудонть вельксэзэ,** а не **кудось вельксэзэ** «крыша того дома» или **лишме неинь** «я увидел лошадь» и **лишменть неия,** а не **лишмесь неия** «я увидел ту лошадь»).

Если какая-нибудь именная форма не может изменяться ни по числам, ни по склонениям-рядам, тем самым отсутствует показание в пользу словоизменительного ее характера. В таких случаях отпадает возможность трактовать форму, как падеж. Так обстоит дело, например, с т. н. лативными образованиями, вроде эрз. **кудов,** мокш. **куду** «домой». Такие образования стоят вне изменения по числам и склонениям-рядам. Это не падежные образования. Это наречия. То обстоятельство, что такие образования встречаются весьма часто (хотя только у слов, обозначающих предметы, составляющие известную площадь—селение, улицу, площадь, базар, лес, поле и т. п.) и не собираются умирать, не говорит ничего против того, что это наречия. Наречия охватывают множество совершенно жизненных явлений. Ср. хотя бы наречия образа действия, которые свободно образуются от всякого качественного прилагательного. Если, наоборот, какая-нибудь именная форма изменяется по числам или склонениям-рядам, тем самым налицо показание в пользу словоизменительного ее характера. В таких случаях трактовать форму как падеж вполне позволительно. Так обстоит дело, например, с т. н. номинативными образованиями вроде эрз. **кудо,** мокш. **куд** «дом»: эрз. **кудо—кудот—кудось—кудотне** и т. д., мокш **куд—кутт—кудсь—куттне** и т. д.

Сколько же падежей в мордовских языках?

В эрзя-мордовском языке—11 падежей, а в мокша-мордовском—10. Это:

1) **Номинатив**, именительный падеж: эрз. **мода** «земля» — **модат** «земли»—**модась** «та земля»—**модатне** «те земли» — **модам** «моя земля»—**модан** «мои земли» и т. д., мокш. **мода—модат—модась—модатне —модазе—модане** и т. д.

2) **Генитив**, родительный падеж: эрз. **модань** «земли» и «земель»—

модантъ «той земли»—**модатнень** «тех земель», мокш. **модань—модать—модатнень—модазень—моданень** и т. д.

3) **Датив,** дательный падеж: эрз. **моданень** «земле» и «землям»—**модантень** «той «земле»—**модатненень** «тем землям», мокш. **моданди—модати—модатненди —модазенди—моданенди** и т. д.

4) **Аблатив,** отложительный падеж: эрз. **модадо** «от земли и т. д.» и «от земель и т. д.» —**модадонть** «от той земли»—**модатнеде** «от тех земель»—**модадон** «от моей земли» и «от моих земель» и т. д., мокш. **модада—модадон** и т. д.

5) **Инессив,** местный падеж: эр. **модасо** «в земле» и «в землях»—**модасонть** «в той земле»—**модатнесэ** «в тех землях»—**модасон** «в моей земле» и «в моих землях» и т. д., мокш. **модаса—модасон** и т. д.

6) **Элатив,** исходный падеж: эрз. **модасто** «из земли» и «из земель» —**модастонть** «из той земли»— **модатнестэ** «из тех земель»—**модастон** «из моей земли» и «из моих земель» и т. д., мокш. **модаста—модастон** и т. д.

7) **Иллатив,** вносительный падеж: эрз. **модас** «в землю» и «в земли» —**модазон** «в мою землю» и «в мои земли» и т. д., мокш. **модас—модазон** и т. д.

8) **Пролатив,** переместительный падеж: эрз. **модава** «по земле» и «по землям» — **модаванть** « по той земле» — **модатнева** «по тем землям» — **модаван** «по моей земле» и «по моим землям» и т. д., мокш. **модава — модаван** и т. д.

9) **Компаратив,** сравнительный падеж: эрз. **модашка** «(количеством) с землю» — **модашкантъ** «с ту землю» — **модатнешка** «с те земли» — **модашкан** «с мою землю» и «с мои земли» и т. д., мокш. **модашка — модашкан** и т. д.

10) **Абессив,** или **каритив,** изъятельный падеж: эрз. **модавтомо** «без земли» и «без земель» — **модавтомонть** «без той земли»— **модатневтеме** «без тех земель» — **модавтомон** «без моей земли» и «без моих земель» и т. д., мокш. **модафтома — модафтомон** и т. д.

11) **Транслатив,** превратительный падеж: эрз. **модакс** «как земля» и «как земли» — **модаксон** «как моя земля» и «как мои земли» и т. д.

У мокши транслатив как падеж отсутствует. В определенном и притяжательном склонениях он не представлен: вместо него употребляется сочетание генитива определенного или притяжательного склонения и послелога **ладса.** Таким образом транслативные образования у мокши оказываются вне изменения по склонениям-рядам. К этому прибавляется отсутствие изменения по числам.

Падежей собою не представляют:

1) Мокшанские **каузальные** (причинные) образования типа **моданикса** «из-за земли, за землю». В определенном и притяжательном склонениях они не представлены: вместо них употребляются сочетания генитива определенного или притяжательного склонений и послелога **инкса.** Таким образом каузальные образования у мокши оказываются вне изменения по склонениям-рядам. К этому прибавляется отсутствие изменения по числам.

2) **Лативные** (направительные) образования типа эрз. **кудов,** мокш.

куду «домой». Такие образования ни по числам, ни по склонениям-рядам не изменяются.

3) **Комитативные** (сопроводительные) образования типа эрз. и мокш. **веленек** «вместе со всем селом, всем селом». Такие образования ни по числам, ни по склонениям-рядам не изменяются.

4) Различные **темпоральные** (временные) образования, как типа эрз. **те чине,** мокш. **тя шине** «в этот день», так и различных других типов. Все эти образования ни по числам, ни по склонениям-рядам не изменяются.

5) **Вокативные** (звательные) образования типа эрз. и мокш. **авай!** «мать!», «матушка!» Такие образования ни по числам, ни по склонениям-рядам не изменяются. Следует заметить, что вокативные образования могут приобретать значение ласкательных имен, и тогда они усваивают именное словоизменение. Ср. в эрзянских сказках **Раушкай, Раушкаень** и т. д.

Этот список можно было бы продолжить, но достаточно и приведенных пяти категорий случаев.

Чтобы не было недоразумений, надо указать, что теоретически мыслим и другой подход к вопросу о падежах в мордовских языках. Можно было бы опираться не на морфологические, а на синтактические основания для суждений по этому вопросу. Можно было бы рассуждать следующим образом. Нетрудно отличить существительное от других слов по синтактическим признакам: существительные подчиняют себе прилагательные, указательные местоимения и т. п. А раз перед нами существительное, то ясно, что оно стоит в каком-нибудь падеже. Таким образом все формы существительного, поскольку дело не касается чисел и склонений-рядов, представляют собою различные падежи. Все это было бы очень хорошо, если бы не некоторые «но». Возьмем для примера эрзянские темпоральные образования на **не** (как можно было бы взять и мокшанские). Эти образования не только могут связываться с прилагательными, указательными местоимениями и т. п., но и обязательно с ними связываются, без них не употребляются. Правда, в некоторых случаях произошло срощение образований на **не** со связанными с ними словами. Примеры: **ютазь вене, ков валдоне, (ков молят) истямо пиземне, те шкане, те пингене, недлячине, стякочине, кизэчине, исеньчине.** Спрашивается: следует ли на этом сновании признавать образования на **не** существительными в особом падеже на **не?** Бесспорно, некоторые элементы существительности и падежности в этих образованиях есть. Но с другой стороны, в этих образованиях нет всей полноты существительности и падежности. Это сказывается в том, что эти образования не могут изменяться по числам и склонениям-рядам. Это, если угодно, сказывается и в том, что образования на **не** нельзя употреблять без прилагательных, указательных местоимений и т. п. (тогда как для существительных в любом падеже нет такого ограничения). Можно рассматривать образования на **не** вместе с относящимися к ним прилагательными, указательными местоимениями и т. п. как некие составные единства, обладающие качеством наречий. С практической точки зрения это является наиболее целесообразным. Таким образом, синтактическое основание для

суждения о существе образований на **не** оказывается зыбким. Так и в других случаях. Теоретически прекрасный синтактический подход в данной группе случаев себя не оправдывает. Нелишне указать на то, что, если бы мы увлеклись причислением к числу падежей всех тех образований, которые связываются с прилагательными, указательными местоимениями и т. п., то число падежей в мордовских языках пришлось бы поднять с 10—11 по крайней мере до 14—15, так как с прилагательными, указательными местоимениями и т. п. могут связываться, кроме образований, которые мы признали падежами, также: транслативные образования у мокши, каузальные образования у мокши, лативные образования, комитативные образования, темпоральные образования на **не** и изредка еще некоторые образования.

Конечно, в вопросе о составе падежей, как и во всех языковых вопросах, кроме теории имеет голос и практика. Поэтому никак нельзя протестовать против того, что мордовская научная конференция 1938 г. по вопросам языка признала в мокшанском языке также превратительный и причинный падежи (транслатив и каузалис). Превратительный падеж (транслатив) оказалось полезным признать ради устранения разрыва между эрзянской и мокшанской грамматиками. А причинный падеж (каузалис) оказалось полезным признать в виду того, что в мокшанском языке он поставлен в общем так же, как превратительный (транслатив).

Падежам следует противопоставлять абсолютную форму имени. Таковая в мордовской речи существует и отличается от номинатива. Чтобы было ясно, что это за форма и как она обнаруживается, проследим хотя бы слово **тумо** (эрз.), **тума** (мокш.) «дуб» в словосочетаниях **тумо—чувто, тума—шуфта** «дуб—дерево», **тумо неинь, тума няень** «дуб я увидел», **тумо ало, тума ала** «под дубом» (**ало, ала**—послелог со значением «**под**») и **тумо лопа, тума лопа** «дубовый лист».

В первом примере **тумо, тума** изменяется и по числам, и по склонениям-рядам: **тумо—чувто, тума—шуфта** «дуб—дерево», **тумот—чувтт, тумот—шуфтт** «дубы—деревья», **тумось—чувто, тумось—шуфта** «тот дуб — дерево», **тумотне—чувтт, тумотне—шуфтт** «те дубы—деревья», **тумом—чувто, тумозе—шуфта** «мой дуб—дерево», **тумон—чувтт, тумоне—шуфтт** «мои дубы—деревья» и т. д. Так обстоит дело вообще и с именными образованиями в позиции подлежащего. Сходно дело обстоит с именными образованиями в позиции сказуемого. В этих случаях перед нами падеж, именно номинатив.

Во втором примере (**тумо неинь, тума няень**) **тумо, тума** ведет себя несколько иначе. Что касается склонений-рядов, то **тумо, тума** по рядам не изменяется, так как, если требуется использовать определенное или притяжательное склонение, происходит последовательное переключение на генитив: **тумонть неия, тумоть няине** «тот дуб я увидел», **тумотнень неинь, тумотнень няине** «те дубы я увидел» и т. д. Что касается чисел, то изменение по ним налицо: **тумо неинь, тума няень** «дуб я увидел», **тумот неинь, тумот няень** «дубы я увидел». Изменения

по числам достаточно, чтобы признать в данном случае падеж, именно номинатив.

В третьем примере **(тумо ало, тума ала) тумо, тума** ведет себя совсем по-другому. Что касается рядов, то тут дело обстоит совершенно так же, как в предшествующем примере. Что касается чисел, то тут дело обстоит иначе, чем в предшествующем примере: изменений по числам нет—**тумо ало, тума ала** значит и «под дубом», «под дубами». Перед нами абсолютная форма.

В четвертом примере **(тумо лопа, тума лопа) тумо, тума** ведет себя так же, как и в третьем. Перед нами особенно характерный случай абсолютной формы.

Приведенные четыре примера позволяют дать такую таблицу грамматического качества бессуффиксных именных форм:

Позиция подлежащего или сказуемого **Позиция прямого дополнения**	**Номинатив**
Позиция слова, обслуживаемого послелогом **Позиция определения**	**Абсолютная форма**

Рассмотрение вопросов о соотношении между номинативом и абсолютной формой показывает, как важно брать именные формы не «сами по себе», а в их живом окружении. Сейчас нет времени «прощупать» в живом окружении каждый падеж. Ограничимся еще одним падежом, генитивом. Нетрудно увидеть, что наряду с генитивом, мордовская речь знает генитивоподобное имя (прилагательное) со сходным суффиксом **нь**. Чтобы было ясно, что такое это генитивоподобное имя и как оно обнаруживается, приглядимся хотя-бы к следующим случаям: эрз. **учителень кудо**, мокш. **учителень куд** «дом учителя, учителев дом», **кевень кудо, кевень куд** «каменный дом», **ошонь кудо, ошонь куд** «городской дом», **тундонь моро, тундань мор** «весенняя песня».

В первом примере **учителень** изменяется по склонениям-рядам, а переведенное в другие склонения—и по числам: **учителень кудо, учителень куд** «дом учителя, дом учителей»—**учителенть кудозо, учительть кудоц** «дом того учителя»—**учительтнень кудост, учительхнень кудосна** «дом тех учителей» и т. д. В этом случае перед нами очевидный падеж, именно генитив. Так обстоит дело во всех случаях, когда указывается принадлежность.

Во втором примере **(кевень кудо, кевень куд) кевень** ни по числам, ни по склонениям-рядам не изменяется. Сказать, например, **кевенть кудозо, кеветь кудоц** значит заговорить совсем о другом—не о каменном доме, а о доме, принадлежащем камню (что явно нелепо). В этом случае перед нами уже не падеж, а генитивоподобное имя. Суффикс **нь** тут является не падежным окончанием, а словообразовательным суффиксом. Так обстоит дело всегда, когда указывается материал.

В третьем примере (**ошонь кудо, ошонь куд**) **ошонь** тоже ни по числам, ни по склонениям-рядам не изменяется. Сказать, например, **ошонть кудозо, ошть кудоц** значит заговорить совсем о другом—не о городском, в городе находящемся доме, а о доме, принадлежащем городу. В этом случае перед нами тоже генитивоподобное имя. Так обстоит дело всегда, когда указывается место.

В четвертом примере (**тундонь моро, тундань мор**) **тундонь, тундань** тоже ни по числам, ни по рядам не изменяется. Сказать, например, **тундонть морозо, тундать мороц** значит заговорить совсем о другом — не о весенней, весной поющейся песне, а о песне, принадлежащей весне (что явно нелепо). В этом случае перед нами тоже генитивоподобное имя. Так обстоит дело всегда, когда указывается время.

В связи с указанным необходимо отметить, что любой падежный суффикс в мордовской речи приобретает характер словообразовательного суффикса, как только «перекрывается» другим падежным суффиксом. В этом случае синтактический, словосвязывающий вес имеет только «перекрывающий» падежный суффикс, и только он, следовательно, является суффиксом словоизменительным. Имеем в виду явления т. н. вторичного склонения (этот термин предложен нами в «Звуках и формах эрзянской речи» и поддержан М. Е. Евсевьевым во втором издании «Основ мордовской грамматики»). Пример вторичного склонения на основе генитива: **учителень** «учителя» (генитив)—эрз. **учителенцесь,** мокш. **учителеннесь** «тот, кто принадлежит учителю», «то, что принадлежит учителю», **учителенцентъ, учителеннеть** «того, кто принадлежит учителю», «того, что принадлежит учителю» и т. д. Здесь **нь,** осложненное прибавлением **це** (эрз.), **не** (мокш.), является уже словообразовательным суффиксом. Пример вторичного склонения на основе инессива: **кудосо, кудса** «в доме»—**кудоссось, кудсось** «тот, кто в доме», «то, что в доме», **кудсонть, кудсоть** «того, кто в доме», «того, что в доме» и т. д. Здесь **со (сэ)** является уже словообразовательным суффиксом. Пример вторичного склонения на основе компаратива: **пандошка** «с гору»—**пандошкась** «то, что с гору», **пандошкантъ, пандошкать** «того, что с гору» и т. д. Здесь **шка** является уже словообразовательным суффиксом. Пример вторичного склонения на основе абессива: **виртеме, вирьфтома** «без леса»—**виртемесь, вирьфтомось** «то, что без леса», **виртементъ, вирьфтомоть** «того, что без леса» и т. д. Здесь **втомо, втеме (томо, тэме, теме), фтома** является уже словообразовательным суффиксом. По вторичному склонению могут итти также элатив и транслатив.

Чтобы было ясно, на какой почве в мордовских языках могло получиться вторичное склонение, следует указать, что в мордовских языках любое слово в любой форме может, если наличествуют синтактические предпосылки, трактоваться как новое существительное. Это касается не только косвенно-падежных форм существительного, но и прилагательного, наречия и т. д. вплоть до сочетания существительного с послелогом.

Состав форм мордовского склонения отнюдь не представляет картины покоя. Наоборот: он представляет картину энергичного движения, которое предстает нашему взору в один из своих моментов.

Особенно ярко проявляется движение в области состава падежей. Тут идет редукция (свертывание) состава падежей.

Есть ряд косвенных падежей, которые в определенном и притяжательном склонениях могут заменяться через сочетания генитив плюс послелог. Это датив, аблатив, инессив, элатив, иллатив, пролатив, компаратив и транслатив, а в позиции прямого дополнения и генитив. Послеложная замена датива, пока что, наблюдается только у эрзи. В рядах «наш», «ваш» и «их» датив у эрзи вообще заменяется через послеложную конструкцию с **туртов.** Послеложная замена аблатива особенно развита у мокши. В определенном склонении аблатив у мокши вообще заменяется через послеложную конструкцию с **эзда.** В притяжательном склонении аблатив у мокши через такую послеложную конструкцию только может заменяться. У эрзи намечается, но пока мало используется послеложная конструкция с **эздэ.** Послеложная замена инессива, элатива, иллатива, пролатива и компаратива одинаково сильно развита и у эрзи, и у мокши. В определенном склонении эти падежи у мокши вообще заменяются через послеложные конструкции с **эса, эста, эс, эзга, эшка.** В притяжательном склонении эти падежи у мокши через такие послеложные конструкции только могут заменяться. У эрзи указанные падежи через послеложные конструкции с **эйсэ, эйстэ, эйс, эзга и эйшка** и в определенном, и в притяжательном склонениях только могут заменяться. Послеложная замена транслатива у мокши привела к тому, что в определенном и притяжательном склонении транслатив оказался твердо замененным через послеложную конструкцию с **ладса,** что привело к падению транслатива как падежной категории, если он когда-либо как падежная категория существовал (о том, что у мокши нет транслатива как падежной категории, говорилось при перечислении падежей). У эрзи транслатив через послеложную конструкцию с **ладсо** в определенном склонении заменяется всегда, а в притяжательном склонении только может заменяться. Послеложная замена генитива в позиции прямого дополнения наблюдается и у эрзи, и у мокши. В определенном и притяжательном склонениях генитив в позиции прямого дополнения может заменяться через послеложную конструкцию с **эйсэ, эса;** эта послеложная конструкция совпадает с послеложной конструкцией, которой заменяется инессив. Во избежание недоразумений: послеложные конструкции в значительной части перечисленных случаев существуют уже чрезвычайно давно. Новое заключается отнюдь не в наличии указанных послеложных конструкций, а в оживлении их использования за счет соответствующих падежей.

Иллатив обнаруживает слабость своих позиций не только в том, что может испытывать послеложную замену, но и в том, что может заменяться через датив. Так дело обстоит у эрзи в определенном склонении.

Абессив обнаруживает слабость своих позиций в том, что в определенном и притяжательном склонениях употребляется редко. У мокши в определенном склонении он вовсе не употребляется. Транслатив у эрзи обнаруживает слабость своих позиций в том, что в определенном склонении вовсе не употребляется, а в притяжательном склонении употребляется редко.

Можно сказать, что вполне прочные позиции занимают только два падежа: номинатив и генитив. Достаточно прочное для достаточно длительного существования позиции занимает также датив, а у эрзи и аблатив. У мокши процесс редукции состава падежей идет более быстрыми темпами, чем у эрзи. В определенном склонении у мокши употребляется только три падежа: номинатив, генитив и датив. В притяжательном склонении у мокши можно употреблять тоже только три этих падежа да еще редкий в этих склонениях абессив. Любая из ближайших мордовских лингвистических конференций могла бы без всякой особенной ломки сделать допустимое обязательным. И тогда мокшанский язык стал бы языком с четырьмя падежами, ибо прочие падежи оказались бы стоящими вне изменений по склонениям-рядам, а равным образом по числам (в неопределенном склонении числа по отношению к косвенным падежам в мордовских языках не различаются), т. е. потеряли бы признаки падежности; из этих четырех падежей абессив занимал бы весьма слабые позиции. Впрочем торопиться в таких случаях не следует.

О взаимосвязи мордовских падежных, числовых и др. категорий

Переходя к историческому рассмотрению форм мордовского склонения, прежде всего остановимся на истории взаимосвязи мордовских падежных, числовых и др. категорий. Без этого нам будет в некоторых отношениях трудно подойти к проблемам возникновения этих категорий.

Падежи, числа и склонения-ряды в мордовской речи отнюдь не составляют «правильной сетки». Отнюдь нельзя указать форму каждого падежа каждого числа каждого склонения-ряда. Есть много случаев невыраженности тех или иных категорий, много случаев отсутствия ожидаемых форм.

Дело не в некоем отвлеченном отвращении речи к «правильным сеткам», а во вполне конкретных явлениях, которые нужно исторически объяснять. Всех уклонений от «правильной сетки» мы в этой статье осветить исторически не беремся. Ограничимся лишь самым с исторической точки зрения важным.

Сосредоточимся на «неправильностях» в использовании числовых категорий, которые различаются далеко не всегда.

«Правильно» числовые категории различаются только в склонении указательных и личных местоимений. Но противостояние числовых категорий тут выражено не столько морфологическими, сколько лексическими средствами. Перед нами эрз. **те**, мокш. **тя** «этот» и эрз. **не (неть, нетке)**, мокш. **ня (нят)** «эти», эрз. **се**, мокш. **ся** «тот» и эрз. **не** (в большинстве диалектов замененное вследствие совпадения с другим местоимением, через **сеть, сетьне**), мокш. **ня** (в большинстве диалектов замененное, вследствие совпадения с другим местоимением, через **сият**) «те», эрз. **тона**, мокш. **тона** «тот» и эрз. **нона** (или **нонат, нонатне**, также **тонат, тонатне**), мокш. **кона** (или **конат**) «те». Перед нами также эрз. мокш. **мон** «я» и эрз. мокш. **минь** «мы», эрз. мокш. **тон** «ты» и эрз. **тынь**, мокш. **тинь** «вы», эрз. мокш. **сон** «он» и эрз. **сынь**, мокш.

синь «они». Есть основание думать, что никогда тут не было противостояния морфологических категорий единственного и множественного чисел, а просто противостояние разных слов. Осознание морфологических категорий единственного и множественного чисел тут, надо думать, появилось только тогда, когда морфологические категории единственного и множественного чисел сложились за пределами местоимений.

За пределами местоимений начинаются «неправильности» в различении числовых категорий.

У эрзи дело обстоит следующим образом. Единственное и множественное число различаются, во-первых, в номинативе независимо от склонений и, во-вторых, во всех падежах определенного склонения. В номинативе притяжательного склонения это различие однако частично сошло со сцены. Так, **модант** «твои земли», удержавшееся в части диалектов, в большинстве диалектов перешло в **модат** (ср. переход **ломантъ** «люди» в **ломать** и т. п.) и совпало с **модат** «твоя земля». В рядах «наш», «ваш» и «их» показала себя тенденция освободиться от указывания одновременно двух разных множественностей, множественности обладателей и множественности обладаемых предметов, а в связи с этим упразднить различие единственного и множественного чисел (ср. тенденции освободиться от указания двух разных множественностей, множественности объектов действия и множественности субъектов действия, в глагольном спряжении; такого рода тенденции наблюдаются во многих языках земного шара). В ряде «наш» номинатив единственного и множественного чисел различаются лишь в меньшинстве диалектов, в большинстве же диалектов утеряно различие; в литературном языке перед нами **моданок** «наша земля» и «наши земли». В ряде «ваш» номинатив единственного и множественного чисел вообще не различаются; в литературном языке перед нами **моданк** «ваша земля» и «ваши земли». В ряде «их», если не считать единичных диалектов, дело обстоит так же; в литературном языке перед нами **модаст** «их земля» и «их земли». Таким образом в притяжательном склонении противостояние единственного и множественного чисел в номинативе сохраняется хорошо лишь в случаях типа **модам** «моя земля» и **модан** «мои земли», **модазо** «его земля» и **моданзо** «его земли». В отдельных диалектах устранение противостояния единственного и множественного чисел охватывает и номинатив ряда «мой».

У мокши дело обстоит следующим образом. Единственное и множественное число различаются, во-первых, в номинативе независимо от склонения, во-вторых, во всех падежах определенного склонения и, в-третьих, в генитиве и дативе притяжательного склонения. В номинативе, генитиве и дативе рядов «наш», «ваш» и «их» показала себя впрочем уже известная нам тенденция освободиться от указывания одновременно двух множественностей, множественности обладателей и множественности обладаемых предметов, а в связи с этим упразднить различие единственного и множественного чисел. В ряде «наш» номинатив, генитив и датив единственного и множественного чисел различаются лишь в части диалектов, в других же диалектах утеряно различие; в литературном языке перед нами **моданьке** «наша земля» и «на-

ши земли», **моданьконь** «нашей земли» и «наших земель», **моданьконди** «нашей земле» и «нашим землям». В ряде «ваш» дело обстоит сходным образом; в литературном языке перед нами **моданте** «ваша земля» и «ваши земли», **модантень** «вашей земли» и «ваших земель», **модантенди** «вашей земле» и «вашим землям». В ряде «их» номинатив, генитив и датив единственного и множественного чисел вообще не различаются; в литературном языке перед нами **модаска** «их земля» и «их земли», **модаснон** «их земли» и «их земель», **модаснонды** «их земле» и «их землям». Таким образом в притяжательных рядах противостояние единственного и множественного чисел сохраняется хорошо лишь в парах типа **модазе** «моя земля» и **модане** «мои земли», **модазень** «моей земли» и **моданень** «моих земель», **модазенди** «моей земле» и **моданенди** «моим землям», **модаце** «твоя земля» и **модатне** «твои земли», **модацень** «твоей земли» и **модатнень** «твоих земель», **модаценди** «твоей земле» и **модатненди** «твоим землям», **модац** «его земля» и **моданза** «его земли», **моданц** «его земли» и **моданзон** «его земель», **моданцты** «его земле» и **моданзонды** «его землям».

Вполне понятно, почему в мордовском языке единственное и множественное числа различаются во всех падежах определенного склонения. В формировании всех падежей определенного склонения приняли участие указательные местоимения, у которых единственное и множественное числа различаются во всех падежах. **Модась** «та земля» получилось из **мода** плюс **се, ся** «тот». **Модатне** «те земли» получилось из **модат** плюс **не, ня** «те» и «эти». Эрз. **модантъ** «той земли» получилось из **модань** плюс **те, тя** «этот». Мокш. **модать** «той земли» восходит к сходному **модантъ;** последнее преобразовано сначала в **модатть** (ср. преобразование **ломантъ** «люди» в **ломатть** и т. п.), а потом в **модать. Модатнень** «тех земель» построено при **модатне** «те земли» по образцу **велень** «села» при **веле** «село» и т. п. Эрз. **модантень** «той земле» построено при **модантъ** «той земли», как **веленень** «селу» построено при **велень** «села» и т. п. Мокш. **модати** «той земле» восходит к сходному **моданти;** последнее преобразовано сначала в **модатти,** а потом в **модати.** Эрз. **модатненень,** мокш. **модатненди** «тем землям» построено при **модатне** по образцу эрз. **веленень,** мокш. **веленди** «селу» при **веле** «село». Эрз. **модадонть** «о той земле» построено на основе **модадо** «о земле» под воздействием **модантъ** «той земли». Эрз. **модатнеде** «о тех землях» построено при **модатне** «те земли» по образцу **веледе** «о селе» при **веле** «село». И так далее.

Вполне понятно также, почему у мокши единственное и множественное числа различаются не только в номинативе, но и в генитиве и в дативе притяжательного склонения: в формировании этих падежей притяжательного склонения у мокши приняли участие опять-таки указательные местоимения, у которых единственное и множественное числа различаются во всех падежах. Мокш. **модазе** (диал.-**нзе**) «моя земля» сложилось из **модам** или **модан** «моя земля» плюс **ся** «тот». Мокш. **модане** «мои земли» сложилось из **модам** или **модан** «мои земли» плюс **ня** «те». Мокш. **модаце** «твоя земля» сложилось из **модат** «твоя земля» и **ся** «тот». Мокш. **модатне** «твои земли» сложилось из **модат** «твои земли» плюс **ня** «те». И так далее. При **модазе, модане, модаце, модатне** и т. д. по

обычным образцам построены генитивы **модазень, моданень, модацень, модатнень** и т. д. и дативы **модазенди, моданенди, модаценди, модатненди** и т. д.

Остается лишь различие единственного и множественного чисел в номинативе независимо от ряда. Это и есть старейшая область различений обоих чисел за пределами местоимений.

Возникает вопрос: почему собственно за пределами местоимений единственное и множественное числа некогда различались только в номинативе? Чтобы ответить на этот вопрос, надо предварительно обследовать различные случаи употребления номинатива.

Номинатив употребляется, во-первых, во всех склонениях—в позициях подлежащего и сказуемого и, во-вторых, в неопределенном склонении—в позиции прямого дополнения. В других позициях употребляется, как мы знаем, не номинатив, а абсолютная форма, чуждая числовых категорий.

Обратимся к номинативу в неопределенном склонении в позиции прямого дополнения. Сейчас перед нами именно номинатив, а не абсолютная форма, ибо налицо изменение по числам. **Тумо неян, тума няян** это «я дуб увижу», а **тумот неян, тумот няян** это «(я) дубы увижу». Но всегда ли это был номинатив? Всегда ли здесь наличествовало изменение по числам? Не было ли когда-нибудь так, чтобы **тумо неян, тума няян** значило одновременно «(я) дуб увижу» и «(я) дубы увижу»?

Нет ни малейшего сомнения, что когда-то в рассматриваемом случае был не номинатив, а абсолютная форма. Дело в следующем. Как мы узнаем из следующей статьи, посвященной мордовскому спряжению, глагольные формы в мордовских языках возникли в одном из своих пластов из имен-названий носителя действия. До сих пор сохраняются случаи, где имя-название носителя действия распознается без труда. Так, в **тумо неи, тума няи** «(он) дуб увидит» легко распознается «(он дубо-зритель» (**неи, няи**, у эрзи также **неиця**, значит «зритель»), в **тумо неить, тума няихть** «(они) дуб увидят» легко распознается «(они) дубо-зрители». Теперешнее глагольное сказуемое когда-то было именным сказуемым, а теперешнее прямое дополнение было определением к этому именному сказуемому. Случай был совершенно такой же, как **тумо лопа, тума лопа** «дубо-лист». А о таких случаях мы знаем, что в них в позиции определения выступает не номинатив, а абсолютная форма, чуждая изменения по числам.

Нетрудно понять, каким образом при **тумо неян, тума няян** и т. п. появилось и **тумот неян, тумот няян** и т. п., т. е. каким образом первоначальная абсолютная форма стала изменяться по числам и тем самым стала номинативом. **Тумо, тума** приобрело значение прямого дополнения и вышло из под власти норм, существовавших для определения. В этой обстановке и оказалось возможным усвоение для прямого дополнения, по образцам, существовавшим для подлежащего, изменения по числам. Этот процесс протек под давлением важности различения чисел в позиции прямого дополнения.

Теперь свяжем основные итоги нашего исследования.

Первый итог: старейшая область различения единственного и множественного чисел — номинатив независимо от склонения.

Второй итог: старейший случай употребления номинатива—в позициях подлежащего и сказуемого.

Легко подвести и общий итог: старейший случай различения единственного и множественного чисел—номинатив в позициях подлежащего и сказуемого независимо от склонения.

Так как подлежащее и сказуемое в мордовской речи являются категориями, находящимися в отношении согласования по числам, то полученный общий итог можно сформулировать и иначе:

Различение единственного и множественного чисел в мордовской речи впервые установилось в плане согласования подлежащего и сказуемого по числам.

После этого делается совершенно понятным, что такое большинство тех «неправильностей», которые наблюдаются в сетке мордовских форм различных падежей, различных чисел, различных склонений. То, что мы имеем сейчас, это результат длительного, сложного и далеко не полного распространения числовых категорий за пределы их первоначального употребления.

О происхождении мордовских падежных категорий

По происхождению мордовские падежные категории резко разбиваются на две группы. Разница—в путях возникновения.

Один путь возникновения падежных категорий—переосмысление непадежных, словообразовательных, категорий.

Этот путь лучше всего иллюстрируется материалом генитива.

Мы знаем, что наряду с генитивом существуют и генитивоподобные имена. Последние употребляются при обозначении материала (**кевень кудо** «каменный дом» и т. п.), места (**ошонь кудо** «городской дом» и т. п.) и времени (**тундонь моро** «весенняя песня» и т. п.). Нет сомнений, что когда-то существовало только генитивоподобное имя, но не генитив.

Возникновение генитива связано с важным сдвигом в мышлении. Когда-то идеи принадлежности у человека не было: когда-то не было «мой топор», «твой топор» и «топор соседа» и т. п., а было лишь «топор у меня (в руке, в шалаше)», «топор у тебя (в руке, в шалаше)», «топор у соседа (в руке, в шалаше)» и т. п. Была не идея принадлежности, а идея местонахождения. Во многих так называемых примитивных языках такое положение вещей отражается до сих пор без перемен. Так, обстоит дело, например, в языке Насиои во внутренней части острова Бугенвиль в Соломоновом архипелаге (это один из палеокеанийских, т. н. папуасских, языков). Так же когда-то дело обстояло и у мордвы. **Монь узерем, тонь узереть, сусэдань узере** и т. п. значило не «мой топор», «твой топор», «топор соседа», а «топор у меня (в руке, в шалаше)», «топор у тебя (в руке, в шалаше)», «топор у соседа (в руке, в шалаше)» и т. п. Это было то же самое, что, например, **ошонь кудо** «городской дом», собств., «дом в городе». Здесь были генитивоподобные имена. Но вот созрела идея принадлежности. Генитивоподобные имена получили новое использование. Они поступили на службу обозначения раньше не мыслившегося отношения между предметами. И на этой службе они выделили из себя новое явление—генитив.

С течением времени генитив, сохранив в основном принадлежностное значение, приобрел и некоторые другие значения. Здесь остановимся на двух случаях употребления генитива: в позиции слова, предшествующего послелогу, и в позиции прямого дополнения. Послелоги некогда были полновесными именами. Так, **кудонть экшсэ** теперь значит «за тем домом», а когда-то значило «в холоду, в тени того дома», **столенть лангсо** теперь значит «на том столе», а когда-то значило «на поверхности того стола». Генитив при полновесных именах вполне понятен. Когда полновесные имена стали послелогами, генитив остался, но уже на новых основаниях. Далее, глагольные формы в одном из своих пластов некогда были именами-названиями носителя действия. Так, **кудонть неса** теперь значит «(я) тот дом увижу», а раньше значило «того дома видетель-его». Генитив при именах-названиях носителя действия вполне понятен. Когда имена-названия носителя действия превратились в глагольные формы, генитив остался, но уже на новых основаниях.

Следует отметить, что генитивоподобные имена выделили из себя, кроме генитива, еще некоторые явления, которые не приобрели качества падежных явлений (а если в свое время и приобрели, то вновь утратили), но во всяком случае перестали быть генитивоподобными именами.

Генитивоподобные имена, когда их суффикс имел вариацию на **н** плюс гласный, выделили из себя наречия (а если и падежные образования, то такие, которые далее превратились в наречия) на **н** плюс гласный, которые обозначали место на вопрос «где» или время на вопрос «когда». Если вспомнить, что генитивоподобные прилагательные могут обозначать место и время—ср. **ошонь кудо** «городской дом», **тундонь моро** «весенняя песня» и т. п., то возникновение указанных наречий вряд ли требует особых комментариев. Как наречия места указанные наречия представлены в самых скудных следах. Ср. эрз. диалект. **эснэ** «в» и т. п. Как наречия времени указанные наречия представлены, наоборот, в следах довольно богатых. Перед нами весьма большое число т. н. темпоральных образований типа эрз. **те чине,** мокш. **тя шине** «в этот день».

Далее, генитивоподобные имена выделили из себя наречия (а если и падежные образования, то такие, которые далее превратились в наречия) на **нь,** которые обозначали совместность. Идея совместности вообще весьма легко выпочковывается из идеи связи по месту. Так, в удмуртском языке при инессиве на **ын** (напр. **гуртын** «в селе», **киын** «в руке») существует одного с ним происхождения комитатив на **эн** или **ын** (напр. **гуртэн** «с селом», **киын** «с рукою»). Суть дела в том, что быть с кем-либо или чем-либо это в сущности значит быть при ком-либо или чем-либо. Наречия на **нь,** обозначающие совместность, в мордовской речи представлены такими образованиями, как **кавтонь-кавтонь** «по-двое», т. е. «вдвоем-вдвоим», собств. «двое друг с другом—двое друг с другом», а также такими образованиями, осложненными притяжательно-подобной суффиксацией, как эрз. **кавонек** (из **кавоннек**) «мы вдвоем», т. е. «мы двое друг с другом», **кавоненк** «вы вдвоем», т. е. «вы двое друг с другом», мокш. **кафоннек** «мы вдвоем», **кафонень** «вы вдвоем».

К наречиям на **нь**, обозначающим совместность, примыкают наречия на **нек** (комитативные образования). В сущности говоря, это то же самое. **К** получено, может быть, под воздействием таких случаев, как упомянутые выше образования типа эрз. **кавонек** (из **кавоннек**), **кавоненк** (из **кавонентьк**), мокш. **кафоннек, кафоненть** (из **кафонентьк**). В качестве примеров наречий на **нек** можно взять хотя бы **веленек** «всей деревней (сделать что-либо)», **ревенек-скалнэк, учанек-тракснек** «с овцами-с коровами вместе (притти, уйти и т. п.)».

Рассматриваемый путь возникновения падежных категорий не худо иллюстрируется и материалом транслатива, который у эрзи, как мы знаем, выступает как падеж. Наряду с транслативом существуют имена со словообразовательным суффиксом **кс**. Имена со словообразовательным суффиксом **кс** и транслатив сходствуют не только формально, но и по значению, семантически. Имена со словообразовательным суффиксом **кс** имеют два основных значения. Первое: «предмет, служащий в качестве чего-либо, сходный с чем-либо и т. п.». Примеры: **кикс** «черта», т. е. «нечто сходное с дорогой, дорожкой» (при **ки** «дорога»), **кивекс** «олово», т. е. «нечто сходное со свинцом» (при **кивэ** «свинец»), **сивекс** «хомут», т. е. «нечто сходное с воротником» (при **сиве** «воротник»), **вальгейкс, вайгелькс** «эхо», т. е. «нечто сходное с голосом» (при **вальгей, вайгель** «голос») и т. п. Второе значение имен со словообразовательным суффиксом **кс**: «предмет, служащий для чего-либо». Примеры: **ямкс-т** «крупа», т. е. «нечто для каши» (при **ям** «щи», а раньше и «каша», у мокши «каша»), **карькс** «обора, шпагат», т. е. «нечто для лаптя» (при **карь** «лапоть»), **суркс** «перстень», т. е. «нечто для пальца» (при **сур** «палец»), **кедькс** «браслет», т. е. «нечто для руки» (при **кедь** «рука»), **пилекс-т** «серьги», т. е. «нечто для ушей» (при **пиле** «ухо») и т. п. Транслатив имеет два совершенно параллельных основных значения. Первое: «в качестве кого, чего, как кто, что». Это наиболее обычное значение транслатива. Второе значение: «Для чего». Примеры: **очкокс** «для корыта» (**очкоксось** «то, что приготовлено—как материал—для корыта»), **пенгекс** «для дров» (**пенгексэсь** «то, что приготовлено на дрова»), ср. **мекс** «зачем», **секс** «затем». Семантическая связь между именами со словообразовательным суффиксом **кс** и транслативом очевидна. При теснейшей формальной и семантической связи между ними сомневаться в их исторической связи не приходится. Транслатив надо рассматривать как падеж, выделившийся из имен со словообразовательным суффиксом **кс**.

Рассматриваемый путь развития падежных категорий можно проследить также на материале аблатива, пролатива, абессива и компаратива. В настоящей статье на этих падежах, равно как и на некоторых падежеобразных наречиях (раньше бывших, быть может, падежами), мы однако остановиться не можем.

Другой путь возникновения падежных категорий—сращение имени с послелогом. Что касается послелога, то он в свою очередь возник из имени, оформленного в том или ином падеже, или наречия, оформленного падежеобразно.

Второй путь возникновения падежных категорий проще всего иллюстрируется материалом датива.

Обращает на себя внимание образование датива от личных местоимений: у эрзи **тень** «мне», **тенть** «тебе», **тензэ** «ему», **тенек** «нам», **тенк** «вам», **тенст** «им», у мокши **тейне** «мне», **тейть** «тебе», **тейнза** «ему», **тейнек** «нам», **тейнть** «вам», **тейст** «им». Эти образования датива построены так же, как образования вроде эрз. **алон** «подо мною», **алот** «под тобою», **алонзо** «под ним», **алонок** «под нами», **алонк** «под вами», **алост** «под ними», мокш. **алон** «подо мной», **алот** «под тобою», **алонза** «под ним», **алонок** «под нами», **алонт** «под вами», **алост** «под ними». Как последние образования связаны с послелогом эрз. **ало**, мокш. **ала**, так первые когда-то, несомненно, были связаны с послелогом эрз. **тень**, мокш. **тей**. Если обратиться к формам датива, то легко обнаруживается, что они образованы из сочетаний имени в генитиве с послелогом эрз. **тень**, мокш. **тей**. У эрзи когда-то было, например, **модань тень** «земле». Так как начальный согласный у эрзи озвончается, если без паузы предшествующее слово оканчивается на звонкий согласный, то произношение было **модань день**. Слияние имени с послелогом дало **моданденъ**. Далее вступила в действие обычная эрзянская замена **НД** через **Н** в отдалении от начала слова (ср. мокш. **уксондомс**—эрз. **уксномс**, мокш. **кизонда**—эрз. **кизна**, и т. д.), и эта замена дала то самое **моданень**, которое налицо сейчас. У мокши когда-то было, например, **модань тей** «земле». Озвончение начального согласного в послелоге (как у эрзи) дало произношение **модань дей**. Слияние имени с послелогом дало **модандей**. Далее сказалось то, что мокша-язык за пределами первого слога обнаруживает вместо **ей** обычно **и**, и это создало **моданди**, которое налицо сейчас.

Насчет происхождения послелога эрз. **тень**, мокш. **тей** можно сказать следующее. Ясно, что этот послелог возник из слова, у эрзи оформленного посредством направительного (на вопрос «куда») суффикса **нь**, который отражается и в образованиях типа **козонь** «куда», **тезэнь** «сюда», **тозонь** «туда», а у мокши оформленного посредством другого, но тоже направительного (на вопрос «куда») суффикса **й**, который, в чередовании с **в**, отражается в образованиях типа **тей** «сюда» при **ков** «куда», **тов** «туда», **модав** «к земле, на землю», а в переработанном виде также в образованиях типа **вели** «в село» при **ошу** «в город». Ср. эрз. **тей, тев** «сюда» при **ков** «куда», **тов** «туда», **модав** «к земле, на землю», **велей, велев** «в село» при **ошов** «в город» и т. п. Что касается **те**, то его мы здесь не будем касаться.

Более сложным, но в то же время более интересным образом второй путь возникновения падежных категорий выявляется на материале трех падежей—инессива, элатива и иллатива, которые составляют формально и семантически тесно связанную группу.

Вместо инессива, элатива и иллатива могут употребляться сочетания имени с послелогами: эрз. **эйсэ** (диал. **эснэ**), **эйстэ, эйс**, мокш. **эса, эста, эс**, напр. эрз. **модань эйсэ** (диал. **модань эснэ**) «в той земле», **модань эйстэ** «из той земли», **модань эйс** «в ту землю», мокш. **модать эса** «в той земле», **модать эста** «из той земли», **модать эйс** «в ту землю». У личных местоимений имеются формы эрз. **эйсэнь** (диал. **эснэнь**) «во мне»,

эйсэть (диал. **эснэть**) «в тебе» и т. д., **эйстэнь** «из меня», **эйстэть** «из тебя» и т. д., **эээзэнь** «в меня», **э з з э з т ь** «в тебя» и т. д., мокш. **эсон** «во мне», **эсот** «в тебе» и т. д., **эстон** «из меня», **эстот** «из тебя» и т. д., **эзон** «в меня», **эзот** «в тебя» и т. д. Мокшанские послелоги **эса, эста, эс** имеют более первоначальный вид, чем эрзянские. Последние обнаруживают «лишнее» **з**, в положении перед свистящим заменившееся через **й** (ср. **кардайсэ** «на дворе», **кардайстэ** «со двора», **кардайс** «на двор» от **кардаз** «двор» и т. п.), а в таких случаях, как **э з з э з э н ь, з з з з з т ь** и т. д. «лишнее» **з** без всякой замены.

Откуда взялось «лишнее» **з**, ясно: оно взялось из таких послелогов, как употребляющийся при замене аблатива послелог эрз. **эздэ** (редко), мокш. **эзда**, как употребляющейся при замене пролатива послелог **эзга**. Когда «лишнего» **з** не было, рассматриваемые послелоги у эрзи должны были звучать **эсэ, эстэ, эс**. Ориентируясь эрз. первонач. **эсэ, эстэ, эс** и мокш. **эса, эста, эс**, мы можем легко объяснить возникновение инессива, элатива и иллатива. Такие эрзянские формы, как **велесэ** «в селе», **модасо** «в землю», возникли из таких сочетаний, как **веле эсэ, мода эсэ**, а также мокшанские формы, как **велеса, модаса**, возникли из таких сочетаний, как **веле эса, мода эса**. Такие эрзянские формы, как **велестэ** «из села», **мадасто** «из земли», возникли из таких сочетаний, как **веле эстэ, мода эстэ**, а такие мокшанские формы, как **велеста, модаста**, возникли из таких сочетаний, как **веле эста, мода эста**. Такие эрзянские формы, как **велес** «в село», **модас** «в землю», возникли из таких сочетаний, как **веле эс, мода эс**, а такие мокшанские формы, как **велес, модас**, возникли из таких сочетаний, как **веле эс, мода эс**. Ср. мокш. **веленкса** «из-за, ради села» из **веле инкса, моданкса** «из-за, ради земли» из **мода инкса** и т.д.

Происхождение послелогов эрз. (первонач.) **эсэ, эстэ, эс**, мокш. **эса, эста, эс** при исследовании разъясняется.

Об. эрз. (первонач.) **эсэ** и мокш. **эса** надо сказать следующее. Мордовское **с** может вообще выступать как эквивалент **зн**. Так, мы имеем в одних эрзянских диалектах **кардайсэ** из **кардаз—со** «на дворе», а в других **кардаснэ** из **кардаз—знэ**, в одних эрзянских диалектах **онсо**, т. е. **он—со**, «во сне», а в других **онснэ** из **он—знэ**. В виду этого эрз. **эсэ**, мокш. **эса** можно разлагать на **эз** плюс **нэ, на**, которое в положении после твердого **з** выступает вместо **не**. Окончание **не** нам известно. Оно некогда образовало формы, отвечавшие на вопросы «где» или «когда». Об эрз. (первонач.) **эстэ**, мокш. **эста** надо сказать следующее. **С** тут обманно воздействию эрз. (первонач.) **эсэ**, мокш. **эса**. Первоначально тут было **з**. В виду этого эрз. (первоначал.) **эстэ**, мокш. **эста** можно разлагать на **эз**, и **дэ, да**. Окончание **дэ, да** это окончание аблатива. Аблатив отвечает на вопрос «откуда». Об эрз. (первонач.) **эс**, мокш. **эс** надо сказать следующее. Эти формы некогда были несколько более полными. Ср. мокш. **коза** «куда», **тяза** «сюда», **тоза** «туда» из **ко эза, тя эза, то эза**, а **не из ко эс, тя эс, то эс**. Но это не все. Некогда данные формы имели в своем конце даже не **з** плюс гласный, а **з** плюс гласный плюс **нь**. Ср. эрз. **козонь** «куда», **тезэнь** «сюда», **тозонь** «туда» из **ко эзэнь, те эзэнь, то эзэнь**, а не из **ко эс, те эс, то эс**. Каким об-

разом **нь** могло утратиться во всех случаях, кроме нескольких эрзянских, ясно. **нь** должно было фонетически утрачиваться во всех случаях, где следовал притяжательный или притяжательноподобный суффикс, начинавшийся на **н**. Из таких случаев утрата **нь** распространилась и в другие. В эрз. **козонь, тезэнь, тозонь нь** могло сохраниться благодаря тому обстоятельству, что эти образования никогда не получали притяжательного или притяжательноподобного суффикса. Первоначальные послелоги эрз. **ззэнь,** мокш. **ззонь** можно разложить на **зз** (э) плюс **нь, зз** (о) плюс **нь**. Окончание **нь** это старое окончание направительных образований, о которых речь уже была при обсуждении датива. Эти направительные образования отвечали на вопрос «куда». Как видно, везде обнаруживаются следы некоего слова с основной **зз**. На эту основу наросли окончания старых образований, отвечавших на вопросы «где», «откуда» и «куда». Эта же основа проявляет себя в некоторых послелогах, кроме рассмотренных.

Что же такое слово с основной **зз**?

Есть две возможности.

Первая возможность заключается в том, что **зз**—основа указательного местоимения со значением «тот» или «этот». Подтверждение как будто находится в мокш. **эса** (из **зз—на**) «там», **эста** (из **зз—да**) «оттуда», **эза** «туда». Эту основу указательного местоимения **зз** можно как будто считать возникший на базе основы указательного же местоимения **э**. Последнее отражается хотя бы в эрз. диал. сложном **эте** «этот», которое нет нужды объяснять через русское воздействие. Возникновение основы **зз** на базе основы **э** может как будто иметь следующее объяснение. **з**-овый формант некоторыми считается старым признаком направительных образований. Если это так, то, появившись в направительном образовании, этот **з**-овый формант мог срастись с **э**, создав таким образом новую основу **зз**.

Указанная первая возможность встречает ряд противопоказаний. Ничто не доказывает существования в прошлом **з**-ового форманта направительных образований. Из других финно-угорских языков в пользу такого форманта направительных образований могут быть привлечены лишь допускающие двоякое истолкование факты. Это во-первых. Во-вторых, объяснение послелогов эрз. **эйсэ** и т. д. и мокш. **эса** и т. д. из указательного местоимения глубоко **противоречит** структурным особенностям мордовской речи. Выходит так, что **модантъ эйсэ, модать эса** и т. д. когда-то значили «той земли там» и т. д., где при **эйсэ, эса** «там» и т. п. было определение в родительном падеже. С точки зрения структурных особенностей мордовской речи ожидалось бы совсем другое. Ожидалось бы, чтобы **модантъ эйсэ, модать эса** и т. д. когда-либо значило «той земли в середине, в нутре, в сердце, в душе (своего рода нутре)» и т. д. Что касается совпадения послелогов **эйсэ, эса** и т. п. с мокшанскими образованиями **эса** «там» и т. п., то оно может быть совершенно случайным. Как **косо, коса** «где» и т. п. возникли из **ко эсэ, ко эса** и т. п., так и **эса** «там» и т. д. могли возникнуть из **э эса** и т. п.

Следует, очевидно, обратиться к какой-либо другой возможности, ориентируясь на то, что **зз** когда-то значило что-нибудь вроде «се-

редина, нутро, сердце, душа (своего рода нутро)». И такая возможность разыскивается с помощью других финно-угорских языков. В коми и удмуртском языке, как это указал В. И. Алатырев, есть слово **ас**, точно соответствующее мордовскому **зз**. В настоящее время коми и удмуртское **ас** употребляется в части форм местоимения со значением «сам», а в позиции определения как местоимение со значением «свой, собственный». Эти значения **ас** в коми и удмуртском языках не древнейшие. Древнейшее его значение раскрывается, как только мы обращаем внимание на его чередование с **ач**, которое употребляется в другой части форм местоимения со значением «сам». А история значений **ач** давно прослежена в науке. Коми и удмуртские **ачым** «я сам», **ачыд** «ты сам», **ачыз** «он сам» и т. д. некогда значили «моя душа», «твоя душа», «его душа» и т. д. Таким образом мордовскому **зз**, оказывается, можно приписывать прежнее значение «душа». Заметим, что в то время как коми и удмуртское **ас** является точным соответствием мордовскому **зз**, коми и удмуртское **ач** является точным соответствием мордовскому **ззь, зсь.** Последнее обнаруживает сходное значение. Оно в слиянии с личными местоимениями выступает со значением «сам» (**мон—сь** «я сам», **тон—сь** «ты сам», **сон—сь** «он сам» и т. д.), а в позиции определения выступает как местоимение со значением «свой, собственный». Прощупывается в нем и значение «душа». Имеем в виду эрз. **зсь орма,** мокш. **эсь урма** «эпилепсия», т. е. вовсе не «своя, собственная болезнь», а «душе-болезнь».

О происхождении мордовских числовых категорий

В речи существует два семантически близких явления: с одной стороны, множественное число имени, а с другой стороны, собирательное имя. Так, в русском языке перед нами, с одной стороны, **бедняки**, а с другой стороны, **беднота**, с одной стороны, **кулаки**, а с другой стороны, **кулачество.** Есть, конечно, и семантическое различие: собирательное имя обозначает некоторую совокупность как более или менее законченную, чего нельзя сказать о множественном числе имени. Но это различие не может заслонить семантической близости, тем более, что на практике это различие часто стирается. Главное различие между множественным числом имени и собирательным именем не семантическое, а грамматическое. Множественное число имени это категория словоизменительная. Собирательное же имя это (если собирательный характер отмечен морфологически) категория словообразовательная. Отличить словоизменительную и словообразовательную категорию в данном случае, как и всегда, можно по наличию или отсутствию проявления соответствующих категорий в синтактическом плане. Конкретно говоря, это значит: отличить множественное число имени и собирательное имя можно по наличию или отсутствию участия соответствующих категорий в согласовании по числу. Если перед нами согласование по числу, можно говорить о множественном числе. Если согласования по числу нет, приходится говорить о собирательном имени.

В мордовской речи числовые категории установились, как мы знаем,

в плане согласования подлежащего и сказуемого. Что же было до того, как возникло согласование подлежащего и сказуемого? Те формы, которые в позднейшие времена выступили как носители числовых категорий, до этого таковыми не были, ибо таковых вне согласования не существует. Они были до этого носителями категории словообразовательного порядка. Таким образом: мордовские числовые категории продолжают прямо более ранние словообразовательные категории. Тут то же самое, что со старейшим пластом падежей: те тоже продолжают прямо более ранние словообразовательные категории.

Остановимся на признаке множественного числа **т (ть)**. Кроме общих соображений, есть и особые основания к этому, чтобы утверждать происхождение этого признака множественного числа из словообразовательного суффикса с собирательным значением. Кое-какие основания этого рода разыскиваются в мордовской речи. Обращают на себя внимание эрзянские образования типа **авидень** «моя мать и другие с нею». **Д**, по происхождению тождественное с **т (ть)**, здесь входит в состав словообразовательного оборудования слова, категория же множественности показывается не им, а **нь** и т. п. (ср. **велень** «мои села» и т. п.). Гораздо больше оснований того же рода почерпается из других финно-угорских языков, где выступает **т**-овый признак множественного числа.

О происхождении мордовских склонений-рядов

Происхождение мордовских склонений-рядов выясняется гораздо проще, чем происхождение мордовских падежных и числовых категорий. Давно признано, что в образовании форм определенного склонения приняли участие указательные местоимения (эрз. **се**, мокш. **ся** «тот» и эрз. **те**, мокш. **тя** «этот»), а в образовании форм притяжательного склонения личные местоимения, несколько особо оформленные, а у мокши отчасти и указательные местоимения. В подробности не входим.

Из истории освещения мордовского склонения

До последнего времени мордовское склонение оставалось научно чрезвычайно мало освещенным.

В буржуазной науке, которая вообще и не стремится освещать языковые явления исторически (она довольствуется лишь восстановлением «праязыков» и констатацией заимствований), можно разыскать лишь кое-какие более или менее случайные крупицы освещения мордовского склонения.

Вопрос о составе форм мордовского склонения в буржуазной науке не был ни разрешен, ни даже серьезно поставлен.

Вопрос о взаимосвязи мордовских падежей, чисел и т. д. в буржуазной науке даже не возбуждался.

Вопрос о происхождении мордовских падежей в буржуазной науке не был ни разрешен, ни даже серьезно поставлен. Можно констатировать лишь некоторые правильные наблюдения в этой области. Так, издавна высказывалась мысль, что мордовский генитив исторически связан с име-

нами на **нь**, хотя вопрос о разграничении тех и других никогда не был серьезно поставлен. Правильно был освещен мордовский датив. Наряду с этими правильными наблюдениями следует отметить ряд неправильных мнений. Так, издавна укрепилась мысль, что имена со словообразовательным суффиксом **кс** являются по происхождению уменьшительными, и эта мысль отрицала всякую возможность их сопоставления с транслативом. Инессив, элатив и иллатив трактовались неправильно. Объяснения им не давалось. Их окончания отрывались от послелогов эрз. **эйсэ** и т. д. и мокш. **эса** и т. д. Последние объяснялись как образования местоименного происхождения.

Вопрос о происхождении мордовских числовых категорий в буржуазной науке даже не возбуждался.

Только вопрос о происхождении мордовских склонений-рядов в буржуазной науке был проработан вполне удачно. Но иначе вряд ли и могло быть: участие местоимений в сформировании склонений-рядов настолько бросается в глаза, что совершенно невозможно его не заметить.

Освещение мордовского склонения таким образом почти целиком оказалось на плечах советской науки. Советская наука впервые точно выяснила состав форм мордовского склонения. Она выдвинула и разрешила вопрос о взаимосвязи мордовских падежных, числовых и др. категорий. Она впервые серьезно поставила и разрешила вопрос о происхождении мордовских падежных категорий. Она впервые возбудила и разрешила вопрос о происхождении мордовских числовых категорий.

Литература

1) **А. А. Шахматов**, Мордовский этнографический сборник, Петербург, 1911 г.

2) *J. Szinnyei, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Berlin-Leipzig*, 1922 г. (2-ое изд.)

3) **М. Е. Евсевьев**, Основы мордовской грамматики, Москва, 1929 и 1931 гг.

4) **Д. В. Бубрих**, Звуки и формы эрзянской речи по говору с. Козловки, Москва, 1930 г.

5) Морфология, орфография и грамматическая терминология эрзянского и мокшанского языков, Саранск, 1939 г.

6) **Д. В. Бубрих**, Происхождение именного словоизменения в финно-угорских языках (3 доклада в ИЯМ А. Н. СССР), направляется в печать.

Приложение. Таблица склонения в мордовских языках

(простые формы)

Неопределенное склонение

	Эрзя		Мокша	
	Ед. ч.	**Мн. ч.**	**Ед. ч.**	**Мн. ч.**
Ном.	**мода**	**модат**	**мода**	**модат**
Ген.	**модань**		**модань**	
Дат.	**моданень**		**моданди**	
Аблат.	**модадо**		**модада**	
Инесс.	**модасо**		**модаса**	

Элат.	модасто	модаста
Иллат.	модас	модас
Пролат.	модава	модава
Компар.	модашка	модашка
Абесс.	модавтомо	модафтома
Транслат.	модакс	

Определенное склонение

	Эрзя		Мокша	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Ном.	модась	модатне	модась	модатне
Ген.	модантъ	модатнень	модать	модатнень
Дат.	модантень	модатненень	модати	модатненди
Аблат.	модадонть	модатнеде	—	—
Инесс.	модасонть	модатнесэ	—	—
Элат.	модастонть	модатнестэ	—	—
Иллат.	(дат.)	(дат.)	—	—
Пролат.	модавантъ	модатнева	—	—
Компар.	модашкантъ	модатнешка	—	—
Абесс.	модавтомонть	модатневтеме	—	—
Транс.	—	—		

Притяжательное склонение
Ряд „мой“

	Эрзя		Мокша	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Ном.	модам	модан	модазе	модане
Ген.	модам (авань)		модазень	моданень
Дат.	(аванень)		модазенди	моданенди
Аблат.	модадон		модадон	
Инесс.	модасон		модасон	
Элат.	модастон		модастон	
Иллат.	модазон		модазон	
Пролат.	модаван		модаван	
Компар.	модашкан		модашкан	
Абесс.	модавтомон		модафтомон	
Транслат.	(аваксон)			

Ряд „твой“

	Эрзя		Мокша	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Ном.	модат		модаце	модатне
Ген.	модат (авать.)		модацень	модатнень
Дат.	(аватень)		модаценди	модатненди

Аблат.	**модадот**	**модадот**
Инесс.	**модасот**	**модасот**
Элат.	**модастот**	**модастот**
Иллат.	**модазот**	**модазот**
Пролат.	**модават**	**модават**
Компар.	**модашкат**	**модашкат**
Абесс.	**модавтомот**	**модафтомот**
Транслат.	**(аваксот)**	

Ряд „его“

	Эрзя		Мокша	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Ном.	**модазо**	**моданзо**	**модац**	**моданза**
Ген.	**моданзо, аванзо**		**моданц**	**моданзон**
Дат.	**(аванстэнь)**		**моданцты**	**моданзонды**
Аблат.	**модадонзо**		**модадонза**	
Инесс.	**модасонзо**		**модасонза**	
Элат.	**модастонзо**		**модастонза**	
Иллат.	**модазонзо**		**модазонза**	
Пролат.	**модаванзо**		**модаванза**	
Компар.	**модашканзо**		**модашканза**	
Абесс.	**модавтомонзо**		**модафтомонза**	
Транслат.	**(аваксонзо)**			

Ряд „наш“

	Эрзя		Мокша	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Ном.	**моданок**		**моданьке**	
Ген.	**моданок, аванок**		**моданькень**	
Дат.	—		**моданькенди**	
Аблат.	**модадонок**		**модадонок**	
Инесс.	**модасонок**		**модасонок**	
Элат.	**модастонок**		**модастонок**	
Иллат.	**модазонок**		**модазонок**	
Пролат.	**модаванок**		**модаванок**	
Компар.	**модашканок**		**модашканок**	
Абесс.	**модавтомонок**		**модафтомонок**	
Транслат.	**(аваксонок)**			

Ряд „ваш“

	Эрзя		Мокша	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Ном.	моданк		моданте	
Ген.	моданк, аванк		модантень	
Дат.	—		модантенди	
Аблат.	модадонк		модадонт	
Инесс.	модасонк		модасонт	
Элат.	модастонк		модастонт	
Иллат.	модазонк		модазонт	
Пролат.	модаванк		модавант	
Компар.	модашканк		модашкант	
Абесс.	модавтомонк		модафтомонт	
Транслат.	(аваксонк)			

Ряд „их“

	Эрзя		Мокша	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Ном.	модаст		модасна	
Ген.	модаст, аваст		модаснон	
Дат.	—		модаснонды	
Аблат.	модадост		модадост	
Инесс.	модасост		модасост	
Элат.	модастост		модастост	
Иллат.	модазост		модазост	
Пролат.	модаваст		модаваст	
Компар.	модашкаст		модашкаст	
Абесс.	модавтомост		модафтомост	
Транслат.	(аваксост)			

Ф. Сульдин.

Принципы эрзянского правописания

Эрзянское письмо как и русское—звуковое. При таком письме слова состоят из букв, при помощи которых речь передается на письме путем изображения ее звуковой стороны.

Письмо, чтобы было легко понятным всем, кто им пользуется, должно быть единообразным. Поэтому знаки письма и правила их употребления должны быть обязательными для всех.

Система правил, при помощи которых устанавливается единообразная передача речи на письме, называется **орфографией,** или **правописанием.**

При звуковом письме орфография может строиться на двух принципах: **морфологическом** или **фонетическом.** Каждый из этих принципов устанавливает разное соотношение между буквами алфавита и звуковой системой языка.

При **морфологическом** принципе письма буквами передаются только основные звуки языка, а их различные изменения не передаются. При морфологическом принципе письма основные звуки языка вместе со всеми их изменениями обозначаются одними и теми же буквами, чем и достигается единство в написании отдельных слов и их частей.

При **фонетическом** принципе письма, в отличие от морфологического, на письме передаются не только основные звуки языка, но и их изменения. Этим достигается большее соответствие между письмом и произношением.

Однако редко, когда орфография какого-нибудь языка строится лишь на одном из вышеуказанных принципов: **морфологическом** или **фонетическом.** Обыкновенно орфографии строятся на комбинированном принципе, т. е. **морфологическо-фонетическом.** При морфологическо-фонетическом принципе письма достигается возможно близкое соответствие написания произношению, с одной стороны, и единство в написании отдельных слов и их частей — с другой.

Каждый из этих принципов в орфографиях разных языков выступает в различной степени. Есть орфографии, в которых преобладает **фонетический** принцип письма, а в других, наоборот, **морфологический.**

В 1933 году мордовской языковой конференцией для эрзянской орфографии был установлен **морфологический** принцип письма или как его тогда называли—**принцип неизменности основы слова.** Принцип неизменности основы слова заключается в том, что основы слов при склонении (имени) и при спряжении (глагола) остаются неизменными, а к этим неизменным основам агглютинируются (приписываются), буквально «приклеиваются» при изменении (склонении, спряжении) суффиксы. Напри-

мер, в склонении: **пандо-т**—горы или твои горы; **панго-т**—грибы или твои грибы; **очко-т**—корыта или твои корыта; **сельме-ть**—глаза или твои глаза; **эрьке-ть**—озера или твои озера и т. д.

При принципе неизменности основы, основы слов типа: пандо, панго, очко, сельме, эрьке и т. д. при словоизменении остаются неизменными, а к этим неизменным основам приписывается формальная частица (суффикс). Формальной частицей именительного падежа множественного числа неопределенного склонения и именительного падежа притяжательного склонения ряда **тонь**—твой является суффикс **т.** Формами пандо-т, панго-т, очко-т, сельме-ть, эрьке-ть и т. д. до конференции 1938 г. обозначались именительный падеж множественного числа неопределенного склонения и именительный падеж притяжательного склонения ряда **тонь**—твой. Формы пандо-т, панго-т, очко-т, сельме-ть, эрке-ть и т. д. являются формами именительного падежа притяжательного склонения ряда **тонь**—твой, а для именительного падежа множественного числа неопределенного склонения в живой эрзянской речи и в литературном языке вместо них употребляются панд-т, панг-т, очк-т, сельм-ть, эрьк-ть и т. д.

Кроме именительного падежа **принцип неизменности основы слова** в эрзянской орфографии в неопределенном склонении проводился и в других падежах, например. в **местном; пандо-со**—в горе, **панго-со**—в грибе, **очко-со**—в кортыте, **сельме-сэ**—в глазу, **эрьке-сэ**—в озере и т. д.; **в исходном: пандо-сто**—с горы, **панго-сто**—из гриба, **очко-сто**—из корыта, **сельме-стэ**—из глаза, **эрьке-стэ**—из озера и т. д.; **в вносительном: пандо-с**—в гору, **панго-с**—в гриб, **очко-с**—в корыто, **эрьке-с**—в озеро и т. д. Приведенные примеры опять-таки искусственны и совершенно не употребительны в живой эрзянской речи. В живой эрзянской речи употребляются, **в местном** падеже: **панд-со**—в горе, **панг-со**—в грибе, **очк-со**—в корыте, **сельм-сэ**—в глазу, **эрьк-сэ**—в озере и т. д.; в **исходном: панд-сто**—с горы, **панг-сто**—из гриба, **очк-сто**—из корыта, **сельм-стэ**—из глаза, **эрьк-стэ**—из озера и т. д.; в **вносительном: панд-с**—в гору, **панг-с**—в гриб, **очк-с**—в корыто, **сельм-с**—в глаз, **эрьк-с** —в озеро и т. д.

Принцип неизменности основы слова проводился также и в спряжении.

В безобъектном спряжении в повелительном наклонении во 2-м лице при неизменности основы слова писали: **виде-к**—сей, **симе-к**—пей, **нуе-к**—жни, **кочке-к**—поли и т. д. вместо **вид-ть, сим-ть, ну-к, кочк-т** и т. д.

Формы: **виде-к, симе-к, нуе-к, кочке-к** и т. д. для повелительного наклонения в эрзянском языке являются формами не безобъектного, а объектного спряжения при субъекте **тон** и объекте **сонзэ**. Например: тон модантъ видек—ты землю (ее) засей; тон пандянть кочкек—ты грядку (ее) выполи; тон ведентъ симек — ты воду (ее) вылей; тон пинементъ нуек—ты овес (его) сожни и т. д.

Таким образом принцип неизменности основы слова влек за собой отрыв эрзя-мордовского литературного языка от живой речи, имел своей целью затормозить дальнейшее развитие эрзянского языка, препятствовать его переходу на новую ступень развития.

Мордовская научная языковая конференция, происходившая в гор. Саранске 20—29 марта 1938 г., установила для эрзянской орфографии **морфологическо-фонетический** принцип письма.

Морфологическо-фонетический принцип письма для эрзянской орфографии взят не случайно: он наиболее полно отражает особенности эрзянского языка и приближает литературный язык к разговорной речи. При морфологическо-фонетическом принципе письма не получается того расхождения между литературным языком и разговорной речью, как это было при **морфологическом принципе письма** или **принципе неизменности основы слова.**

Теперь рассмотрим, какое же место языковая конференция отвела в эрзянской орфографии тому и другому принципу и в каких именно случаях применяется тот и другой принцип.

Неопределенное склонение.

	произносится	пишется	произносится	пишется
Отложит.	колхоз-до	колхоз-до	завот-то	завод-то
Местный	колхос-со	колхоз-со	завот-со	завод-со
Исходный	колхос-сто	колхоз-сто	завот-сто	завод-сто
Вносительный	колхос-с	колхоз-с	завот-с	завод-с
Перемест.	колхоз-га	колхоз-га	завод-га	завод-га
Сравнительный	колхос-шка	колхоз-шка	завот-шка	завод-шка
Изъятельный	колхос-томо	колхоз-томо	завот-томо	завод-томо

Приведенные примеры показывают, когда морфологический принцип письма выступает в написании основ слов (имен). Основы слов **колхоз, завод** во всех приведенных семи падежах сохраняются, несмотря на то, что в одних падежах за звонкими согласными в конце основ следуют тоже звонкие согласные, а в других—глухие.

Падежные окончания во всех приведенных падежах пишутся по фонетическому принципу. В слове **колхоз** за звонким **з** в конце основы, кроме отложительного и переместительного падежей и в слове **завод** за звонким **д** в конце основы, кроме переместительного падежа, пишутся падежные окончания, начинающиеся с глухих согласных.

Но почему же получается так, что в одном и в том же падеже, как в отложительном, в одном слове после звонкого в конце основы пишется падежное окончание, начинающееся **тоже с звонкого** согласного, как например: **колхоз, колхоз-до,** в другом—наоборот, после звонкого в конце основы пишется падежное окончание, начинающееся с глухого согласного, например, **завод, завод-то?** В переместительном падеже в словах **колхоз** и **завод** после звонких согласных **з, д** в конце основ пишется падежное окончание—**га,** тоже начинающееся с звонкого согласного. В остальных падежах везде после звонких в конце основ пишутся падежные окончания, начинающиеся с глухих согласных.

Такое различное написание падежных окончаний, когда в одном случае после звонкого в конце основы пишется падежное окончание начинающееся тоже с звонкого согласного и, наоборот, когда после звонкого в конце основы пишется падежное окончание, начинающееся

с глухого согласного, зависит от происходящей между конечным звуком основы и начальным звуком падежного окончания ассимиляции.

В отложительном падеже **колхоздо** при присоединении к основе слова **колхоз** падежного окончания **то,** происходит прямая ассимиляция, т. е. звонкий основы **з** уподобляет себе начальный падежного окончания **т** и превращает тоже в звонкий **д**. Поэтому слышится и пишется падежное окончание **до,** тоже начинающегося с звонкого согласного. В слове **заводто,** при присоединении к основе слова **завод** падежного окончания **то,** происходит обратная ассимиляция: начальный падежного окончания **т** уподобляет себе конечный основы **д** и превращает его тоже в глухой **т.** Поэтому произносится **завот-то,** но нужно писать **завод-то.***

Если бы стали писать как произносится **завот-то,** то нарушили морфологический принцип написания основы слова **завод.**

В падежах: местном **колхоз-со, завод-со;** исходном **колхоз-сто, завод-сто;** вносительном **колхоз-с, завод-с;** сравнительном **колхоз-шка, завод-шка;** изъятельном **колхоз-томо, завод-томо** при присоединении к основам слов **колхоз, завод** падежных окончаний происходит обратная ассимиляция. Если бы стали писать в местном падеже **колхос-со, завот-со;** исходном **колхос-сто, завот-сто;** вносительном **колхос-с, завот-с;** сравнительном **колхос-шка, завот-шка;** изъятельном **колхос-томо, завот-томо,** то опять нарушили бы морфологический принцип написания основ слов **колхоз, завод.**

Другой пример, когда основы слов оканчиваются на глухие согласные.

Неопределенное склонение.

	произносится и пишется	произносится и пишется
Отложительный	ош-то	пикс-тэ
Местный	ош-со	пикс-сэ
Исходный	ош-сто	пикс-стэ
Вносительный	ош-с	пикс-(э)с
Переместительный	ош-ка	пикс-ка
Сравнительный	ош-шка	пикс-шка
Изъятельный	ош-томо	пикс-тэме

В приведенных примерах написание основы слов тоже происходит по морфологическому принципу, а падежных окончаний—по фонетическому принципу. Основы слов **ош, пикс** оканчиваются на глухие согласные **ш, с.** За глухими согласными в конце основ **ш, с** слышатся и пишутся падежные окончания, начинающиеся с глухих согласных.

Написание основ слов по морфологическому принципу и падеж-

---

* При встрече звонкого д с последующим т при словоизменении всегда происходит обратная ассимиляция: од—отто(молодой—о молодом),кедь—кетте (рука—о руке), сёрмадомс—сёрматтано (писать—пишем). Орфографически в этих случаях ассимиляция в рассчет не принимается, т. к. она касается основы: одто (о молодом), кедте (о руке), сёрмадтано (пишем).

ных окончаний по фонетическому принципу происходит также в определенном и в притяжательном склонениях.

В спряжении, как и в склонении, в написании глагольных основ выступает морфологический принцип письма, а в написаниях личных окончаний — фонетический принцип.

Например:

Безобъектное спряжение.

Настоящее время.

Множ. число.

	произносится	пишется	произносится	пишется
1 л.	Минь вит-тяно	вид-тяно	лет-тяно	лед-тяно
2 л.	Тынь вит-тядо	вид-тядо	лет-тядо	лед-тядо
1 л.	Минь сёрмат-тано	сёрмад-тано	понк-тано	понг-тано
2 л.	Тынь сёрмат-тадо	сёрмад-тадо	понк-тадо	понг-тадо

Приведенные примеры показывают, когда глагольные основы **вид** (емс), **лед** (емс), **сермад** (омс), **понг** (омс) сохраняются, несмотря на то, что за звонкими в конце основ в 1 и во 2 л. множ. числа выступают и пишутся глухие согласные.

Такое написание глагольных основ и личных окончаний, когда за звонкими в конце основ слышатся и пишутся личные окончания, начинающиеся с глухих согласных, зависит от происходящей обратной ассимиляции. По обратной ассимиляции мы должны были написать в 1 лице множ. числа **вит-тяно, лет-тяно, сермат-тано, понк-тано,** во 2 лице— **вит-тядо, лет-тядо, сермат-тадо, понк-тадо.** Если бы стали на письме придерживаться обратной ассимиляции, то тогда нарушили бы морфологический принцип написания глагольных основ.

Другой пример:

Безобъектное спряжение.

Настоящее время.

Множ. число.

	произносится и пишется	произносится и пишется	произносится и пишется	произносится и пишется
1 л.	Минь моль-дяно	куз-дяно	веш-тяно	лис-тяно
2 л.	Тынь моль-дядо	куз-дядо	веш-тядо	лис-тядо

В первых двух примерах за звонкими в конце основ слышатся и пишутся личные окончания, начинающиеся с звонких согласных — **дяно, дядо,** в двух других примерах за глухими в конце основ слышатся и пишутся личные окончания, начинающиеся с глухих согласных —**тяно, тядо.** В первом случае происходит прямая ассимиляция.

Основы глаголов 2 лица един. числа, повелительного наклонения также пишутся по морфологическому принципу, а личные окончания— по фонетическому.

Например: вид-емс (сеять)—вид-ть (сей), сермад-омс (писать) — сермад-т (пиши), лед-емс (косить, стрелять) — лед-ть (коси, стреляй), эж-емс (греться)—эж-ть (грей), куз-емс (подняться)—кузть (поднимись), веш-емс (просить)—веш-ть (проси), лис-емс (выйти)—лис-ть (выйди) и т. д.

После всего изложенного мы можем сделать такой вывод.

В словоизменительном ряде при склонении имен и при спряжении глаголов основы имен и глаголов остаются неизменными.

В именах, когда между основой имени и падежным окончанием, и в глаголах, когда между основой глагола и личным окончанием, происходит прямая ассимиляция, на письме эта прямая ассимиляция соответствующей буквой и обозначается. Если же между основой имени и падежным окончанием и между основой глагола и личным окончанием происходит обратная ассимиляция, то на письме эта обратная ассимиляция соответствующей буквой не обозначается и основы имени и глаголов остаются неизменными.

Закон таков: в словоизменительном ряде—в склонении, спряжении написание основ последовательно проводится по морфологическому принципу, написание падежных окончаний в склонении и личных окончаний в спряжении последовательно проводится по фонетическому принципу.

В правописании послелогов последовательно проводится морфологический принцип письма.

Например: **ки ланг-а**—по дороге, **ки ланг-сто**—с дороги, **ки ланг-с**—на дорогу; **сонзэ кедь-сэ**—у него, **сонзэ кедь-стэ**—с него, от него; **розенть пот-сто** а неяват—во ржах не видать тебя; пилась совась чувтонть **пот-с**—пила вошла в дерево; чувто **ютк-со** аштян—стою между деревьями; пильгем чочко **ютк-с** понгсь—нога моя попала между бревнами; пинеме **ютк-сто** кснав муинь—между овсом я горох нашел и т. д.

В словообразовательном ряде во всех случаях в эрзянской орфографии проводится фонетический принцип письма.

Так, когда из двух или более слов образуется новое сложное слово и когда первое слово оканчивается на звонкий согласный, а второе начинается с глухого согласного, то при этом происходит прямая ассимиляция: предыдущий звонкий звук (конечный звук основы первого слова) уподобляет себе последующий глухой звук (начальный звук второго слова) и превращает его в звонкий. Это сложное слово пишется слитно и по фонетическому принципу.

Например: эй (лед) + сюро (рог), **эйзюро** (сосулька); тов (ядро) + сюро (хлеб), **товзюро** (пшеница); ен (хороший)+тол (огонь), **ендол** (молния); ведь (вода)+кев (камень), **ведьгев** (мельница); вайгель (голос)+пе (конец), **вайгельбе** (верста); васонь(встречный) + пеельть (ножи), **васоньбеельть** (ножницы); сэнь (синий)+кев (камень), **сэньгев** (синий купорос); лем (черемуха)+сий (вошь), **лемзий** (клещ); сельме (глаз)+ведь

(вода), **сельведь** (слеза); седей (сердце)+пелькс (осколок, часть), **седейбелькс** (младший брат).

Сложные слова с компонентом **пуло** пишутся слитно и фонетически, если компонент **пуло** не передает свое собственное значение.

Например: куз (ель), пуло, **кузбуло** (ельник); каль (ива), пуло, **кальбуло** (ивняк, кустарник); сильдей (кочка), пуло, **сильдейбуло** (кочкарник); нудей (камыш), пуло, **нудейбуло** (место, поросшее камышом); карч (валежник), пуло, **карчпуло** (где много всякого хворосту).

Фонетический принцип письма проводится также при образовании слов при помощи различных словообразовательных суффиксов. При этом, если основа слова оканчивается на звонкий согласный, а суффикс начинается с глухого согласного, то при слиянии основы слова с суффиксом между конечным основы и начальным суффикса, происходит обратная ассимиляция.

Например: кедь (рука) + кс, **кетькс** (браслет); недь (рукоятка) + кс, **нетькс** (ботва); виздемс (стыдиться) + кс, **виськс** (стыд); ризнэмс (печалиться) + кс, **рискс** (печаль); **сэредемс** (болеть) + кс, **сэретькс** (боль); озяз (воробей) + ке, **озяске** (воробушек), озяз+нэ, **озязнэ** (тоже воробушек); тарад (ветка) + ке, **таратке** (веточка), тарад+нэ, **тараднэ** (тоже веточка); сараз (курица) + ке, **сараске** (курочка), сараз + нэ, **саразнэ** (тоже курочка); тарваз (серп) + ке, **тарваске** (серпик), тарваз + нэ, **тарвазнэ** (тоже серпик).

Также и в глаголах.

Примеры: **чамдомс** (опростать)—**чамтнемс** (опрастывать); **пужомс** (вянуть)—**пуштомс** (вялить); **реззмс** (чахнуть, жариться)—**рестамс** (жарить); **куземс** (подняться)—**кустемс** (поднять); **кандомс** (нести)—**кантнемс** (носить); **таргамс** (вынуть, курить)—**тарксемс** (вынимать, покуривать); **кундамс** (поймать)—**кунсемс** (ловить); **пургамс** (брызнуть)—**пурксемс** (брызгать); **панжомс** (открыть)—**панчтнемс** (открывать).

Числительные в эрзянском языке пишутся только по фонетическому принципу.

Например: **кемень** (десять), **кавто** (два), **кемгавтово** (двенадцать); **кемень** (десять), **колмо** (три), **кемголмово** (тринадцать); **кемень** (десять), **кото** (шесть), **кемготово** (шестнадцать); **кемень** (десять), **сисем** (семь), **кемзисемге** (семнадцать); **комсь** (двадцать), **сисем** (семь), **комсьсисемге** (двадцать семь); **колмо** (три), **кемень** (десять), **колоньгемень** (тридцать); **вете** (пять), **кемень** (десять), **ведьгемень** (пятьдесят); **кото** (шесть), **кемень** (десять), **кодгемень** (шестьдесят); сисем (семь), **кемень** (десять), **сизьгемень** (семьдесят) и т. д.

Наречия, образованные от других частей речи, пишутся по фонетическому принципу.

Например: **сееде** (частый)—**сеетьстэ** (часто); **мекев** (обратно)—**кенере** (локоть)—**меньгенерть** (наотмаш); **виздемс** (стыдиться)—**виськстэ** (поматерно); **виде** (прямой)—**витьстэ** (прямо) и т. д.

Частицы **гак, как** пишутся также по фонетическому принципу.

Например: **монгак** (и я), **тонгак** (и ты), **минськак** (и мы), **виревгак** (и в лес), **авамгак** (и моя мать), **сыньскак** (и они) и т. п.

Слова, вошедшие в эрзянский язык через русский язык, пишутся:

а) основы согласно русской орфографии, б) окончания при словоизменении согласно эрзянскому правописанию.

Например: Совет, комммунист, большевик, партия, колхоз, трактор; бригадир, депо, метро, Баку, Тбилиси и т. д., но советэнь, коммунистэнь, большевикень, партиянь, колхозсо, тракторсо, бригадирэнь, депосо, метрова, Бакусо, Тбилисисэ и т. д.

Слова, оканчивающиеся на—**изм,—тр,—ин,—рн,** в эрзянском языке принимают к основе **а.**

Например: коммунизм—коммунизма, ленинизм—ленинизма, коминтерн—коминтерна, театр—театра, комбайн—комбайна и т. д.

В словах, оканчивающихся на—**ство,—о,—е,** вместо—**о,—е** в конце слова пишется—**а, — я.**

Например: хозяйство—хозяйства, строительство—строительства, искусство—искусства, перо—пера, ведро—ведра, море—моря и т. д.

Некоторые русские слова, начинающиеся на букву **ч,** в эрзянской орфографии пишутся через **ц.**

Например: чулок—цюлка, чулан—цюлан и т. д.

Однако не следует думать, что вышеизложенные принципы вполне определенно решают все случаи, встречающиеся при письме. В эрзянской орфографии есть такие случаи, когда написание отдельных слов вместо морфологического принципа идет по фонетическому принципу, и, наоборот, вместо фонетического — по морфологическому.

Например: от глагола **нельгемс** повелительное наклонение будет **нельк** вместо морфологического **нельгть, селгомс—селк** вместо **селгт, сельгемс—сельк** вместо **сельгть** и т. д.

В эзянском языке все согласные звуки делятся на парные и непарные. К парным относятся восемь звуков, а именно: д, з, л, н, р, с, т, ц. Остальные согласные относятся к непарным. Д, з, л, н, р, с, т, ц называются парными потому, что они имеют мягкие пары дь, зь, ль, нь, рь, сь, ть, ць. Непарные подобных пар не имеют. Если указанные восемь звуков могут быть и мягкими, то встает вопрос, как эту мягкость обозначать на письме: мягким знаком или каким-нибудь иным способом. В эрзянском языке мягкость парного согласного на письме может обозначаться двумя способами: посредством букв **я, ю, ё, е, и** и мягкого знака.

Посредством букв **я, ю, ё, е, и** мягкость парного согласного обозначается перед гласными **а, у, о, э, и.** Если за мягким парным идет гласная **а,** то мягкость парного согласного обозначается посредством буквы **я.** Например: конья—коня, варья—варя, вадрьа—вадря, блидьа—блидя, редьамс—редямс, рицьага—рицяга, ровньамс—ровнямс, ростьамс—ростямс, руцьа—руця, рьабой—рябой, смольамс—смолямс, спорьамс—спорямс.

Перед **у** мягкость парного согласного обозначается посредством **ю.** Например: сьува—сюва, сьулгамо—сюлгамо, сьуро—сюро, сьулмо—сюлмо, цьулка—цюлка, тьужа—тюжа, тьуремс—тюремс, цьулан — цюлан, цьурамс—цюрамс, дьужина—дюжина, дьуйма—дюйма, лькша—люкша, льцерна—люцерна и т. д.

Перед **о** мягкость парного согласного обозначается посредством **ё.** Например: дьоготь—дёготь, дьоргадемс—дёргадемс, дьошева—дёшева, зьорна—зёрна, льоза—лёза, льотчик—лётчик, льон—лён, сьорма—сёрма,

сьолгомс—сёлгомс, сьовонь—сёвонь, сьолт—сёлт, тьозка—тёзка, тьос—тёс, тьорка—тёрка, цьоко—цёко, цьора—цёра, цьотмар—цётмар и т. д.

Перед **э** мягкость парного согласного обозначается посредством **е**. Например: дьэпутат—депутат, дьэлегат—делегат, зьэпе—зепе, льэзэ—лезэ, ньэвтемс — невтемс, ньэдля — недля, рьезолюция — резолюция, рьэшамс—решамс, сьэзьган—сезьган, сьэльме—сельме, тьэле—теле, тьэрдемс—тердемс, цьэтьверг—цетьверг, цьэрепка—церепка и т. д.

Перед **и** мягкость парного согласного обозначается посредством **и**. Например: дьиректор—директор, дьиалект—диалект, льишме—лишме, льисемс—лисемс, ньиле—ниле, ньимиляв—нимиляв, рьивезь—ривезь, рьизнэмс —ризнэмс, сьиве—сиве, сьимемс—симемс, тьикше—тикше, тьинге—тинге, цьиндерь—циндер, цьирькун—цирькун.

Примечание: В эрзянском языке после твердых парных согласных пишется только буква **ы**. Например: дырнэмс, кунды, зыян, лытамс, лыйнемс, лыкштядемс, рысак, рыжой, пары, сывель, сыявкс, сыргамс, тыща, тыжномс, тыл, цыпкат, цыновка и т. д.

Мягким знаком (ь) мягкость парных согласных на письме обозначается в следующих случаях:

а) в конце слова.

Например: медь, ривезь, каль, зэрть, ломань, сексь, кемень, сапонь, тасть, кшумань, каргоць и т. д.

б) в середине слова перед твердыми парными согласными звуками.

Например: витьстэ, вейкетьстэ, сеетьстэ, кедьс-коморс, кедьсэ, кедьстэ, вирьсэ, вирьстэ и т. д.

в) после мягких парных в середине слова перед непарными согласными звуками.

Например: чирьке, эрьге, эрьке, пурьгине, каргоцькавтомс, перьгавтомс, сезьган, цирькун, вежаське, кедьге, уське, чельке, терьге, тесьма, верьгиз, ведьгемень, моцька, тарькс, таньшкавтомс, калготкстомс, цирькадемс, сэньшкадомс, коське, письмар, нарвицька, чарькодемс, чатьмонемс, тетькемс, сяворькшнемс, сэтьме, сэретькс, метьказ, летьке и т. д.

г) мягкий парный **ль** обозначается через **ь** как в середине слова перед любым согласным, так и в конце слова.

Например: сельме, вельмемс, пелька, кольнемс, кель, мель, каль, пель, кельть, мель мольстемс.

д) мягкость нескольких рядом стоящих мягких парных согласных в середине слова обозначается гласными переднего ряда, а в конце слова одним мягким знаком **(ь)**.

Например: вирьньэ — вирне, ведьньэ — ведне, кирьдьэмс—кирдемс, аварьдьэмс—авардемс, теньсьэмс—тенсемс, таньсьть—тансть, мерьсьть—мерсть, каньсьть—кансть, видьсьть—видсть, сокасьть—сокасть, аварьсьть—аварсть.

А. Маскаев.

О состоянии и перспективах развития мордовской литературы

Художественная литература всех народов, в том числе и мордовского, начинается с устного творчества, ибо «начало искусства слова — в фольклоре» [1]. И если для литературы других народов фольклор, как своеобразная традиционная форма устного художественного творчества, является неисчерпаемым океаном для дальнейшего роста ее, то для мордовской литературы кроме этого фольклор пока остается еще и в количественном и в качественном отношении ее ведущей частью. Письменная молодая мордовская литература не успела еще во всем многообразии показать в художественных произведениях борьбу народа за свое освобождение от векового угнетения, не успела еще создать художественно совершенных типов, но этот пробел заполняется устным народным творчеством.

В борьбе со стихией природы народ создал мифологические образы: злой богини леса и лесного хозяйства Вирява, доброй покровительницы земледелия и полеводства, воительницы против главного бога (Верепаз) Норовава, покровителя пчеловодства Нишки, богини любви и здоровья Ведява, держательницы двора, хозяйства Кардосярко и Юртава, хранительницы силы земли Моданя (Модава, Масторава) и друг.

Но не только мифологическими образами богат мордовский фольклор. В нем замечательно образно обобщена вся жизнь, весь быт, все стремления народа, показана борьба с набегами кочевых племен, которые опустошали селения, а жителей полонили. В многочисленных песнях о Тюште, «О гибели земли мордовской повести», в «Легенде о чудесном Гурьяне» отражена междоусобица среди мордовских князей за свое господство и покорение мордвы. Созданы высокохудожественные образы защитников народа,—умного тактика, мастера военного искусства — Веталана, защитника народа от порабощения, борца за независимость мордвы—мудрого Гурьяна, непримиримого противника опричнины московского государства—богатыря Сабана.

Таким образом указание М. Горького на первом Всесоюзном Съезде Советских писателей на то, что наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа, относится в полной мере и к мордовскому фольклору и подтверждается им.

---

[1] *М. Горький,* О литературе, Москва, 1937 г., изд. 2, стр. 480.

Несмотря на разжигание царским самодержавием национальной розни, мордовский народ вместе с русскими и другими народами бывшей царской России принимал активное участие в революционных движениях, возглавляемых Болотниковым, Разиным, Пугачевым. Это участие запечатлено художественными историческими песнями («Пугачев», «Взятие Казани», «По лесам»), преданиями, легендами и произведениями других жанров. Имя народного царя Пугачева в этих произведениях связывается с чаяниями народа, имя, как говорится в этих песнях и сказках, незабываемое, упоминаемое назло русской царице. Если вожди революционных движений рисуются, как выразители дум трудового народа об освобождении от ига помещиков и их произвола, то цари выведены в мордовском фольклоре, как тираны народа. В песнях «Оцязор кулось» («Умер царь»), «Павел Петрович», «Саратов пелев» («В сторону Саратова») воцарение Павла Петровича символизируется как продвижение клокочущего, всеуничтожающего огня (гурви тол) и смрада, едкого, удушливого стелящегося по земле дыма. Еще до вступления на престол он хвастался своей жестокостью, а когда

«Павел стал царем,
Государем стал,
Сделал так, как все
Наперед сказал:
Из людских голов
Настелил холмы,
Из людских костей
Он возвел мосты.
Человечья кровь
Потекла рекой,
Ой, широкою
Разлилась рекой». [1]

В результате борьбы народа против своих эксплоататоров—монастырей, проводивших насильственное крещение, которое тесно переплеталось с закрепощением, в мордовском фольклоре с XVI—XVII веков на бар и попов появились сатиры «Как мужики обманывали барина», «Как попа заставили прекратить лгать» и др., в которых уничтожающе едко высмеиваются постоянные антиподы мордовского крестьянина — помещики и служители христианской церкви.

К сожалению, богатейший фольклор мордовского народа собран еще мало, изучен плохо, следовательно, не освоен. Это объясняется прежде всего тем, что собирание мордовского фольклора начато сравнительно поздно, а более ранние записи ограничивались главным образом молянами, свадьбами, поминками и другими особенностями быта, резко отличающимися от славянских. Собирание художественного фольклора начинается только с IV четверти XIX века. До революции напечатано ряд отдельных произведений в различных губернских и епархиальных ведомостях, в этнографических журналах и выпущено несколько сборников

[1] „Что за дым-огонь", напечат. в сборн. „Наше солнце—Сталин", Морд. Госуд. изд-во, Саранск, 1940 г., стр. 156.

отдельными изданиями, как-то: «Образцы мордовской народной словесности», изд. Казанск. миссионерск. о-ва, Казань, 1882—1883 г. г.; «Образцы мордовской народной словестности», выпуск I-й Евсевьева, Казань, 1897 г.; «Мордовские народные сказки» Аникина, СПБ, 1909 г.; «Мордовский этнографический сборник» А. Шахматова. Этим почти исчерпывается список фольклора, изданного до революции, который, разумеется, не может дать достаточного представления обо всем мордовском фольклоре. Но и указанные материалы явились большим опровержением господствующего и официального мнения шовинистов-руссификаторов, которые мордовский народ рассматривали как народ второго сорта, не могущий не только создать художественные произведения, но даже и мыслить. «Мордвин имеет немного ума. В самом земледелии и работах он не столь смышлен как русский... Сама физиономия их (т. е. мордвы.—А. М.) так мало выражает движение души, что смотря на них, нельзя сказать, о чем они думают, даже нельзя утвердительно сказать, чтобы они были способны думать».[1] Слово мордвин было символом дикости, некультурности, грязи, неуменья; поэтому многие из мордвы отказывались от своей национальной принадлежности. О мордве говорили, что этот народ не имеет никаких представлений об истории, ничего своего национального не создал, а его поэзия скучная, однообразная, безвучная, бессодержательная. Вот образец далеко не единичной оценки устной народной литературы мордвы: «Мордовские песни, которые вместе со сказками составляют всю поэзию этого народа, скучны и однообразны. Все они представляют какой-нибудь случай из жизни, самый незначительный, увеличенный до гиперболы. Или досужая мордовка напряла столько, что когда стала мыть пряжу, то ручей высох, а когда повесила ее на забор—забор повалился. Или мордвин в один день нарубил столько дров, что полсвины рощи не стало. Или досужий мужик отправился до зари в поле, а леший только волочится на работу... Вот содержание песен, исключая очень немногих, в которых заметна мысль и завязка. Нет у них ни одной песни, которая выражала бы страсть, или тоску сердца. При нежном имени любви мордвы разевают рот, как при слове: Америка. Наконец, в песнях их почти нет следа чего нибудь исторического. Видно мордвы искони только рубили дрова и пряли».[2]

В высказываниях Попова насквозь видны тенденциозность, предвзятость, незнание автором мордовского фольклора; поэзия, связанная с трудовыми процессами, являющаяся характерной чертой всякой народной литературы, для него чужда и непонятна.

Октябрьская социалистическая революция открыла всем народам Советского Союза неограниченные возможности развития национальной по форме и социалистической по содержанию культуры. За годы советской власти в нашей стране проделана большая работа по сбору и изучению народного фольклора. Не мало сделано в этой области и в Мордовии. Но мы далеко еще не выполнили известного указания великого

[1] ***Попов***, Селиксинская мордва, С.-Петербургские ведомости, № 36 за 1834 г., стр. 139—140.

[2] ***Попов***, Селиксинская мордва, С.-Петербургские ведомости, № 37, 1834 г., стр. 143.

русского писателя М. Горького о том, что «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества». Это указание понято еще не всеми мордовскими писателями. Овладение фольклором, использование его в своем творчестве видна пока что у немногих товарищей: у Куторкина, Фролова, Коломасова, Кириллова и некот. др. Если бы все писатели максимально использовали фольклор, не гнушались бы его собиранием и изучением, то меньше было бы в мордовских художественных произведениях абстрактных, бесплотных героев, меньше было бы схематизма в изображении действительности, лучше был бы показан эмоциональный процесс изменения людей нашей страны.

Мордовский фольклор собран еще недостаточно полно. Поэтому Мордовскому Научно-Исследовательскому Институту, Союзу советских писателей и другим организациям необходимо в ближайшие годы выявить всех сказителей, собрать все богатство устного мордовского народного творчества, ибо фольклор является для мордовской молодой письменной художественной литературы и количественно и качественно старшим братом и богатейшей традицией художественного творчества. Фольклор и литература братских народностей, классическая литература — есть та почва, на которой мордовская художественная литература, обогреваемая ленинско-сталинской заботой, возникла и продолжает неуклонно расти так быстро, что литература буржуазных стран такие темпы знает только в сказках.

Мордовская письменная литература чуть-ли не самая молодая в системе многонациональной литературы Советского Союза. Она начинает свое существование с Великой Октябрьской социалистической революции и, следовательно, является целиком и полностью детищем ленинско-сталинской национальной политики.

Мордовская письменная литература насчитывает всего 18—20 лет своего существования. Первая книга рассказов и стихов «Васень сяткт» («Первые искры») вышла в 1929 году. Поэтому при ее оценке, не давая каких-либо скидок, мы все же не должны забывать о ее возрасте, не подходить к ней с меркой развитых литератур и не предъявлять слишком больших требований к только-что формирующейся оригинальной литературе, памятуя, что не с первых же дней организации письменности появляется высокохудожественная литература, которая включала бы в себя вдобавок и все жанры.

В годы гражданской войны и разрухи, когда все силы и средства страны были направлены на борьбу с интервентами, большевистская партия и советское правительство не прекращали своей постоянной заботы о росте национальной культуры по форме и социалистической по содержанию. Результатом такой заботы явился выход в свет в 1920 году на родине В. И. Ленина первой мордовской газеты «Чинь стямо» («Восход солнца»). Газета печаталась на различных диалектах мокшанского и эрзянского языков, на диалектах работников редакции, но она явилась первым органом, где впервые мордовские трудящиеся, главным образом, селькоры, начали печатать заметки о жизни села и свои стихи. В 1921—22 годах на эрзянском и мокшанском языках в Москве

начинает печататься еженедельный журнал, превращенный позднее в эрзянскую газету под тем же названием «Якстере теште». Эта газета выращивает будущих эрзянских писателей: Зинькова, Куторкина, Иркаева, Артура Моро, Лукьянова, Раптанова и др. Большинство из этих товарищей свою литературную деятельность начали как селькоры.

В это же время выходит в свет саратовская эрзянская газета «Якстере сокиця», которая печатает на своих страницах и объединяет в кружке при редакции начинающих в то время писателей и поэтов Цыганова, Сафронова (Тюртяка), Кривошеева и др.

В 1924 году организуется в г. Пензе мокшанская газета «Од веле» (ныне «Мокшень правда»), а в 1927 году—литературный журнал «Валдаян» (ныне «Колхозонь эряф»). Журнал и газета вырастили и объединили вокруг себя мокшанских поэтов и писателей: Фролова, Безбородова, Карасева, Чумакова, Бебана, Пьянзина, Макулова, Пинясова и др. товарищей.

В 1926 году выходит в Новосибирске эрзянская газета «Од эрямо», которая много уделяет внимания развитию мордовской молодой литературы, выделяя регулярно начинающим писателям специальные литературные страницы, где печатались не только местные авторы, но и писатели, поэты из Мордовии и Поволжья. Там начал впервые печататься и Петр Кириллов.

В 1928 году в Самаре выходит первый эрзянский литературно-художественный журнал «Сятко», который и ныне издается в Саранске. Этот журнал печатает не только произведения мордовских писателей, но и переводы произведений классиков русской литературы и писателей братских республик.

До 1930—32 г.г. лица мордовской литературы еще не было. Были отдельные произведения, обычно невысокого качества, которые еще ни в коей мере не характеризовали мордовскую литературу. Часто можно было слышать, что вообще мордовской литературы не существует, есть подражания и переводы, без указания на источники. Однако Кривошеев, Лукьянов, Безбородов, Раптанов, Иркаев, Кириллов, Куторкин и другие товарищи стали выкристаллизовываться, как писатели, а после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. о перестройке литературно-художественных организаций рост литературы стал более интенсивным: выпускается ряд сборников стихов, поэм, рассказов, появляется драма. С этого времени начинается не только количественный, но и качественный рост мордовской литературы. Начинается оценка отдельных произведений, сборников, обсуждение тематики, борьба за высокохудожественные произведения, а главным образом борьба за идейное качество литературы. Объявляется борьба 1-й плеяде, т. е. писателям кружка при газете «Якстере сокиця».

Для первой плеяды было характерным в то время искание форм и тематики, стиля, чувствительное, жалобное воспевание мордовской старины, прелестей уходящего национального костюма. В годы НЭП'а эта плеяда видела отсталость мордовской деревни, звала ее к учебе, к культурному ведению хозяйства, но не могла показать изменения села, его жителей. Наряду с этим в их поэзии чувствовалось какое-то недопони-

мание событий, отсюда и мотивы одиночества («Ку-ку»); побег от бури жизни на лоно тихой природы, цветистых лугов, на безлюдный простор морей. («Море»). Наблюдалось игнорирование международной терминологии и замена ее нововведенными искусственными словами, что приводило некоторых писателей к зауми; к националистическим поползновениям; отдельные общественные явления, термины, имена сводились к узко национальным понятиям.

В период коллективизации первая плеяда, возглавляемая Кривошеевым, уступает первенство в мордовской литературе второй плеяде во главе с автором первого мордовского романа «Киняль» Лукьяновым и Иркаевым, которая резко осуждает своих предшественников. Иркаев требует от каждого поэта быть снайпером слова, бить врага социалистического строительства наповал. Лукьянов, считавшийся в то время ведущим поэтом, разоблачал, как тогда называли, в своих партийных стихах, посланиях, фельетонах практику буржуазного национализма, излишнее словотворчество в языковом строительстве.

Тема стихов Лукьянова—сегодняшний день, строительство социализма в городе и деревне, борьба за пятилетний Сталинский план, камни, гвозди, бетон, трактор, громады. Все, что не предусмотрено планом пятилетки—все лишнее. Никаких личных интересов, чувств, никакой личности, ибо все это мелко для эпохи разрешения мировых проблем («Минь изнятано»).

Промежуточную позицию занимал между Кривошеевым и Лукьяновым своей нервной, противоречивой поэзией Артур Моро. Противоречивость и нервность его творчества заключается в том, что Артур утверждаемое отрицает, отрицаемое утверждает, смотря по настроению. То он, кроме соцстроительства, ничего не признает, никаких личных чувств и дел, то страстно любит и во имя этого готов отдать не только землю, но и небо; то он—великан, который рычагом Архимеда перевернет земной шар и запылает, как яркая звезда, встанет, как великий глашатай истины, память о котором проживет века, и которому мордва будет воздавать славу; то он—песчинка в людском океане, бессильный и жалкий упирается о ствол дерева, чтобы не упасть на «пахнувшую ночью землю» («Келейстэ кинть», «Эрямонь ким»).

После роспуска РАПП и особенно после статей М. Горького объявляется борьба формализму, схематизму в мордовской литературе. Если до этого писателями заимствовалось из мастерства Маяковского внешняя сторона (Кривошеев и другие), то теперь начинается серьезное глубокое изучение Маяковского, Горького; мордовские поэты и писатели учатся на произведениях Кольцова, Некрасова, Тургенева, Пушкина. Эта учеба ощутительно отразилась в творчестве Безбородова, Кириллова, Вечканова, Рогожина и др. Учеба писать, овладевать писательским мастерством дала свои положительные результаты. В мордовской литературе, изобиловавшей часто трафаретными стихами-призывами о вступлении в колхоз, бороться за культуру, бороться против кулаков и попов, начинает появляться широкое обобщение действительности колхозной жизни, в которой показывается новое поле, новые взаимоотношения людей, новые производственные отношения; взаимоотношение классов в деревне, вы-

полняемая ими роль. Кулак не просто кулак с большим карманом, с оголоблю длиной руками, каким он показывался раньше, а кулак, тормозящий колхозное движение, пускающий в ход в целях вредительства все имеющиеся в его распоряжении средства, опускаясь до всевозможных низостей, проституирования собственных детей. Кулак в мордовской литературе стал показываться не звероподобным и бесчувственным истуканом, живущим вне времени и пространства, а кулак с переживаниями, его надеждами на выход из создавшихся обстоятельств, с его обреченностью и подрывной работой. В этом отношении особо выделились произведения Безбородова «Матовсь кяжец», «Кафта ширет», Куторкина «Вейсэ», Иркаева «Коретнэ нахсацть», Раптанова «Чихан пандо ало», «Татю».

Тематика мордовской литературы расширяется, хотя и не перестает быть сельской (это, очевидно, об'ясняется тем, что ее писатели являются все представителями деревни, знают деревню лучше, чем город). Печатаются рассказы, поэмы, повести из истории мордвы (Куторкин, Кириллов, Безбородов и др.). Особенно показательно в этом отношении творчество Кириллова («Валске Сура лангсо» «Кузьма Алексеев»). Поэма «Валске Сура лангсо» дает замечательную картину революционной борьбы народа с князьями, помещиками и со всем существующим строем. Она знаменательна и тем, что события даются в большой динамике, в революционном развитии, показываются перспективы жизни на будущее.

В мордовской литературе нашли хорошее отображение гражданская война, НЭП в мордовской деревне, восстановительный период, смычка города с деревней. Такими произведениями являются рассказы Аношкина и роман «Чихан пандо ало», повесть «Татю», повесть «Стака иетнестэ» покойного Раптанова.

В это же время в литературу приходят новые силы поэзии колхозной лирики: Радин, Прохоров, Бебан, Карасев, Чумаков и другие. В 1935 году печатаются высокохудожественные, богатые по языку, с отражением национального колорита произведения покойной сказительницы Кривошеевой. Ее всем известные «Плач о Кирове» и «Завещание» по своему содержанию, по своей художественности остаются одними из лучших творений мордовской литературы.

С 1936—37 годов приступили к разработке советской тематики народные певцы Назарова, Афонькина, Занкин, Лапин и среди них награжденная Орденом Трудового Красного Знамени Фекла Игнатьевна Беззубова, создавшая поистине высокохудожественные произведения.

Феклу Игнатьевну читатели больше всего знают как народную поэтессу, но она в такой же мере и прозаик. Ее бытовые сатиры на помещиков и попов поражают своей новой творческой струей, связью традиционных сюжетов с современностью. В своих сказках она использует народные сюжеты, насыщает их сатирическим и юмористическим оттенками и вопросами сегодняшнего дня.

В борьбе с помещиком мужик выходит победителем, как и работник в тяжбе с попом. Барин в ее сказках не остается барином, а его имущество становится народным; работник попа не остается работником, он теперь колхозник.

В настоящее время Беззубова работает над созданием бытовой пьесы «Мордовская свадьба».

За сравнительно короткий срок в мордовской литературе создана своя драматургия. Это говорит о том, что мордовская литература стала довольно солидной. В создании мордовской драматургии умалчивается до сих пор почему-то роль Петровой. Пусть ее пьесы «Таштo койсэ», «Чопуда вий», «Кизэнь ве» недостаточно художественны, но они сыграли в развитии мордовской драмы положительную роль. Пьеса «Таштo койсэ» и сейчас еще ставится на колхозной сцене и включена в программу для школ, несмотря на ряд имеющихся в ней недочетов. Пьеса актуальна по своей теме, по показу быта. Ясно, пьеса Кириллова «Литова» несравненно выше во всех отношениях, чем пьесы Петровой. Выше она по художественно-изобразительным средствам, глубине изображаемых явлений, по национальной окраске, верности изображения революционного движения мордвы, что позволило считать Кириллова основоположником мордовской драмы. Но это суждение не исключает того, что Петрова была и остается зачинателем мордовской драматургии. В мордовской литературе теперь имеются не только пьесы Кириллова и Петровой, но и пьеса Безбородова «Кафта ширет», комедия Коломасова «Прокопыч», не считая маленьких драматических произведений. Кроме этого, ряд товарищей работают над созданием новых больших пьес (Беззубова, Радаев, Иркаев, Кривошеев и др.).

Быстрое развитие мордовской драматургии позволяет сделать заключение, что мордовская литература из года в год растет и количественно, и качественно и, несомненно, выйдет в число передовых звеньев советской многонациональной литературы.

За последние годы в литературу вливаются новые растущие кадры: Коломасов, Радаев, Родькин, Прончатов, Абрамов, Киржайкина, Дурнов и др. Некоторые из них стали в числе передовых мордовских писателей, как например, Коломасов. Коломасов от мелких бытовых новелл перешел к созданию крупных произведений, произведений широкого полотна, как повесть «Лавгинов Яхим», в которой автор дает правдивое обобщение колхозной действительности. В ней приводится не только фиксация фактов борьбы за укрепление колхоза, но и образно, в развитии показываются мощь прогрессивной силы и судьба отсталых настроений. Но не этим только характеризуется повесть. Она поражает читателя точностью и безнатянутостью, типичностью изображения колхозной деревни, знанием со стороны автора мордовского языка, быта, и плюс ко всему этому, в ней вводится новая, свежая струя в литературу—сатира и юмор. Всего этого достичь Коломасову в пьесе «Прокопыч» не удалось, хотя она написана позднее повести «Лавгинов Яхим» и на ту же самую тему. Повесть Коломасова «Лавгинов Яхим», как и поэму Кириллова «Валске Сура лангсо» необходимо перевести на русский язык. Это нужно сделать не только потому, чтобы показать образцы мордовской литературы, но и потому, чтобы эти произведения стали достоянием читателей, не владеющих мордовским языком.

За последнее время наблюдается усиленная, серьезная работа над собой таких писателей, как Куторкин, Вечканов, Пятаев, Марты-

нов. Куторкин преодолел свое слабое место—видеть однобоко мордовский быт и создал в стихах из истории Терюшевского восстания большой роман «Ламзурь». В романе находят справедливое, живое отражение все слои тогдашнего общества. Замечательно художественно, в соответствии с исторической действительностью показывается революционное движение мордвы за свою независимость. Хорошо нарисован повстанческий стан, быт мордовской деревни, взаимоотношения народа с покшатят и озатят.[1] По художественности, правдивости изображения, богатству лексики роман, несомненно, займет одно из первых мест в мордовской поэзии.

Особое место в мордовской поэзии занимает быстро растущий поэт Вечканов. Между его первым и вторым сборниками—пропасть. Для Вечканова характерно искание тематики и форм стиха; этим он отличается от всех других поэтов Мордовии. В первом сборнике заметно влияние на Вечканова мотивов поэзии Есенина («Весь сэтьме»), не свободен он был и от формализма («Остатка папирос»), от идеализации животного мира. Глядя на свиное стадо, он восклицает:

«Смотрите, где
Кипучая жизнь!
Мое желание
Играть с ними...
Как и они
Смеяться детски».

Во втором сборнике «Монь тештем» этих недочетов уже нет. Тематика второго сборника—оборона страны, советский здоровый патриотизм. В стихах дается глубокя мысль, уверенность в победе социализма в нашей стране, перспективы на будущее.

«Много повестей различных
Приносит наших дней земля.
Кем быть хочешь, тем и будешь—
Завтра каждое за нас».

Одновременно с глубиной обобщения Вечканов дает точную обрисовку деталей, меткое изображение картин, пейзажей. Вот пример обрисовки первых осенних заморозков, рисующих узоры на стеклах окон:

«Вольно мне, глаза открылись.
Молчит промерзшая земля.
В окна занавески холодная
Осенняя ночь без воя плела».[2]

На творчество Вечканова оказали сильнейшее влияние Маяковский и Блок, и это влияние способствовало развитию его индивидуальных особенностей в поэзии. Надо заметить, что символика Вечканова, идущая от Блока, начинает несколько усложнять его поэзию; есть опасность быть оторвавшимся от читателей. Нельзя сказать, что у него проявляются мотивы видения всего многообразия действительности в туманном зареве или в тусклом, непонятном мерцании лампад, но стихи «Музей-

[1] Покшатят—большие старики, старейшины, озатят—старики молян, хранители молянного имущества, знатоки религиозных традиций.

[2] Стихи переведены дословно.

сэ», «Содазь тев» и ряд других трудны для восприятия. Нельзя Вечканову и всем писателям забывать, что они пишут не для избранной публики, а для широких читательских масс. Следует напомнить Вечканову замечание М. Горького на рукопись «Жребий». «Если разрешите, я посоветовал бы вам писать проще, истинная красота и мудрость всегда в простоте. Не следует расставлять строчки, как это делает А. Белый, Ремизов и, подражая им, Пильняк и др. И слова тоже должны быть простые и ясные».

Мордовская детская литература до сих пор еще остается слабым участком. Издаваемая детская книга, в основном переводная с русского, часть из которой, в свою очередь, переведена с немецкого, английского и французского языков. В этих книгах говорится о графах; баронах, замках, о которых мордовский школьник, тем более дошкольник, не имеет представления. Между тем, о нашей советской действительности детских произведений в мордовской литературе очень мало. Над созданием детских произведений работают единицы — Фролов, Юргай (Сафронов) и частично Карасев, Пинясов, Радин и Кривошеев.

Начинающий поэт Юргай работает специально в области детской литературы и дал хороший сборник. Фролов пишет очень давно и серьезно. Он дал замечательные сказки, хотя почему-то до сих пор они не изданы отдельной книгой. Его сказка «Сире бабаня и дикай казаня» — лучшее произведение мордовской детской литературы. По художественному мастерству, по своей простоте и ясности, народному колориту эта сказка может быть поставлена рядом со сказкой «Конек-горбунок» Ершова. Несколько рассказов написал Пинясов. Его отдельные рассказы читаются с интересом. Автор неплохо знает психологию, любимые игры, занятия детей. Пинясов имеет возможность стать большим детским писателем, но не работает. Зачины рассказов одинаковы, концовки одинаковы и ряд моментов в рассказах написаны по заранее подготовленным для всех случаев формам и выражениям. Так, если речь идет о школе, то обязательно во всех рассказах учительница Татьяна Гавриловна, с одинаковыми поступками, с одинаковыми словами.

Мордовская детская литература должна развиваться, и пусть писатели чувствуют себя перед ней в долгу.

Мордовская литература 10—12 лет тому назад, как уже упоминалось, не имела своего лица, на нее смотрели еще как на диковинку, восторгались тем, что оказывается можно писать и печатать на мордовском языке. Как воспринималась первая мордовская печать читателями, можно продемонстрировать воспоминаниями Рогожина. В своей автобиографии он пишет, что удивился тому, что можно писать по-мордовски. Когда он увидел впервые мордовскую газету «Якстере теште», то «радость, которую я в то время ощущал, была такой, что, как говорят, пером не описать».[1]

В настоящее время мордовская литература не является диковинкой. Она прочно вошла в быт трудящихся каждой мордовской семьи. Этому способствовали и способствуют общий рост культуры и улучшение

[1] *Рогожин*, сборник стихов „Иетне жойнить", Саранск, 1933 г., стр. 7.

качества литературы. Мордовская литература теперь не та, какою она была 7—8 лет назад. Особенно она выросла и количественно, и качественно за последние пять лет.

Рост мордовской литературы для столь короткого времени весьма большой, перспектив к развитию еще больше. Но неверно было бы забывать и слабые и даже тормозящие ее росту моменты. Таких моментов, к сожалению, много, и преодоление их необходимо в ближайшее время.

Крупнейшим недостатком мордовской литературы и части литераторов—низкий культурный уровень, зачастую ниже, чем у большинства читателей. Слабое знание основ марксизма-ленинизма, отсюда скольжение по поверхности событий, натуралистическая обрисовка, неумение находить ведущего, неверная расстановка сил, бесперспективность в показе действительности.

У части писателей все еще слабые знания народной литературы, быта, языка и других национальных особенностей мордвы. Это ведет к тому, что отдельные мордовские произведения нередко мордовские только по языку. Кроме мордовских имен ничего мордовского в произведении не видно, они скорее похожи не на оригинальные, а на переводные. На самом деле, что можно сказать о народе, быт и язык которого известны поверхностно? Отсюда бледность образов, схематизм, рассуждения вообще, отсюда бедность лексики и сужение изобразительных средств . Вот вам примеры:

Перевожу точно:

Когда созреют хлеба,
Колхозники обрадуются,
Смеясь вздохнут,
Приготовят свои силы.
Начнут торопко жать,
Жнейками косить,
Тяжелые снопы вязать.
Складывать большие копны.
На гумно свезут,
Машинами смолотят...
Кто больше всех работает,
Тот больше всех получит. [1]

При чтении этих стихотворений невольно вспоминается чеховский герой учитель географии Ипполит Ипполитыч, который говорил всегда только всем известные вещи. Только что поженившегося своего друга он поздравил такими словами: «До сих пор вы были не женаты и жили одни, а теперь вы женаты и будете жить вдвоем». Садясь за стол, Ипполит Ипполитыч считал нужным сказать давно всем известное: «Без пищи люди не могут существовать». Ложась спать, он утверждал: «Спать надо в постели. А в одежде спать нельзя. От этого одежда портится». О погоде Ипполит Ипполитыч имел такое суждение: «Да, прекрасная погода... Лето не то, что зима. Зимой нужно печи топить, а летом и без

[1] ***Пятаев***, Келей паксясо, ОГИЗ-ГИХЛ, 1934 г., стр. 28.

печей тепло. Летом откроешь ночью окно и все-таки тепло, а зимою двойные рамы и все-таки холодно». Даже перед смертью в бреду Ипполит Ипполитыч говорил только то, что всем известно: «Лошади кушают овес и сено»... Тоже самое и в приведенных выдержках.

Вместо стиха—схематический пересказ обыденными средствами тысячу раз известных вещей, а уж о национальной особенности, хотя бы по языку, и говорить нечего. От такого бездушного схематизма не свободны и Лукьянов, и Артур Моро, и Радин и еще ряд других товарищей.

Если Пятаев преодолел свои слабые стороны, то Макулов, Артур Моро, Лукьянов, Радин еще не перестроились, как бы застыли, затоптались на одном месте. Топтание на месте заключается не только в том, что мало пишут эти товарищи, но и в том, что они плохо стараются улучшать свою продукцию. Качество написанных ими произведений в 1939—40 годах не лучше и не хуже написанных в 1931—33 годах.

Вот вам два отрывка из стихов Радина:

„Пиже, цеця̈в
Ютась тундось,
Маней, лембе
Кизэ сась.
Лембе вармась
Сови кудос,
Пекше прясто
Тветесь прась".

„Зеленая, цветистая
Прошла весна,
Солнечное, теплое
Лето пришло.
Теплый ветер
В дом заходит,
С орешника
Цвет упал (спал, осыпался)".[1]

А вот второй отрывок из стихов Радина:

„Мушко, мушко,
Кудряв мушко,—
Ашо руця, од панар.
Ламо канстe,
Пазе касстат,
Кансер ой—
Ламо ды танстей
Тон народонтень
Максат".

„Конопля, конопля,
Кудрявая конопля,—
Белый руця,[2] новая рубаха.
Много конопли,
Поскони растишь,
Конопляное масло
Много да вкусное
Ты народу
Дашь".

Первое стихотворение написано в 1932 году, второе в 1939 году. В первом случае есть какая-то законченная картина, во втором нет; в первый стих, если внести еще дополнительные слова, испортится, во втором случае новое внесение к словам «Ашо руця, од панар»—оборы, онучи, нитку и т. д., ничего не изменит, за исключением увеличения строк.

Указание А. М. Горького, что «Рассказывая о фактах, которые знаменуют интеллектуальный рост рабочего фабрики и превращение векового собственника в коллективиста колхозника, мы, литераторы именно только рассказываем, очень плохо изображая эмоциональный процесс этого превращения»[3]—выполняется в мордовской литературе далеко не достаточно и не всеми писателями.

---

[1] Первый и второй отрывки переводятся дословно.
[2] Руця—часть мордовского женского костюма.
[3] ***Горький***, О литературе, Москва, 1937 г.

Наблюдается у некоторых писателей плохое знание истории СССР и истории мордовского народа, что ведет часто при описании в произведениях явлений к исторической противоречивости, к механическому перенесению героев в другую эпоху, это делает их беспочвенными, не связанными с конкретной действительностью, отсюда—неправдоподобность рисуемого.

...«Правдивость и историческая конкретность художественного изображения должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся людей в духе социализма».[1] Без этого нельзя быть инженером человеческих душ. Чтобы быть им, надо знать народ, глубоко разбираться в событиях, уметь найти нужное, ведущее, знать прошлое, предвидеть будущее, иначе писатель не есть учитель для читателей. Примерами несочетания художественной правдивости с исторической конкретностью служат поэмы Рогожина «Гале» и «Литува», хотя они написаны с значительными заимствованиями из «Нарспи». В обеих поэмах рисуется жизнь мордвы в прошлом. Краткое содержание поэмы «Гале» таково: действие происходит в XX веке, конкретнее 1905—1907 г. г. Центральным героем является молодой человек, пастух Гале, который знает хорошо историю, хороший пропагандист, законченный революционер-марксист, знает даже детали пореволюционной жизни, начитанный... но неграмотный. В противовес ему выставляется кулак Ортя атя, награждаемый автором всякими ругательными эпитетами. Вина этого кулака заключается в том, что он отечески заботится о своей батрачке Окле, чтобы не просто вывести ее в люди, а выдать за помещика замуж, сделать ее владетельницей крупного помещичьего имущества. Героиня плачет, не хочет быть барыней, но все безрезультатно: Ортя атя на то и кулак, чтобы доказать ее неправоту и выдать за барина. Помещик Оболдуй тоже виноват, что он женится на батрачке, делает ее барыней, вводит в дворянский круг. Даже дворянские писатели так сердобольно не рисовали помещиков, под напомаженной и приглаженной внешностью которых еще Чернышевский и Некрасов видели и изображали хищных поработителей, как и кулака, столпа общества, показанного Щедриным. Рогожин же под отвратительной внешностью кулака нашел ангела-хранителя.

С поэмой «Литува» дело обстоит не лучше. События происходят в прошлом столетии, очевидно, вскоре после реформы. Как центральный герой Иваша, так и его отец—идеалисты, хотя знают революционную теорию Маркса, стремятся руководствоваться ею. Они, сын с отцом, своим поведением намереваются изменить действительность, существующий порядок. Будучи кустарями, брали плату за свою работу диференцированно, смотря по имущественному цензу заказчика или покупателя, как прогрессивный налог: с бедных—мало, с богатых—много, и этим, деля общество на классы, полагали организовать новое общество.

В изображении действительности в той и другой поэме господствует схема. Кулак должен разбивать свадьбы влюбленных и заботиться о

---

[1] Из речи А. Жданова, произнесенной 17 августа 1934 г.

бедных девушках, в этом его сущность. Центральный герой — беспредельно влюбленный молодой человек, непременно революционер. Героиня —девушка, тоже влюбленная, но отсталая, при неисполнении желаний ищет выход из жизни в самоутоплении или самоповешании.

Такая обрисовка вытекает от незнания конкретной действительности, от незнания истинной будничной жизни народа и его чаяний. Автор, описывая революционное движение мордвы, обнаруживает при этом полное игнорирование действительно существовавшее революционное движение и его характер, подменивая это невероятным вымыслом, противоречащим элементарным представлениям об истории.

Крупный недочет в мордовской литературе имеется и тематического характера. До сих пор в мордовской литературе почти нет произведений о жизни города, рабочего класса, интеллигенции. У нас среди рабочих, интеллигенции, вышедших из мордовской народной гущи, немало знатных людей, орденоносцев, они ни в эрзянской, ни в мокшанской литературе не показаны. Не показана роль города в развитии, в перестройке деревни, если не считать повесть Раптанова о смычке в годы восстановительного периода. Правда, за последнее время были попытки показать рабочую среду, рабочую молодежь, но не увенчались успехом («Комсомольскяй бригада» Чумакова).

Есть попытки показать и интеллигента в прозаической повести («Сад» Радаева). Повесть «Сад» еще не закончена, трудно еще судить о ее качестве, но по крайней мере начало не утешает: интеллигент в произведении выводится не тот, которого мы знаем, которого хотим видеть в литературе, которого мы любим. Интеллигент, выведенный в повести, написанной к тому же протокольным языком, не наш, советский интеллигент, а подонок общества, разложившийся элемент.

Самым слабым звеном мордовской литературы до сих пор остается критика. Критика, как мнение передового читателя, должна помогать росту литературы, бороться за ее качество, всесторонне и правильно оценивать каждое явление, опираясь на передовое советское литературоведение. С этими задачами критика мордовской литературы все еще не справляется. Как ни странно, но в критике мордовской литературы, далеко незрелой, много ругани, которая, разумеется, не помогает росту литературы. Вместо разработки основных проблем, конкретной оценки, наблюдается пересказывание произведений или целых сборников.

Если мордовская литература молода, то критика еще моложе, и возникала она в мордовской литературе, как рапповское охаивание, а отсюда и ее односторонность. Замечательные произведения Безбородова расценивались без всякого на то повода, как кулацкие. Больше и справедливее, чем кто-либо другой, мордовской литературе тип кулака, социального, живущего, с его бытом, семьей, кулака-вредителя, террориста дали Безбородов и Раптанов. Роль передовой молодежи в переделке деревни, непосредственное участие молодежи в борьбе с кулачеством, попом опять-таки даны Безбородовым. Но за все это его грубо ругали, называли кулацким подпевалой. Ругали и за то, что пишет о весне, об осени, о траве, лесе, ибо нельзя, видите-ли, писать о таких вещах в период, когда дело идет о разрешении мировых проблем. Когда автор рисовал поле, ругали, по-

чему нет там трактора, а если есть трактор, то почему не два и не три и т. д.

Отделка стиха, лиризм Безбородова заслуживают подражания, однако говорили, говорят еще и теперь, что музыкальности, соразмерности в его стихах нет. До сих пор приходится слышать, что стихи Безбородова переложить на музыку нельзя. Между тем, колхозники сами подбирают мелодии под его стихотворения и распевают их под гармонь. В период коллективизации стихи Безбородова, как и песни, сыграли большую положительную роль, как агитационные произведения. Всего этого критика не замечала, не замечает и теперь, когда оценивается его творчество.

Также смотрела критика на творчество Кривошеева. Правда, Кривошеев нуждался в исправлении тематики, в изжитии формалистических моментов, но охаивалось все его творчество, и даже такое выражение, как:

Тейтерь марто
Якатано, якатано, якатано,
Цеця потсо
Ваятано, ваятано, ваятано.

С девицами
Ходим, ходим, ходим,
В цветах
Тонем, тонем, тонем.

почему-то считалось протаскиванием кулацкой идеологии; не замечались в произведениях Кривошеева певучесть, ритмика, богатая рифма.

До сих пор продолжается неверная ориентация авторов и читателей об отдельных произведениях. На 1-й конференции писателей Мордовии, в своем докладе тов. Дорогойченко дал оценки рассказу Аношкина «Раужо крандаз» и поэме Пятаева «Эряшке леень чиресэ». Эти оценки укоренились, а по Пятаеву несколько раз повторились в журнале «Сятко» и в мордовских газетах.

Аношкин, в прошлом участник гражданской войны, дал мордовской литературе ряд неплохих рассказов-эпизодов гражданской войны, о партизанском движении, о героизме советских людей, о зверствах белых офицеров. Его же перу принадлежит хорошее по изобразительным средствам произведение «Раужо крандаз». Однако рассказ является самым слабым произведением из всего творчества Аношкина, а не самым сильным, как почему-то установилось в Союзе писателей, хотя читатели не одобряют эту официальную оценку. Содержание рассказа заключается в следующем: архиерей едет в тяжелой черной карете, которая везется пятью лошадьми в сопровождении четырех конных жандармов. Едет архиерей по мордовским селам, давит скот, детей—все живое. Это невероятие тов. Дорогойченко объяснил как символ. Но, если это считать за символ, то таких символов в рассказе очень много. 1. Архиерей едет, оказывается, на перекладных лошадях, отобранных у бедняков, потому что у последних лошади не простые, а рысаки орловской породы. 2. В этом же рассказе говорится, что крестьяне находятся в крепостной зависимости у попа; это могло быть в период крещения мордвы, в период закрепощения ее за монастырями для так называемого крещения, то-есть не позднее XVII—XVIII веков. 3. Центральный герой попадает за посягательство на попа в тюрьму, где встречается с рабочим-революционером и слышит там песни, возникшие в XX-м веке. Если все это считать

символами, то это, прежде всего, символы несочетания художественной правдивости с конкретной историей.

Своеобразно оценена поэма «Эряшке леенть чиресэ», в которой т. Дорогойченко считает основным недостатком большой объем и рекомендовал выбросить ряд глав, сократить листа на два: поэма была бы тогда, по его мнению, хорошей. Выходит, что качество произведения зависит от его объема. Статьи в «Сятко» за 1939 г. повторили тоже, но с добавлением, чтобы изображаемые герои напоминали бы собой героев из «Мцыри» Лермонтова, «Кавказского пленника» Пушкина и т. д., требовали нарисовать героя—последовательного революционера и даже марксиста, а не бунтаря; хотя действие, показываемое в поэме, происходит на грани XVIII—XIX веков. Все эти указания для поэмы праздны, а вот то, что в ней много рассуждений, мало конкретных действий, недостаточно оправданы поступки художественными средствами, и это ухудшает поэму,—никто не заметил.

Осенью 1939 года по поводу стихотворения Иркаева «Чудикерькс» завязался беспринципный спор. В стихотворении автор показывает изменение времени, уход прошлого в вечность. Даже старая ветла, стоящая у пруда, свидетельница прошлых времен и та засыхает.

Кавтаськин по этому поводу пишет, что при чтении стихотворения создается хорошее впечатление, при повторном же чтении подумаешь, нет ли здесь чего-нибудь такого... и убеждается, что есть: ветла в наше время засыхать не может. Финн отвечает в журнале «Сятко», что может засохнуть ветла и в наше время. Кавтаськин снова:— Не может.[1] На этом «дискуссию» прервали, иначе они доказывали бы и теперь. Может на самом деле ветла засохнуть или нет? Этот спор очень напоминает тяжбу Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, и для литературы ничего не дает.

И, наконец, стоит остановиться на статье о сборнике Чумакова «Вайгяль». В сборнике «Комсомольскяй бригада» и другие рассказы неудачны, схематичны, люди в них бездушны, поступки не оправданы, но в этом же сборнике фельетоны, особенно сказки, оригинальны, сочны, неплохи в художественном отношении. Фельетоны и сказки Чумакова — горькая сатира на нерадивых, случайных людей.

В газете «Мокшень правда» вышла статья т. Майорова,[2] указывающая на вредность книги Чумахова по нескольким причинам, из которых:

1) Автор героиню посылает учиться в Москву, а не в какой-либо другой город.

2) Сравнение бюрократа, бездельника, растолстевшего от ничегонеделания, с беременной женщиной — оскорбительно для женщин и советского работника.

3) В сказках люди показаны в образах птиц и лягушек, а этого не может быть.

4) В сборнике идея, тема и художественное оформление находятся в

[1] Газета „Эрзянь коммуна" за 15 сентября 1939 г., журн. „Сятко", № 11—12, 1939 г.

[2] Газета „Мокшень правда" за 5 февраля 1940 г.

единстве, а надо наоборот, отсюда, издатели этой книжки бездельники, автор безумный или с определенными темными намерениями.

Статья была осуждена, как исключительно грубая, тенденциозная. Газета «Мокшень правда» [1] напечатала опровержение, в котором признает статью Майорова вредной, тенденциозной, но... справедливой, обещает такую «критику» помещать на своих страницах и впредь.

Упомянутые статьи Майорова, Кавтаськина, отношение к ним издательских организаций не являются единичными и случайными явлениями. Они только более ярко, более резко выражают низкий уровень мордовской литературной критики, которая отстает от общего роста литературы и которая не избавилась еще от рапповских методов. Состояние литературной критики должно заинтересовать литературные организации, редакции литературных журналов, общественность Мордовии, обратить их внимание на создание кадров критиков мордовской литературы, помочь росту работающих в этом направлении товарищей. Коренным образом изжить из практики невежественную критику, рапповское охаивание, однобокий и поверхностный социологический разбор произведений, ибо все это не только не способствует росту мордовской литературы, но задерживает ее развитие.

Залогом того, что в мордовской литературе будет здоровая, на высоком уровне передового в мире советского литературоведения критика, и займет почетное, ведущее место—является общий рост культуры читателей, возрастание интереса к художественной литературе. Нет в мордовской литературе ни одного сборника, ни одного крупного художественного произведения, о которых не было бы мнений, писем, замечаний, статей, высказанных передовыми читателями. Из этих передовых читателей и составится основной костяк критиков.

Такое же почетное и ведущее место, как и критика, займет быстро растущая художественная проза, которая количественно все еще продолжает отставать от лирики, и мордовская литература в ближайшие годы займет одно из непоследних мест в многонациональной литературе Советского Союза.

---

[1] „Мокшень правда“ от 21 апреля 1940 г.

Библиография

И. Цыганов.

„Эрзянь фольклор"

Мордовское Государственное Издательство г. Саранск, 1939 г.

Выход в свет книги «Эрзянь фольклор»—огромное событие для мордовской литературы.

Октябрьская социалистическая революция, раскрепостив все народы бывшей России, дала им все возможности для экономического, политического и культурного расцвета. Под руководством партии Ленина—Сталина мордовский народ создает свою национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру. В ней почетное место занимает работа по сбору и публикованию замечательного устного художественного творчества мордвы.

В изданном сборнике исключительный интерес представляют как собранные народные произведения, так и предисловие к ним тов. Маскаева.

Сборник разбит как бы на два больших раздела: мордовский фольклор до Октябрьской социалистической революции и после нее, т. е. в период социалистического строительства. Несравненно шире представлен дооктябрьский фольклор. Последний распределен по жанрам, что в основном соответствует и тематическому распределению. Во II разделе—«Фантастические сказки» в основном даются сказки о богатырях, в III-м же разделе—«Новеллистические и анекдотические сказки»—главным образом, напечатаны сказки антирелигиозные и т. д. Такое распределение материала нужно считать весьма удачным.

В первом разделе даются сказки о животных. Их всего лишь пять, но они изумительно хороши. Также прекрасны и фантастические сказки.

Во всех этих сказках в глаза бросается превосходство человека, его ума, смелости и находчивости над животными, чудовищами и волшебниками. Как правило в дураках остаются сильные, но до глупости простодушные и неуклюжие медведи, которые просят мужика, чтобы тот, угождая лисице, воткнул в него топор; или он по своей глупости ест жнивье, а мужик хлеб... В таком же положении оказываются злые и жадные волки, увертливые, хитрые лисицы, уверенные в том, что они всех умнее и хитрее, а сами еле-еле спасаются от собак («Атине, овтыне ды ривеське») или даже от кошки, гуся, утки и быка («Бука ды псака»). Да и страшные девятиглавые змеи («Севонень седейсто атянь цера богатырь»). Коварные волшебники и волшебницы не в силах справиться с народной правдой, с их богатырями. Непобедимые, че-

стные, благородные богатыри, которые иногда имеют двухпудовую железную шляпу, однопудовую железную палку («Атянь цера богатырь») или еще какую-другую силу, встают против злых сил за правду народа. Там же, где речь идет о большой опасности для слабых домашних животных—они объединяются в грозный союз («Бука ды псака»), способный их защитить даже от целой стаи хищных волков.

В этих двух разделах и в VII разд.—«Мифологические песни» напечатан фольклорный материал, «который является отражением явлений природы, борьбы с природой». (М. Горький) и, очевидно, отражением жизни мордвы в древнейшие времена.

Мрачное прошлое мордовского народа при крепостном строе и капитализме отражено в произведениях, собранных в разделах: «Рассказы», «Исторические песни и песни про крепостное право» и др. Безземелье, рабский труд на барина, непосильные подати, бесправие, нужда и голод трудящихся—вот о чем рассказывается и сквозь слезы поется в народных произведениях.

«Почему так печален мир-народ?
Мир плачет от собак-бояр,
Они взяли все наши поля,
Они отняли все наши луга.
Как прокормим мы теперь свои семьи?!»...
(«Мекс пек аварди мирэсь-масторось»).

Народ проклинает барщину и бар, кулаков и фабрикантов:

«Собачьей смертью пусть умрут они,
В тартар пусть пойдут они».

И как до неузнаваемости жизнь изменена большевиками!

Не узнать прежних сел и деревень, нет больше безземелья, бесправия, бар, кулаков и капиталистов. Пышным цветом расцветают колхозы Мордовии.

«Ой, хороша, хороша
Земля наша.
Ой, хороша, хороша
Страна наша.
Из лучшего лучшая
Колхозная земля.
Из красивого красивое
Поле колхозное».
(«Мазый, мазый колхозонь паксясь»).

Особенно тяжелым было положение женщин, и потому не случайно о ее доле больше всего песен и плачей. Народные произведения о женщине в сборнике в основном представлены в V разделе—«Свадьбань урнемат, морсемат и парявтнемат» и VI разделе—«Лайшемат кулозтнень кувалт».

Тяжела и горька была доля мордовской женщины.

Но женщина в мордовских плачах и песнях не только рабыня, но и гордая, красивая и иногда сама себе определяет жизнь («Уляша», «Литова»).

Какая пропасть между положением женщины до советской власти и

сейчас! Теперь женщина равноправная с мужчиной. В нашей стране ей обеспечен стахановский труд, зажиточная культурная и счастливая жизнь («Таштo Мурза велесь», «Учия мон паро эрямонть» и др.).

Большое место в сборнике занимают песни про солдатчину. Жизнь и служба в царской армии—это живая тюрьма. Одна из песен о солдатской жизни так и называется: «В живой гроб сыночка провожаю».

Люди, идущие в царскую армию, проклинали день своего рождения:

«Ой, не рождаться, мама, мне хорошо бы.
Ой, не расти бы мне, кормилица, хорошо бы.
Лучше уродился бы, мама, я камнем...»

(«Сисем братсто Даня удалась»).

Уходя в армию, солдат дома оставлял разутую, раздетую, голодную семью («Вай, морясь», «Салдат полк»).

В песне «Полк солдат и повстречавшаяся стая гусей» про жизнь солдатской семьи рассказывается:

«Твои малые дети плачут,
Твоя супруга, она собирает...»

Тяжела и ненавистна была служба на царя, помещиков и капиталистов.

«Ой, поверху летит полк гусей,
Понизу ходит полк солдат.
Гуси летят, гогочут.
Солдаты идут, плачут».

С какой великой радостью сейчас идет молодежь в Красную Армию, с каким восторгом народ провожает своих сынов защищать границы социалистической родины.

Народ любит своих героев Хасана, освободителей трудящихся Западной Украины и Западной Белоруссии, бойцов, с честью выполнивших задание правительства в борьбе с белофиннами.

В X разделе сборника представлены замечательные лирические песни мордовского народа. Богаты они содержанием, своей задушевностью и музыкальностью.

Исключительный интерес представляют антирелигиозные произведения, они в основном собраны в третьей главе—«Новеллистические и анекдотические сказки». Сколько в них остроумия, юмора и жизненной сатиры на попов, архиереев и прочих служителей культа. Попы и архиереи жадны и скупы. Там, где речь идет о наживе, служители культа забывают своего бога. За деньги по-человечески они схоронили собаку («Кискине кленцирь пулыне»). Они готовы две шкуры содрать со своих работников. («Поп лы колмо роботникть» и др.). Религия есть средство одурманивания и одурачивания масс—вот какой вывод вытекает из этих сказок...

Замечательно то, что в антирелигиозных сказках работник или крестьянин всегда оказывается умнее, бодрее, смелее и находчивее попа, архиерея.

Следует всячески рекомендовать антирелигиозникам Мордовии использовать в своей работе богатые произведения мордовского фольклора.

Кровавым венцом прошлого в мордовских устных произведениях нарисован образ русского царя Павла Петровича.

«Что за огонь горит, что за дымок?
Павел Петрович садится царем,
Павел Петрович становится государем.
Он говорит: если я стану государем,
Из человеческих головушек я, говорит, настелю холмы,
Из человеческих костей я, говорит, построю мосты,
Из человеческой кровушки я, говорит, пущу реки.
Когда стал Павел царем,
Когда стал Павел государем,
Из человеческих голов насыпал холмы,
Из человеческих костей он построил мосты,
Из человеческой кровушки он пустил реки».

Таков чудовищный образ ненавистного царя, олицетворяющего всю мерзость крепостного строя и капитализма.

По зато с какой теплотой, любовью и радостью мордовским народом воспевается образ вождя крестьянского восстания Пугачева («Пугачев», «Моро Пугачевдо» и др.).

Красочны и цветисты, звонки и лиричны песни мордовского народа о социалистическом строительстве и о его вожде — любимом Сталине. В них воспеваются наши заводы и фабрики, колхозы и совхозы, стахановский труд, зажиточная, культурная жизнь, смелость и отвага бойцов доблестной Красной Армии, беспредельная любовь к родине. Все стороны нашей многогранной, богатой жизни нашли свое отражение в народном творчестве. И центром их является Ленин и Сталин. Талантливыми сказительницами Кривошеевой и Беззубовой созданы волнующие песни и сказы о гениальных людях нашей эпохи—Ленине, Сталине, Кирове, Горьком. Великой ненавистью к врагам народа наполнены песни и сказы мордовских сказительниц.

В сборнике, к сожалению, имеется целый ряд существенных недостатков. Остановимся на некоторых из них.

В предисловии к сборнику институт оповещает своих читателей о том, что в данном сборнике представлены все жанры устного творчества мордовского народа. Получается такое впечатление, что в мордовском фольклоре нет ни баллад, ни былин, ни пословиц и поговорок, ни драм, так как всего этого нет в изданном сборнике. На самом деле это не так. В мордовском фольклоре имеются прекрасные баллады, пословицы и поговорки, и плохо, конечно, что составители не представили в сборнике указанные жанры.

Мало этого, в сборнике многие образцы мордовского фольклора не напечатаны. Это особенно относится к современному фольклору. Правда, этот пробел будет восполнен скоро выходящим новым сборником. Совсем нет произведений периода революции 1905 г., Октябрьской социалистической революции 1917 г. и гражданской войны.

Огромное большинство текстов народного творчества в сборнике подверглось литературной обработке. Последняя во многих случаях

необходима и проведена хорошо, однако есть немало случаев, когда составители необоснованно изменяют подлинное народное произведение. Так, например, совершенно неправильно выброшен замечательный повтор в «Плаче четвертого вечера» (стр. 179—180).

В записи Евсевьева имеется удивительная стройность и красота композиционного строения этого плача. Весь плач как бы разделен на пять частей и каждая из них начинается повтором. Составители сборника в четырех случаях этот повтор оставили, а в пятом почему-то взяли и выбросили, чем грубо испортили все произведение.

В этом же плаче, немного ниже допущено другое малообоснованное сокращение (стр. 180). Чем вызваны такие сокращения существующих текстов народного произведения — едва ли и самим авторам известно.

Подобная «переделка» текста не единственная. Нам кажется, не было необходимости значительно изменять в некоторых местах и сказку «Алтазь цера» да и многие другие произведения.

Составители иногда без надобности изменяют эпитеты, сравнения, образы и даже мысли народных произведений. Так в «Мордовском этнографическом сборнике» Шахматова (стр. 614) в «Плаче о сыне» мать говорит об умершем сыне, сравнивая его с вертящим солнцем, в сборнике же института (стр. 201) говорится о сыне, который светлее ясного солнца. Как видно, народом употребленный эпитет изменен без основания. Мало того, неправильно переделан и конец этого плача. У Шахматова плач кончается причитанием матери о том, что смерть сына много ей горя оставила, много нужды сделала, что вытекает и соответствует всему плачу, ибо в нем говорится о горе матери (а не сына) в связи со смертью сына.

В сборнике же института мать говорит о сыне, который много горя перенес, много нужды увидел. Такой конец не соответствует содержанию и нарушает общую лирическую стройность плача.

Известно, какими неисчерпаемыми художественными богатствами обладает народный язык в фольклоре. Он является одним из решающих средств для яркой характеристики героев, событий и явлений жизни. Однако, несмотря на это, составители как правило пренебрегли этим сочным, образным народным языком. Мало этого, в некоторых стихотворных произведениях чувствуется неслаженность в рифме, ритме и в композиционном строении. Составители, очевидно, стремились богатые произведения народного творчества дать в таком виде, в каком они сами пишут.

Почему и неслучайны письма читателей сборника, в которых они пишут о том, что некоторые произведения, записанные в их селе, изменены до неузнаваемости. Разумеется, литературная сбработка необходима, однако не во вред тексту.

Наконец, следует указать еще и на некоторые случайно вкравшиеся в сборник орфографические и синтаксические опечатки, а их все-таки не мало.

Так в сказке «Сюкор патя» записано: «Мон аздан, сюкор патань кевкстик!»

А немного ниже вместо «кинь» записано «кян». Подобные опечат-

ки имеются в сказке «Кавто братт», «Севонень седейстэ цера богатырь» и в других.

Совершенно правильно составители поступили, дав объяснения некоторым малоупотребительным мордовским словам. К сожалению, это сделано только в немногих случаях. Поскольку сборник рассчитан на массового читателя, постольку обязательно следовало бы снабдить его объяснениями малоизвестных слов. Но это не сделано. Почему и некоторые слова многим читателям непонятны. Так в сказке «Алтазь цера» написано:

«Лиссь ведьстэнть атя, весе седой. Таргась пеельне, таргась прок кирговонь ды меря:»

Второе предложение непонятно. В частности непонятно слово «кирговонь», кстати, в «Мордовском этнографическом сборнике» Шахматова, откуда взята эта сказка, этих слов совсем нет.

В песне «Тейтерень ногайть полонизь» имеется малораспространенное слово «чар», а в сказке «Сеине» слово «буярке» и т. д.

В употреблении немордовских слов составители никаких принципов не придерживались. В одних случаях они некоторые немордовские слова изменяли, а в других не изменяли. Так в песне «Кимайть—Оксят» неоправдано записано слово «очень» вместо «пек» и т. д. Следует отметить, что оформление сборника плохое. Мордгиз в этом отношении не проявил к сборнику серьезного внимания.

В заключении хочется сказать о предисловии к сборнику.

В общем хорошо написанное предисловие т. Маскаева в некоторых вопросах требует дополнения. Так, мало сказано о композиционном строении мордовских песен, ничего не сказано о «Плаче о Кирове» Кривошеевой. Нет полного обзора фольклора периода 1905 г., Октябрьской социалистической революции и гражданской войны и т. д. Однако, предисловие Маскаева—первая полезная и удачная попытка дать общий обзор мордовского фольклора с точки зрения отражения в нем различных эпох в жизни мордвы, начиная с матриархата, кончая нашим временем. Чтение этого предисловия совершенно необходимо для читателя сборника. Указанные нами пробелы в сборнике являются лишь частностями, и потому они не могут затмить хоть в какой-нибудь мере его огромную художественную и практическую ценность. Остается только горячо рекомендовать всем культпросвет. учреждениям, школам, учителям, агитаторам и мордовским писателям широко использовать данный сборник в своей практической, агитационной, воспитательной и творческой работе.

Не сомневаемся, что «Эрзянь фольклор» станет одной из любимых книг мордовского читателя.

Не лишне будет пожелать институту собрать все лучшее в мордовском фольклоре и сделать академическое издание, а также заняться переводом образцов мордовского фольклора на русский язык.

Содержание

Стр.

Д. Рузавин—О большевистской агитации 3

Из истории Мордовской АССР

В. Самаркин, Т. Купряшкин —Крестьянское движение в Мордовии в октябре месяце 1917 г. 9

П. Степанов—Краткий отчет о работе археологической экспедиции. 44

Вопросы языка и литературы

Проф. Д. В. Бубрих—Мордовская система фонем 51

Проф. Д. В. Бубрих—Мордовское склонение 79

Ф. Сульдин—Приципы эрзянского правописания 103

А. Маскаев—О состоянии и перспективах развития мордовской литературы 112

Библиография

И. Цыганов—„Эрзянь фольклор" 129

Ответственный редактор В. И. САМАРКИН.

Тираж 1500. Подписано к печати 12 февраля 1941 г. Ю351. Печатных листов 8,5, авторских листов 9,45. Типографских знаков в печатном листе 50.800. Цена в переплете 4 руб.

г. Саранск, типография „Красный Октябрь"

Заказ № 2898.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать	По чьей вине
46	10 сверху	С. Силеевский	С. Сиалеевский	корректора
135	10 сверху	Прицины	Принципы	корректора